

38825

447(9)

ОБОДОСІЯ

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

В. К. Виноградовъ.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ

Типо-Литографія Э. Киліусъ и К.

1902.

947-21

1998 г.

947-21
98.49

ХЕРСОНИСЬКА
ЦЕНТРАЛЬНА
БІБЛІОТЕКА

ОЕОДОСІЯ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Дополненіе вышло в Олеса 27 Января 1901 года
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

В. К. Виноградовъ.

52178 00

КАТЕРИНОДАРЬ
Типографія КИЛІУСЪ и К.
1902.

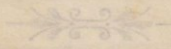

ОБОДОСІЯ

(НОТОРНЕСКІЙ ОДЕРЬС)

Дозволено цензурою г. Одесса, 31 Декабря 1901 года.

В. К. Рибальков

Таборава І. П. Р. в. К.
1901

ВВЕДЕНІЕ

Крымскій ¹⁾ полуостровъ, по имени аборигеновъ его называвшійся прежде Тавридою, искони вѣковъ представлялъ изъ себя такую мѣстность, мимо которой не проходилъ равнодушно ни одинъ народъ, передвигаясь изъ колыбели человечества, Азіи, въ нашу часть свѣта, Европу. Передвиженіе это, какъ извѣстно, совершалось разными путями; но, подчиняясь въ своемъ направленіи тому или другому теченію, оно непремѣнно, въ силу какого-то рока, раньше или позже, больше или меньше, касалось Крыма, и разъ попавшіе сюда обитатели не хотѣли уже добровольно съ этимъ благодатнымъ уголкомъ разстаться, уступали его другимъ только съ боя, послѣ отчаянныхъ сопротивленій.

Съ двухъ сторонъ направлялись въ древнюю Тавриду народы, ее преемственно населявшіе: съ сѣверо востока, изъ-за Танаиса (Дона), Меотиды (Азовскаго моря) и Киммерійскаго Воспора (Керченскаго пролива), и съ юго-запада, со стороны Понта Евксинскаго ²⁾ (Чернаго моря), чрезъ Воспоръ Тракійскій (Константинопольскій проливъ). Первымъ путемъ надвигалась на Тавриду грубая, полудикая, страшная физическою силой мас-

¹⁾ Примѣчанія см. стр. 125.

са, слѣдующіе, по выраженію древнихъ грековъ, варвары: Тавры, Киммеріане, Скиѣы, Сарматы, Аланы, Готы, Гунны, Угры, Хазары, Печенѣги, Половцы, Татары. ³⁾ Со стороны моря наѣзжали на Тавриду, хотя численностію и далеко уступавшіе варварамъ, за то несравненно превосходившіе ихъ своимъ просвѣщеніемъ, отважные, предприимчивые представители народовъ, раньше ихъ осѣвшихъ и развившихся въ прибрежьяхъ морей—Средиземнаго, Эгейскаго (Архипелага) и Пропонтиды (Мраморнаго моря): Египтяне, Финикійцы, древніе Греки ⁴⁾, Римляне, Византійцы, Итальянцы.

Народы первой группы попадали въ Крымъ какъ-бы случайно, непреднамѣренно, по дорогѣ, и, проживъ въ немъ возможное время, уходили дальше, будучи вытѣсняемы изъ него другими, сильнѣйшими; представители народовъ второй группы стремились въ Крымъ сознательно, по мѣрѣ распространенія между ними слуховъ о его естественныхъ богатствахъ и благоприятномъ, въ географическомъ отношеніи, положеніи, плыли къ берегамъ его съ заранѣе обдуманнми цѣлями: иногда съ хищническими, завоевательными, но чаще съ мирными, торговыми. Варварскія орды, заходя въ Крымъ, охотнѣе держались степной его части какъ болѣе соответствовавшей ихъ простому, близкому къ природѣ, кочевому образу жизни; цивилизованные мореходцы болѣе дорожили горной

частью Крыма, въ особенности его побережьёмъ и бухтами, при которыхъ они основывали портовые города и, для предохраненія себя отъ варварскихъ вторженій, защищали ихъ въ придачу къ естественнымъ горнымъ твердынямъ, искусственными укрѣпленіями: глубокими рвами, крѣпкими стѣнами, высокими башнями. Полудикіе степняки, обыкновенно составляя населеніе, господствовавшее надъ Крымомъ, довольствовались собираніемъ съ чужеземцевъ-моряковъ незначительной дани и малостоющихъ подарковъ; заселявшіе берегъ Крыма образованные колонисты эксплуатировали невѣжественныхъ обитателей степей, вывозя отсюда все, чѣмъ богаты были природа и люди не только полуострова, но и прилежащихъ къ нему странъ.

Въ жизни колонистовъ Таврическаго побережья бывали моменты, когда они, пренебрегая властію туземцевъ и добиваясь даже полной независимости отъ нея, возводили нѣкоторыя изъ своихъ колоній на степень центра чуть не всемірной торговли. Тогда господствующее населеніе, за черезчуръ уже безцеремонное отношеніе къ нему со стороны не знавшихъ мѣры эксплуататоровъ, давало имъ почувствовать свое физическое превосходство надъ ними: возникали войны часто очень продолжительныя, кровопролитныя. Происходившими, вслѣдствіе этого, замѣшательствами на полуостровѣ пользовались другіе и, выбивая своихъ

соперниковъ по обладанію Крымскимъ побережь-
емъ изъ ихъ крѣпкихъ позицій, занимали ихъ мѣсто.

Таковъ характеръ двухъ теченій, по кото-
рымъ направлялось движеніе и слагалась жизнь
народовъ, населявшихъ Крымскій полуостровъ,
вплоть до отдѣленія его отъ Турціи и присоеди-
ненія къ Россіи.

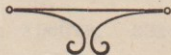
Интересна роль послѣднихъ государствъ въ
исторической судьбѣ Крыма. Наше отечество, еще
въ періодъ до-Монгольскій, пыталось захватить
его въ свои руки, и эта попытка до нѣкоторой
степени ему удалась: изъ части Крыма и Таман-
скаго полуострова возникло одно изъ удѣльныхъ
русскихъ княжествъ — Тмутараканское. Но частич-
ное обладаніе Крымомъ продолжалось не долго:
упрочиться и расшириться здѣсь древней Руси
помѣшали воинственные варвары — Половцы и Та-
тары, надолго отдѣлившіе ее отъ Тавриды. Позд-
нѣе, но побѣдоноснѣе вошли въ Крымъ Турки и
дольше имъ владѣли, пока не вынуждены были,
вслѣдствіе мудрой политики Екатерины II, усту-
пить этотъ благословенный край въ Ея счастливое
подданство.

Великое событіе присоединенія Крыма къ на-
шему отечеству совершилось въ послѣдней чет-
верти прошлаго вѣка, 8-го апрѣля 1883 года
исполнилась первая столѣтняя годовщина его. Къ
этому знаменательному дню многіе готовятъ со-
чиненія, касающіяся исторіи или всего полу-

острова, или отдѣльныхъ его частей и городовъ. Спѣшимъ и мы принести общерусскому празднику посильную дань, въ видѣ предлагаемаго благо-склонному вниманію читателя « Историческаго очерка г. Θεодосіи ».

В. Виноградовъ

7-го апрѣля 1883 года.
г. Θεодосіа.

оверка г. Геодина, в которой
 ельнику, каковыя, итателъ > Петровскаго
 посылано кнуд, да видѣ прелазенно главо-
 Сибирскъ и ны причесит общерусскоу иривникъ
 оверка или отдѣланикъ его ясетъ и > роделовъ

В. Ринодунное

Т-го числа 1883 года
 г. Геодина

ΘΕΟΔΟΣΙΑ.

(Историческій очеркъ)

Θεοδοσία, нынѣ уѣздный городъ Таврической губерніи, лежитъ подъ 45° 1' сѣв. широты и 53° 4' вост. долготы. ⁵⁾ Она приютилась къ сѣверному берегу Чернаго моря тамъ, гдѣ цѣпь Таврическихъ горъ, начинающихся съ предмѣстій Балаклавы, прерывается какъ-бы для того, чтобы за Керченскимъ проливомъ, на Таманскомъ полуостровѣ, соединиться съ цѣпью горъ Кавказскихъ. Съ сѣверо-восточной стороны ее омываетъ смѣлою дугою развернувшійся заливъ гостепріимнаго моря; со стороны юго-западной окаймляютъ ее довольно еще значительныя высоты ⁶⁾ послѣднихъ отроговъ горнаго хребта; изъ-за сѣверо-западнаго угла этихъ отроговъ и черезъ заливъ виднѣется степь, широко раскинувшаяся по всему подгорному пространству Крымскаго полуострова: влѣво отъ Θεοδοσίας, на сѣверо-западъ, до Сиваша и Перекопа, и въ право, на сѣверо-востокъ, до Арабата и Керчи.

Такое благоприятное, въ географическомъ отношеніи, положеніе Θεοδοσίας сообщило ея жизни чрезвычайное движеніе, а исторіи весьма живой интересъ. Особенно много далъ для дѣятельности обитателей Θεοδοσίας ея портъ, отличающійся всѣми удобствами для стоянки въ немъ судовъ и вывоза на нихъ естественныхъ произведеній края. Въ этомъ

отношеніи долго не могъ соперничать съ Θεодосіею ни одинъ изъ портовъ Крымскаго полуострова—во 1-хъ потому, что черезъ него можно безпрепятственно производить морскую торговлю въ теченіи круглаго года ^{?)}, во 2-хъ потому, что доступъ къ остальнымъ портамъ южнаго берега Крыма (за исключеніемъ развѣ Евпаторіи) со стороны суши до послѣдняго времени былъ затруднителенъ, вслѣдствіе неудобства путей сообщенія, а къ нѣкоторымъ—даже и совершеннаго отсутствія ихъ; между тѣмъ какъ по смежному съ Θεодосіею степному пространству доступъ къ ней со стороны континента былъ открытъ для торговыхъ людей всѣхъ временъ и самыхъ отдаленныхъ странъ и народовъ.

Нижеслѣдующія историческія данныя покажутъ, какъ, вслѣдствіе этого, различные народы, обладавшіе Θεодосіею, дорожили ею, не смотря на всѣ превратности судьбы и тяжкіе удары рока, которые долженъ былъ пережить этотъ замѣчательный городъ въ продолженіи чуть не двухъ съ половиною тысячелѣтій.

Приступимъ же къ его исторіи, которую раздѣлимъ на слѣдующіе четыре періода: древній (Греко-Римскій), средній (Генуэзскій), новый (Турецкій) и новѣйшій (Русскій).

I.

Древній періодъ.

(съ VI-го ст. до Р. Хр. до V-го послѣ Р. Хр.)

Мракъ доисторическихъ временъ не даетъ возможно-сти ясно разглядѣть, былъ ли на мѣстѣ нынѣшней Θεодосіи какой нибудь городъ при Киммеріянахъ и Тавро-Скиахъ. Правда, нѣкто Безыменный составитель древняго перипла Чернаго моря говоритъ намъ, будто Тавры или Аланы (самъ составитель точно не знаетъ) называли Θεодосію «Ардавдою» (*Αρδάβδα*) и будто имя это на ихъ языкѣ означало «семь боговъ»; но вопросъ—называли ли они этимъ именемъ только Θεодосію, или же и свой городъ, который существовалъ раньше на ея мѣстѣ—такъ и остается доселѣ не рѣшеннымъ. Намъ удалось, впрочемъ, запасть на одно мнѣніе, которое проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на рѣшеніе его: профессоръ Юргевичъ, вопреки Безыменному мореплавателю, предполагаетъ, что загадочное имя «Ардавда» значитъ не „семь боговъ“, а „даръ боговъ“, и что, слѣдовательно, древніе Греки, прибывши въ нашу бухту, въ половинѣ VI столѣтія до Рождества Христова, застали уже при ней городъ, туземное названіе котораго они только перевели на свой языкъ именемъ «*Θεοδοσία*» (богомъ-данная=Ардавда).⁸⁾ И не напрасно: это имя вполнѣ выражаетъ благодатныя условія мѣстности, на которыя мы указали выше.

Казалось бы, поэтому, ученымъ нечего и затрудняться при указаніи на мѣстность, которую занимала древняя Θεодосія. Между тѣмъ оказывается, что и этотъ вопросъ по настоящее время остается открытымъ. Принимая въ соображеніе измѣреніе древними географами пространства между нею и Пантикапеей (Керчью) ⁹⁾, одни изъ археологовъ помѣщаютъ Θεодосію около горы Опукъ ¹⁰⁾, другіе при Отузкомъ заливѣ ¹¹⁾, иные еще дальше, и только немногіе рѣшаются искать ее въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нынѣшней ¹²⁾, не рискуя, однако-же, сказать, гдѣ именно. Такое разногласіе однихъ и осторожность другихъ въ спорномъ вопросѣ воздерживаютъ и насъ отъ окончательнаго рѣшенія его; хотя намъ и кажется, что ужь если говорить о близости древней Θεодосіи къ нынѣшней, то, какъ будетъ видно изъ послѣдующей исторіи ея, не представляется никакого повода отводить ей мѣсто дальше горнаго склона, спускающагося нѣсколькими оврагами по направленію отъ теперешней часовни св. Іліи къ карантину, въ бухтѣ котораго, какъ самой безопасной и удобной для стоянки, по нашему мнѣнію, первое, подплывшее къ Ардавдѣ, греческое судно и бросило свой якорь.

Нѣтъ полнаго согласія между учеными и въ томъ, къ какому времени слѣдуетъ отнести основаніе Θεодосіи древними Греками, колоніи которыхъ по Таврическому побережью нѣкоторые возводятъ уже къ VII и даже къ VIII столѣтію до Р. Хр. ¹³⁾, хотя впервые называетъ именовъ Θεодосіи одну изъ нихъ географъ VI вѣка Скилаксъ Каріандскій ¹⁴⁾, предшественникъ Геродота Галикарнасскаго, тѣмъ же именовъ называвшаго нашъ городъ въ ряду другихъ, сосѣднихъ съ нимъ колоній. ¹⁵⁾ Въ вопросѣ о началѣ Θεодосіи всѣ и безусловно сходятся только въ одномъ, что эта колонія основана греческими выходцами изъ Ми-

лета ¹⁶), которые, повидимому, легко покупали у занимавших тогда Крымъ Тавро-Скиѳовъ право колонизаціи по всему его побережью. Отселъ, т. е. съ половины или конца VI столѣтія, и начинается болѣе достовѣрная исторія нашего города.

Что же сохранило намъ время отъ древняго періода о Феодосіи? Очень немногое! Немногаго, впрочемъ, вначалѣ и требовали отъ нея греческіе поселенцы. Явившись сюда съ цѣлями чисто коммерческими, они, конечно, и посматрѣли на этотъ пунктъ не больше, какъ на рынокъ, изъ котораго можно было вывозить въ свою метрополию (Милетъ) все, что собиралось на немъ изъ его окрестностей: кожу, шерсть, соль, рыбу, мясо, въ особенности же зерновой хлѣбъ. ¹⁷) Но какъ послѣдній Греки получали уже изъ другихъ странъ, по преимуществу изъ Египта и Сициліи, то хлѣбная торговля во вновь открытомъ портѣ Чернаго моря едва ли на первыхъ порахъ достигала значительныхъ размѣровъ, тѣмъ болѣе что полудикіе сосѣди ихъ, со стороны степей, Скиѳы, не сразу войдя во вкусъ получаемаго отъ Грековъ вознагражденія за сбываемые ими продукты и не развившись еще до пониманія важности мѣнновой торговли, не особенно заботились о развитіи у себя земледѣлія, съ тѣмъ чтобы увеличивать спросъ на отпускъ за свою границу зерноваго хлѣба. Однако-же съ теченіемъ времени какъ пришельцы, такъ и туземцы постепенно стали расширять свои промышленныя и торговыя операціи. Вслѣдствіе этого греческіе колонисты, почувствовавши свою силу, достигли такой степени независимости отъ своей метрополи, что стали даже чеканить въ Феодосіи свою монету ¹⁸), а Скиѳскіе земледѣльцы, съ алчностью бросааясь на произведенія Греческаго искусства и промышленности, въ особенности же на ихъ вкусное вино, естественно расширяли

размѣры добыванія изъ почвы хлѣбнаго продукта и тѣмъ все болѣе и болѣе содѣйствовали возвышенію Θεодосіи какъ въ торговомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи ея внѣшняго блеска и благоустройства. Скоро, кажется, Θεодосія и совсѣмъ отдѣлилась отъ Милета и, подѣ сѣнію республиканскихъ законовъ, нравовъ и обычаевъ, зажила самостоятельною жизнію сильныхъ капиталомъ и торговыми связями коммерсантовъ. Въ такомъ состояніи находилась она около двухъ столѣтій, составляя предметъ понятной зависти со стороны своихъ сосѣдей, отъ которыхъ нерѣдко приходилось ей защищать свою независимость силою оружія.

Но въ концѣ IV столѣтія Θεодосіи пришлось столкнуться съ врагомъ, откуда она меньше всего ожидала его. Ея сестра и чуть ли не сверстница по происхожденію Пантикапей, сдѣлавшись около этого времени столицей Воспорскаго царства, въ лицѣ воинственнаго царя своего Сатира I, задумала раздвинуть предѣлы своего господства во внутрь Крымскаго полуострова и захватить въ свои руки всѣ лежавшіе на юго-западѣ отъ нея береговыя колоніи включительно до Θεодосіи. ¹⁹⁾ Властолюбивый царь дѣйствительно завоевалъ все пространство Керченскаго полуострова вплоть до вырытаго, по преданію, дѣтьми Скиескихъ рабовъ рва, простиравшагося отъ Θεодосійскихъ горныхъ предмѣстій до Арабата, и подступилъ уже къ стѣнамъ самой Θεодосіи, но за дерзкое покушеніе овладѣть ею былъ жестоко наказанъ; жители Θεодосіи, выйдя къ нему на встрѣчу, убили его и тѣмъ блистательно доказали свое могущество въ борьбѣ съ врагомъ, который, подвигаясь съ Азіятскаго берега (изъ Фавагоріи) на берегъ Европейскій, доселѣ не встрѣчалъ противника, равнаго себѣ по силамъ.

Не долго, однако-жъ, пришлось имъ поспраздновать свою побѣду: чего не добился злополучный отецъ, то удалось бо-

лѣе счастливому сыну его, знаменитому Левкону I, первымъ дѣянiемъ котораго, по вступленiи на престолъ, было взятiе гордой и казалось, неприступной Θεодосiи. Это случилось около 393 года до Р. Хр., послѣ долгой осады города и упорнаго сопротивленiя жителей, не безъ причины опасающихся со стороны побѣдителя страшной расправы за кровь его отца. Ничего подобнаго, однако-жъ, не случилось: Левконъ, вступивъ въ давно желанный городъ, вмѣсто ожидаемой мести, осыпалъ побѣжденныхъ милостями и въ угоду имъ, какъ бы щадя ихъ республиканскiе нравы, называлъ себя не царемъ, а только „архонтомъ Θεодосiи“ (титулъ, который Веспорскiе цари позволяли себѣ употреблять доселѣ по отношенiю къ одной Пантикапее, какъ своей столицѣ). Нѣкоторые даже думаютъ, будто имя „Θεодосiа“ дано было впервые нашему городу Левкономъ, въ честь его жены, или сестры того же имени.²⁰⁾ Скоро обнаружилась и причина, по которой завоеватель такъ внимательно отнесся къ Θεодосiи и такъ милостиво обошелся съ ея жителями. Оказалось, что Левконъ задумалъ во вновь приобретенномъ краѣ развить земледѣлие до такой же степени совершенства, на какой оно стояло уже въ Азiятскихъ его владѣнiяхъ. Но какъ для сбыта предполагавшихся хлѣбныхъ продуктовъ въ этомъ краѣ, а равно и въ предѣлахъ новыхъ сосѣдей его земледѣльческихъ Скивовъ, ему необходимо былъ портъ болѣе удобный, чѣмъ Пантикапея, на которую онъ смотрѣлъ только какъ на свою резиденцию и какъ на оплотъ своей державы; то дальновидный царь Веспорскiй, не находя доселѣ лучшаго, по своему географическому положенiю, пункта для своихъ торговыхъ предпрiятiй, чѣмъ богомъ-данная ему Θεодосiя, порѣшилъ сдѣлать изъ нея транзитный складъ сырыхъ продуктовъ, имѣющихъ поступать сюда какъ со стороны суши, такъ и изъ всѣхъ,

принадлежавшихъ ему, портовъ при-Азовскаго и восточно-Черноморскаго побережья. Ему оставалось теперь подумать объ одномъ, куда направить сбытъ матеріаловъ изъ разумно избраннаго имъ пункта. И это онъ устроилъ, какъ самый ловкій коммерсантъ. Грецію, какъ выше мы упомянули, снабжали зерновымъ хлѣбомъ Египетъ, Сицилія и другія страны, прилегающія съ Средиземному морю. Случилось такъ, что именно въ это время, вѣлѣдствіе неурожая въ названныхъ странахъ, Греція не получала изъ нихъ ни зерна, и вѣлѣдствіе этого классическій народъ очутился въ ужасномъ положеніи: лишенная возможности удовлетворенія насущной жизненной потребности масса готова была сдѣлаться жертвою голода. Воспользовавшись этимъ-то критическимъ моментомъ, благоразумный Левконъ вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, высылаетъ Греціи въ подарокъ до 200,000 медимновъ ²¹⁾ пшеницы и, чтобы сразу отвлечь купцовъ этой страны отъ рынковъ Средиземнаго моря, освобождаетъ ихъ отъ 30-й части пошлины, въ случаѣ если они будутъ съ этихъ поръ всегда обращаться въ его склады за хлѣбомъ и другими продуктами. Несказанно обрадованные Аѣнныя, конечно, съ благодарностію согласились на такое выгодное предложеніе и чтобы дать блестящее доказательство этой благодарности, какъ ему, такъ и сыновьямъ его пожаловали право Аѣинскаго гражданства. Сверхъ этого, чтобы предложенныя великодушнымъ царемъ условія необыкновенной дружбы сдѣлать извѣстными всему міру, они ихъ начертали на трехъ колоннахъ и поставили—одну въ Пирей, другую на берегу Фракійскаго Воспора, а третью на берегу Воспора Киммерійскаго. И было за что: ибо Аѣнныя, ежегодно нагружая въ Воспорскіхъ портахъ до 2,200,000 четвертей пшеницы, отъ предоставленной имъ скидки съ пошлины за нее имѣли возможность

составить для своихъ капиталовъ громадныя сбереженія. Въ свою очередь и Θεодосійцы такую политикою своего новаго владыки были весьма довольны, такъ какъ изъ порта ихъ вывозилось хлѣба больше, чѣмъ изо всѣхъ остальныхъ, взятыхъ вмѣстѣ. Проникнутые благодарностью къ Левкону, они вычekaliли за это въ честь его монету. Наконецъ, и Левконъ не скупился ни на какія средства, чтобы поднять Θεодосію на степень первокласснаго города въ своемъ царствѣ, давъ ему льготу беспошлиннаго ввоза и вывоза товаровъ и даровавъ какъ ея жителямъ, такъ и желавшимъ въ ней поселиться иностранцамъ право гражданства. Скинскіе цари окончателно убѣдившись на блестящемъ примѣрѣ своего сосѣда въ неисчислимыхъ выгодахъ заграничной торговли, съ своей стороны повезли на Θεодосійскій рынокъ всѣ свои произведенія и взамѣнъ ихъ получали отъ Грековъ то, что больше соответствовало ихъ вкусамъ. Къ этому времени, конечно, главнымъ образомъ относится заимствование Скивами у Грековъ всѣхъ тѣхъ предметовъ искусства и промышленности (предметы роскоши—разныя украшенія, мебель, оружіе, платье, домашняя утварь и т. п.), которые находятъ теперь археологи, раскапывая могильные курганы ихъ царей. Кажется, что велижественнымъ варварамъ послужили даже во вредъ тѣ заимствования отъ Грековъ, которыя болѣе просвѣщеннымъ Воспорцамъ приносили пользу. Въ то время, какъ въ послѣднихъ они развивали вкусъ къ изящному и умѣняли жить съ комфортомъ и всеми удобствами, у первыхъ они исторенили нравы патриархальной простоты, непосредственности, и прививали къ нимъ привычки самаго низменнаго качества: вино скоро сдѣлалось для нихъ абсолютно необходимою и чуть ли не единственнымъ предметомъ, который они получали въ обмѣнъ за свои произведенія;

сами женщины, пристрастившись къ нему, стали принимать участіе въ пьяныхъ оргіяхъ, безобразныхъ до такой степени, что Греки для характеристики этихъ оргій придумали особое выраженіе „*Σκυθιστί πίειρα*“ (пить по Скиѣски). 22)

Θεодосία, однако-жъ, мало было дѣла до безобразій Скиѣовъ; она усердно передавала въ ихъ страну все, что Аѣніяне измышляли для развращенія этихъ дикарей, доставлявшихъ имъ хлѣбъ самаго лучшаго качества, успѣла достигнуть самой высшей степени процвѣтанія и богатства и, такимъ образомъ, составила изъ себя самый драгоценный камень въ коронѣ Веспорскаго царства.

Этотъ классическій періодъ въ жизни древней Θεодосία продолжался около 250 лѣтъ, какъ разъ дотолѣ, пока Аѣны, съ судьбою коихъ тѣсно связана была судьба Θεодосία, держались на высотѣ своего величія. Какъ толькѣ, около половины предпоследняго вѣка до Р. Хр., влѣдствіе раздѣла Греція на Римскія провинціи, столица Аттіка пала, понизилась въ торговсѣмъ своемъ значеніи и Θεодосία, такъ что дальнѣйшая исторія древняго ея періода есть исторія постепеннаго упадка, параллельно съ которымъ постепенно меркнетъ ея блескъ, пока совсѣмъ и надолго не погасаетъ.

Римляне, овладѣвъ Греціею, Македоніею и смежными съ ними странами, не замедлили заявить свои притязанія и на Веспорское царство, но встрѣтили сильную къ тому преграду въ царѣ Митридатѣ (род. въ 135 г. до Р. Хр.). Тридцатилѣтняя война съ этимъ славнымъ мужемъ только озлобила жадныхъ къ завоеваніямъ Римлянъ и еще болѣе возбуждала ихъ честолюбивые замыслы. Силла, Лукуллъ и Помпей по очереди ратовали съ непримиримымъ Митридатомъ, доколѣ коварный сынъ его Фарнакъ не измѣнилъ ему, отдавши независимость своего наслѣдія въ жертву чу-

железному рабству. Рыцарскій духъ героя-отца не вынесъ сьмьновняго позора: въ мукахъ за утраченную свободу своего царства онъ самъ лишилъ себя жизни. Съ этого времени его владѣнія потеряли свою самостоятельность и хотя назывались еще царствомъ, но въ прямомъ смыслѣ составляли не что иное, какъ Римскую провинцію, потому что всѣ цари, послѣ Митридата, назначались уже Римомъ, который получалъ отъ нихъ за это дань. Напрасно Фарнакъ, цѣною измѣны своему отечеству купившій себѣ право Воспорскаго царя, пытался, пользуясь междоусобіями Юлія Цезаря и Помпея, отложиться отъ власти Рима: Цезарь, узнавъ о возмущеніи Фарнака, „пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ“ его (*veni, vidi vici*).

Напрасно также и Θεодосія, предвидя печальную судьбу Воспорскихъ царей, хотѣла ускользнуть изъ-подъ ихъ вліянія еще при Митридатѣ. Попытка эта ей не удалась: она принуждена была вмѣстѣ съ Пантикапейей распротиться навсегда съ управленіемъ республиканскаго характера и владѣть узы рабства подъ тяжкимъ игомъ Римскаго владычества. Впрочемъ, пока еще послѣднее сосредоточивалось въ рукахъ даровитыхъ императоровъ, положеніе какъ всего Воспорскаго царства, такъ и Θεодосіи было сносно; но когда престоломъ Римской имперіи стали торговать распушенныя арміи съ продажными во главѣ ихъ полководцами, тогда угасла и послѣдняя надежда нѣкогда цвѣтущей Θεодосіи на лучшее будущее. Торговля ея, какъ и остальныхъ Таврическихъ колоній, еще продолжалась, но уже далеко не въ такой степени, какъ это было въ періодъ цвѣтущаго состоянія Аѳинъ. Однако-жъ изъ Θεодосійскаго порта Римляне продолжали вывозить мѣстные продукты, въ особенности же соленое мясо, которое, когда гастрономическій вкусъ утопавшихъ въ роскоши императоровъ достигъ до

крайней степени изысканности, пользовалось такой репутацией, что боченокъ этого мяса изъ Понта Евксинскаго продавался въ Римѣ за 400 серебряныхъ динариевъ. ²³⁾

Новыя бѣдствія, постигшія Θεодосію, еще больше сократили размѣры ея торговли: началось вредное для ея спокойствія соперничество между униженной Римлянами Пантикапеей и пользовавшимся ихъ покровительствомъ Херсонесомъ (древняя колонія, неподалеку отъ нынѣшняго Севастополя). Соперничество это сопровождалось кровопролитными войнами, большею частію происходившими подѣнами Θεодосіи, какъ пограничнаго города между воюющими сторонами. Злосчастный городъ долженъ былъ вслѣдствіе этого переходить отъ одного соперника къ другому, а иногда получать удары и отъ Скивовъ, вмѣшивавшихся въ происходившія между воюющими городами споры и находившихъ такимъ образомъ случай къ униженію никогда не любимой ими Θεодосіи. Къ довершенію всего, въ концѣ I или началѣ II столѣтія по Р. Хр., вторгнулись изъ за Танаиса въ степную часть Тавриды Азіятскія орды Алановъ и опустошили ее. Страшную судьбу Воспорскаго царства раздѣлила съ нимъ и Θεодосія, которую разбойническія шайки новыхъ варваровъ разрушили до основанія. Объ этомъ, вѣроятно, времени исторической судьбы Θεодосіи упоминаетъ во II вѣкѣ нашей эры Арріанъ, правитель Никомидіи, называя ее „городомъ опустѣвшимъ, о которомъ сохранилась память только въ описаніяхъ“. На основаніи этого печальнаго свидѣтельства, многіе даже полагаали, что здѣсь собственно и конецъ древняго періода нашего города; но изъ одной надписи (относящейся къ 276—279 гг. по Р. Хр.) на мраморномъ столбѣ, найденномъ въ 1843 г. въ Керчи, оказывается, что въ Θεодосіи, въ царствованіе Воспорскаго царя Тиверія Юлія Тейранеса, жилъ

нѣкто Менестратъ, «царскій министръ и префектъ» этого города. ²⁴⁾ Отсюда можно съ достовѣрностію заключить, что Θεодосія, сильно ослабленная междуусобіями Воспорцевъ и Херсонесцевъ, полуразрушенная набѣгами Скиѳовъ и, наконецъ, совершенно разоренная Аланами, была возобновлена, по изгнаніи изъ Крима послѣднихъ Готами (въ 200 г.) и по восстановленіи Воспорскаго царства новой династіею царей изъ Сарматовъ, вскорѣ послѣ Алановъ появившихся въ Тавридѣ, изъ-за Киммерійскаго пролива, и овладѣвшихъ Воспорскимъ престоломъ. Римляне поспѣшили дать отпоръ притязаніямъ новыхъ царей: такъ въ 303 г. Констанцій Хлоръ, полководецъ войскъ императора Діоклитіана, при помощи Херсонесцевъ, разбилъ Савромата VIII и занялъ большую часть его владѣній. Преемникъ же его Савроматъ IX былъ убитъ на поединкѣ съ Херсонесскимъ протевонемъ Фарнакомъ подъ Θεодосіей, въ урочищѣ «Кафа» (*Кафа*). ²⁵⁾ Такимъ образомъ Херсонесцы освободили Воспорцевъ отъ ига Сарматовъ и даровали имъ свободу, которою, однако-жъ, по причинѣ отдаленности освободителей отъ освобожденныхъ, послѣдніе не могли долго пользоваться. во второй половинѣ IV вѣка Сарматы снова овладѣли Воспоромъ и возвели на престолъ Ассандра II, при которомъ въ 375 году ворвались въ Тавриду извѣстные въ исторіи своею жестокостію Гунны и положили конецъ Воспорскому царству, не оставивъ въ городахъ и селеніяхъ его камня на камнѣ.

Подъ ударами этихъ варваровъ пала и Θεодосія, похоронивъ свою древнюю славу въ развалинахъ, которыя уже болѣе полуторы тысячи лѣтъ (379—1883) тщетно вопіютъ въ археологіи о явленіи ихъ міру изъ-подъ сокрывшаго ихъ праха. ²⁶⁾

II.

Средній періодъ.

(съ V-го до XV-го столѣт. послѣ Р. Хр.).

Грустивъ Тавриду, Гунны направились на югозападъ Европы и, предавая все, встрѣчавшееся имъ на пути, огню и мечу, достигли предѣловъ Восточной Римской имперіи. Ужасный вождь ихъ Аттила, прозванный «Божьимъ бичемъ», потребовалъ отъ императора большое количество золота, но тотъ велѣлъ ему отвѣчать: «Золото храню я для друзей, для враговъ же у меня есть желѣзо». Твердость императора спасла Восточную имперію, и Аттила направился на Западную.

Въ 476 году Западная Римская имперія пала, а вмѣстѣ съ нею рушилась и большая часть поселеній, основанныхъ древними Греками на берегахъ Чернаго моря. Таврическій полуостровъ, соединенный до тѣхъ съ образованнымъ міромъ золотою цѣпью торговли, сдѣлался главнымъ поприщемъ борьбы варваровъ, часто смѣнявшихся, но одинаково грубыхъ, и поэтому, въ теченіи многихъ вѣковъ, не представлялъ изъ себя ничего, кромѣ груды развалинъ. Правда, что, еще при раздѣлѣ Римской имперіи на Восточную и Западную, первая получила себѣ въ наслѣдіе южный берегъ Таврическаго полуострова (отъ Херсонеса до Феодосіи), но она никогда уже не могла сдѣлать многого для нѣкогда цвѣтущаго Восточнаго царства въ долгій періодъ почти непрерывныхъ разрушеній, наносимыхъ ему преемственно врывающимися сюда изъ глубины Азіи дикими ордами кочевниковъ.

Въ бывшихъ владѣніяхъ Скиѳовъ и Воспорцевъ, велѣдъ за Аланами, Готѳами и Гуннами, въ 501 году явились Угры и Болгары, отъ которыхъ, впрочемъ, возвратилъ Воспоръ Восточной Римской имперіи, спустя полвѣка послѣ ихъ вторженія, императоръ Юстиніанъ I и оградилъ какъ его, такъ и остальную часть южнаго берега Крыма, (получившую около этого времени названіе Готѳіи), множествомъ укрѣпленій, подъ прикрытіемъ коихъ Пантикапея и другія прибрежныя поселенія, бытъ можетъ въ томъ числѣ и Θεодосія, пользовались нѣкоторымъ спокойствіемъ до исхода VII вѣка. Но въ 679 году временный покой ихъ былъ нарушенъ новыми пришельцами, мужественными и многочисленными Хозарами. Этотъ народъ долѣе предшественниковъ своихъ держался въ Тавридѣ и съумѣлъ извлечь для себя болѣе выгодъ изъ естественныхъ богатствъ ея, посредствомъ земледѣльческаго труда. Благодаря послѣднему, а также нѣкоторой торговлѣ, онъ распространилъ свое владычество далеко за предѣлы полуострова, которому далъ имя Хозаріи, и успѣлъ приобрѣсть важное положеніе среди сосѣдей, учредивъ у себя монархическую форму правленія во главѣ съ каганомъ (княземъ), пользовавшимся всѣми атрибутами царской власти.

Извѣстно, что въ началѣ нашей исторіи нѣкоторые изъ вошедшихъ въ составъ Руси племенъ (напр. Сѣверяне и Радимичи) платили дань Хозарамъ, отъ которой освободилъ ихъ Олегъ. Сынъ Игоря Святославъ, около 965 года проникнулъ въ предѣлы Хозарскаго каганата и сильно поколебалъ его господство. Владиміръ также ходилъ войною на Хозаръ, послѣ взятія имъ Херсонеса въ 988 году, откуда онъ прослѣдовалъ черезъ Θεодосію до Керчи и присоединилъ послѣднюю къ своимъ владѣніямъ, предѣлы которыхъ, по свидѣтельству лѣтописца Нестора, простира-

лись при немъ до пороговъ Днѣпровскихъ и Киммерійскаго пролива (позднѣе въ окрестностяхъ той же Θεодосіи сражался съ Херсонесцами Владиміръ Всеволодовичъ въ 1095 году). Къ этому времени, т. е. къ концу X вѣка, относится основаніе, въ предѣлахъ нынѣшней Керчи и Таманскаго полуострова, русскаго удѣльнаго княжества Тмутараканскаго (имя, передѣланное Русскими изъ древней Таматархи = *та Матарха*). Хотя противъ этого возсталъ князь Ясовъ и Косоговъ, но Тмутараканскій князь Мстиславъ одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду. Съ помощію того же русскаго князя Византійскому вождю Андронику въ 1016 г. удалось напасть на Хозарь и окончательно уничтожить ихъ державу въ Тавридѣ.

Тмутараканское княжество существовало около 150 лѣтъ, до вторженія въ бывшую Хозарію въ 1030 году сначала Печенѣговъ, а потомъ Комановъ или Половцевъ, которые, взимая дань со всѣхъ городовъ и укрѣпленій Таврическихъ, жили на полуостровѣ около 200 лѣтъ. Съ Печенѣгами и Половцами наши Русскіе князья вели непрерывныя войны, но не могли уже ни разу проникнуть въ предѣлы утраченнаго ими княжества. Конецъ Половецкому господству положили Монголы, извѣстные древнимъ подъ названіемъ Тохаровъ и переименованные потомъ въ Татары. Въ 1223 году часть ихъ орды хлынула въ Тавриду и нагнала на обитателей ея, Половцевъ, панической страхъ въ такой степени, что они толпами бѣжали за горы, и умирая съ голода, пожирали другъ друга. Скоро, впрочемъ, Татары предводительствуемые грознымъ Батыемъ (внукомъ знаменитаго Чингисхана, образовавшаго имперію подъ именемъ „Кипчака“ или „Золотой орды“), ушли изъ Крыма для завоеванія Руси; но въ 1239 году возвратились снова и окончательно утвердились въ немъ. По смерти Кипчакскаго

хана Батия въ 1255 г., объявилъ себя преемникомъ его Берека (по другимъ Бурга, или Беркай). За нимъ воцарился Мангу-Тимуръ, который разнымъ родственникамъ уступилъ части своихъ владѣній. При этомъ случаѣ Орангъ-Тимуръ получилъ города Крымъ (Старый) и Кафу (въ 1266 году). ²⁶⁾

Къ этому-то времени относятъ появленіе въ Крыму (имя, данное Тавридѣ Татарами) Генуэзцевъ, владычество которыхъ сначала въ Кафѣ, а потомъ и во многихъ другихъ поселеніяхъ Крымскаго побережья ознаменовалось такою извѣстностію, что по имени ихъ мы и позволили себѣ назвать средній періодъ исторіи нашего города Генуэзскимъ.

Когда же Генуэзцы заняли предмѣстье древней Феодосіи, и при какихъ условіяхъ послѣдовало ихъ поселеніе въ Крыму? Этотъ вопросъ рѣшали многіе, но съ помощію однихъ только догадокъ; такъ какъ даже Генуэзскіе летописцы, по необъяснимой причинѣ, не обозначили точно года, въ которомъ ихъ соотечественники поселились въ Кафѣ. Профессоръ Юргевичъ ²⁷⁾ объясняетъ это темное мѣсто въ ихъ летописяхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что первоначальное поселеніе Генуэзцевъ въ Крыму было частнымъ рыцарскимъ предпріятіемъ и находилось въ связи съ завоеваніемъ Константинополя Латинами. Вѣроятно дѣло было такъ: послѣ взятія Константинополя крестоносцами въ 1204 году, отрядъ Генуэзскихъ рыцарей поплылъ въ Черное море, не безъ вѣдома и согласія императора, которому по договору между крестоносцами, заключенному при раздѣлѣ Восточной имперіи, досталась значительная часть береговъ этого моря; высадившись въ Кафѣ, въ томъ самомъ урочищѣ близъ древней Феодосіи, о которомъ мы упоминали выше, отважные рыцари нашли это мѣсто весьма важнымъ для его будущности пунктомъ и поселились въ немъ.

Первый владѣтель Кафы, какъ значится въ недавно открытомъ профессоромъ Юргевичемъ документъ, нѣкто Р. далъ привиллегію безошлинной торговли по всей землѣ, принадлежащей ему и его сподвижникамъ. Эта привиллегія объявлява была неизвѣстнымъ обладателемъ Кафы 12 Января 1234 года, когда по уходѣ Татаръ, послѣ перваго вторженія ихъ въ Крымъ, въ послѣднемъ продолжали еще господствовать Половцы, съ котѣрыми новая колонія, быть можетъ, и вступила въ торговыя сношенія. Но вторичное вторженіе Татаръ въ Крымъ въ 1239 году и ихъ окончательное утверженіе въ немъ помѣшали частной предпримчивости завязать въ Кафѣ торговый узелъ. Новые владыки Крыма безъ труда отняли ее у рыцарей; жители ея разбѣжались, и самое имя, которое дано было только что возникавшей колоніи первыми основателями ея, до такой степени еще мало успѣло распространиться, что не должно казаться удивительнымъ, если ни Генуэзскіе лѣтописцы, ни другіе писатели и путешественники, какъ напр. Рубруквись и Николай и Матвѣй Поло, совсѣмъ не упоминаютъ о Кафѣ, не смотря на то, что всѣ они высадились съ Чернаго моря на берегъ въ нынѣшнемъ Судафѣ: первый въ 1253, а послѣдніе въ 1260 гг. Торговое значеніе и извѣстность Кафы начинается только съ того времени, когда она перешла изъ частныхъ рукъ подъ управленіе самой Генуэзской республики, что случилось не раньше второй половины XIII столѣтія.

Н. Н. Мурзакевичъ, авторъ знаменитой «Исторіи Генуэзскихъ поселеній въ Крыму», приводитъ возникновеніе правильной колонизаціи Генуэзцевъ на этомъ полуостровѣ въ связь съ приглашеніемъ самихъ Татаръ селиться иностранцамъ на мѣстахъ древнихъ городовъ Крыма. Соперничавшіе въ то время изъ-за обладанія водами Чернаго

моря съ Пизанцами и Венеціанцами дальновидные Генуэзцы весьма охотно откликнулись на такое приглашеніе, тѣмъ болѣе что первоначальные поселенцы изъ ихъ согражданъ въ Крыму, вѣроятно, въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ отзывались о немъ. Представители Генуэзской республики явились къ владѣтелю Кафы Оранъ-Тимуру и, купивши занимаемую ею мѣстность за значительную сумму, заключили съ нимъ слѣдующія условія: 1) Генуэзцы обязуются платить прежнему владѣтелю Кафы пошлину за ввозъ и вывозъ изъ нея товаровъ; 2) за это онъ позволяетъ имъ на уступленной землѣ строить дома и магазины, для сохраненія ихъ товаровъ и съѣстныхъ припасовъ, и 3) предоставляетъ всѣмъ купцамъ свободу покупать и продавать всѣ привозимые сюда изъ разныхъ мѣстъ товары. Вотъ зерно, изъ котораго выросла потомъ знаменитая въ исторіи средневѣковой торговли Кафа, обязанная съ своею славой все тому-же географическому положенію, которому была обязана своей извѣстностію и древняя Теодосія.

«Генуэзцы», такъ повѣствуетъ Византійскій историкъ Никифоръ Григорасъ ²⁸⁾ о первоначальномъ устройствѣ этого города, „недавно основали городъ Кафу (онъ пишетъ около половины XIV вѣка), по условію и съ дозволенія Сиваскаго владѣльца (очевидно смѣшиваетъ его съ Татарскимъ, т. е. съ Оранъ-Тимуромъ); но городъ сей не былъ сначала ни такъ великъ, ни такъ хорошо укрѣпленъ стѣнами, какъ теперь. Генуэзцы довольствовались сперва небольшоимъ пространствомъ земли, на которомъ жили безъ всякой другой ограды, какъ только рва и насыпнаго вала. Послѣ сего, мало по малу и тайно стали они привозить къ себѣ сухимъ путемъ и моремъ ²⁹⁾ камни и другіе матеріалы для строенія и распространили селеніе свое въ ширину и вдоль берега, подняли дома свои выше и, наконецъ,

заняли мѣста болѣе, нежели имъ отведено было. Не довольствуясь и симъ, но желая увеличить числомъ и пространствомъ дворы свои, они подѣ предлогомъ необходимости умножить кладовыя для товаровъ, распространили городъ свой за валъ и ровъ и съ такою прочностію основали стѣны, что по сему уже можно было ожидать чего нибудь необыкновеннаго. И подлинно, отъ слабаго начала, но постепеннымъ ходомъ постоянныхъ усилій, Кафа наконецъ такъ укрѣпилась, что жители оной могли уже почитать себя обезпеченными отъ нападенія враговъ. И обстоятельство сіе столько внушило имъ самонадѣянія, что, переставъ оказывать къ заходящимъ къ нимъ Скиѣамъ прежнее уваженіе, они, напротивъ того, начали поступать съ ними съ надменностію, Генуэзцамъ свойственною».

Татары сначала смотрѣли на ничтожныя, повидимому, начинанія Генуэзцевъ съ презрѣніемъ, называя ихъ «памятниками безразсудства иностранцевъ» но, какъ показали послѣдствія, совершенно въ этомъ ошибались. Новые поселенцы весьма искусно распространяли свое вліяніе въ окрестностяхъ Кафы, разводя на окружающихъ ее горахъ виноградныя сады, научая туземцевъ другимъ родамъ промышленности, открывая новые источники торговли и вскрешая старыя влѣдствіе чего мѣстныя произведенія возвысились въ цѣнѣ, и самое народонаселеніе въ Крыму, до того состоявшее изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ, достигло милліона.³⁰⁾ Въ 1318 году Кафа оказывается уже столь многочленною и въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что Римскій папа Іоаннъ XXII, наименовавъ ее «городомъ», учредилъ въ ней епархію, предѣлы которой простирались „отъ города Варны въ Болгаріи вдоль до Сарая и отъ Чернаго моря до Русской земли“ Въ томъ-же году, найдя первоначальный ровъ и валъ недостаточною защитою, Гену-

эзцы окружили городъ оградой изъ бревенъ, скрѣпивъ ихъ цементомъ, и въ 1351 году начали замѣнять и эту ограду каменной стѣной съ высокими башнями и нѣсколькими крѣпко запирающимися воротами, при чемъ стали расширять и углублять ровъ и выкладывать его съ обѣихъ сторонъ камнями. Начало этого послѣдняго огражденія приписывается консулу Кафы, Готифредо де Зоаліо. ³¹⁾

Послѣдующіе консулы продолжали сооруженіе крѣпостной стѣны и украшеніе ея величественными башнями. Нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли по настоящее время и доселѣ еще носятъ имена лицъ, въ честь коихъ были воздвигнуты: таковы башни св. Климента ³²⁾ (построенная въ 1348 году) и св. Константина. Кромѣ этихъ археологамъ извѣстны слѣдующія названія башенъ: св. Антонія, башня дока (turris darsene), башня съ опускающею рѣшеткою (turris ravisata), башня Криско ³²⁾ и, наконецъ, св. Феодора (1384 г.), ³³⁾ Окончательно весь городъ обнесенъ былъ стѣнами между 1383—1386 годами, при консулахъ Якобо Спинола, Піетро Газано и Бенедетто Гримальди. ³⁴⁾ Извѣстно также время сооруженія и до нынѣ существующаго моста, ближайшаго къ башнѣмъ возлѣ моря (св. Константина): онъ выстроенъ въ 1467 году иждивеніемъ судьи Гаспаро, при консулѣ Калочеро де Гвизольфи. Весь городъ Генуэзцы раздѣлили на три части: крѣпость (castrum), собственно городъ (burgus) и предмѣстья (antiburgi). Подъ крѣпостью разумѣлась возвышенная часть города, имѣвшая, сверхъ общей городской стѣны, свою собственную, часть которой съ башней св. Климента и другими сохранилась понынѣ; эта крѣпостная стѣна имѣла свои 12 башенъ и четверы ворота. ³⁵⁾ Городъ застроился красивыми домами, среди коихъ возвышались дворцы консуловъ и величественныя храмы, между которыми великолѣпіемъ своей архитектуры

и богатствомъ украшеній отличались слѣдующіе: соборная церковь св. Агнесы, которая такъ была богата и украшена, что и набожнѣйшій въ то время Парижъ не могъ представить ей равной; затѣмъ церкви св. Магдалины (1351 г.), св. Франциска (1449 г.), св. Маріи, св. Креста, домашняя дворцовая церковь и многія др. Въ 1449 году считалось уже въ Кафѣ 17 римско-католическихъ церквей, кромѣ дворцовой.

«Живущіе здѣсь Греки зависѣли отъ митрополитовъ Сугдейскихъ (Судака), которымъ съ 1371 г. подчинена была также Ялта до 1386 года, когда завѣдываніе ею поручено было патріархомъ митрополиту Готескому, вмѣстѣ съ управленіемъ патріаршими доходами въ Готеской епархіи. Въ одномъ документѣ, относящемся къ 1318 году, упоминаются Греческія и даже Русскія церкви въ Кафѣ. Кромѣ того, подъ городомъ былъ греческій монастырь св. Петра, какъ видно изъ грамоты 1366 года, данной на его имя, гдѣ показана мѣстность, доселѣ намъ неизвѣстная, которая даетъ поводъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ. По словамъ грамоты, монастырь находился *ἀνέκαθεν* (издревле) *ἐν τῇ περτοχῇ τοῦ Καφά ἐν τῷ Παλαίῳ Λιμένι*, т. е. въ окрестности Кафы, въ древней пристани. Такъ какъ употреблявшееся въ то время названіе древней пристани противопоставлялось, безъ сомнѣнія, новой, а подъ послѣднею не могли понимать другой, кромѣ Кафеской; то, зная о существованіи города Θεοδοσίи въ той же бухтѣ, гдѣ позже основана была Кафа, мы въ правѣ думать, что древняя пристань принадлежала ей (Θεοδοσίи) и что, такимъ образомъ, позднѣйшая Греко-Генуэзская Кафа и древняя Θεοδοσία хотя находились и не на одномъ и томъ же мѣстѣ, но въ самомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Армяне имѣли въ Кафѣ своего епископа и занимали особый кварталъ. О трехъ армян-

сихъ церквахъ, существовавшихъ издревле, упоминается въ 1316 году; были въ окрестностяхъ города и армянскіе монастыри». ³⁶⁾

«Греки, древѣйшіе поселенцы, и Евреи, жившіе въ значительномъ числѣ въ Крыму уже во время Хозаръ, были, безъ сомнѣнія, первые, жители основаннаго Генуэзцами города Кафы; но когда появились въ немъ Армяне, до сихъ поръ не имѣемъ положительныхъ свидѣтельствъ. Основываясь на извѣстии, найденномъ въ запискахъ Іосифа Долгорукова-Аргутинскаго, князя Армянскаго, архіепископа армянскихъ церквей въ Россіи, обыкновенно полагаютъ, что Татары, завоевавъ Арменію въ 1262 году, перевели часть жителей ея въ Россію въ нынѣшнія—Казанскую и Астраханскую губерніи, откуда они перешли въ Крымъ и поселились съ согласія Генуэзцевъ въ 1340 году въ Кафѣ, Старомъ-Крыму и близъ Судака. Не отвергая, что часть ихъ могла около упомянутаго времени появиться съ Татарами въ Россіи и что нѣкоторые могли послѣ пробраться чрезъ степи въ Крымскіе города, мы однако-жъ вправѣ сомнѣваться, что это былъ единственный путь, по которому Армяне пришли въ Крымъ, такъ какъ другія извѣстія свидѣтельствуютъ о пребываніи ихъ въ Кафѣ и Судака гораздо раньше 1340 г.—эпохи, назначаемой для ихъ переселенія. Уже въ началѣ XI вѣка бѣдственное положеніе Арменіи (частію завоеванной Курдами и Туркменами, частію пользовавшейся еще тѣною независимости подъ собственными царями), опустошаемой то Турками Сельджуками, то имѣющими на нее притязаніе Греками, принуждало ея жителей оставлять свое отечество. Начиная съ 1021 года, когда царь Васбураганскій отдалъ свои земли императору Василю II, а самъ перешелъ въ Кападокію, переселенія повторялись очень часто. Армянскій лѣтописецъ

XII вѣка священникъ Григорій прямо обвиняетъ въ этомъ Грековъ. Описывая происшествія 1160 года, онъ говоритъ: «Греческіе императоры никогда не сдѣлали ничего для освобожденія христіанъ; напротивъ, они были виновниками паденія ихъ городовъ и завоеванія провинцій. По ихъ милости Армяне принуждены были оставить отечество, невѣрные же усилились и овладѣвъ, Эрзерумомъ, Мелитеною, Севастією и столицею Ани, простерли свои завоеванія до самаго Константинополя». Эти переселенія дѣлались большею частію въ Мало Азіятскія земли, принадлежавшія имперіи; нельзя, однако-жъ, думать чтобы выходцы ими только ограничивались. Преслѣдованія религіозныя, которымъ подвергались Армяне, и завоеванія Турокъ въ Малой Азіи, безъ сомнѣнія, заставили многихъ искать болѣе надежнаго убѣжища въ Крымскихъ Греческихъ владѣніяхъ, или, въ другихъ странахъ, болѣе отдаленныхъ. По мнѣнію Рейнальда, Крымскіе Армяне были переселенцы, изгнанные Сарацинами. Сами императоры искали иногда спасенія у Тавро-Скифовъ. Кромѣ того, постоянныя сообщенія Азіятскихъ береговъ съ Крымскими городами вслѣдствіе торговли не могли не привлекать въ Крымъ съ давнихъ временъ армянскихъ купцовъ и промышленниковъ. Большая давность поселенія армянъ въ Судахъ, противъ показанной Долгорукимъ, подтверждается замѣткою, находящеюся между прочими, относящимися къ этому городу, списанными съ полей древняго греческаго Синаксара архимандритомъ Антономъ, гдѣ подъ 1292 г. говорится, что Армяне праздновали Пасху 16 апрѣля, тогда какъ православные христіане 24-го. Это доказываетъ, что они были уже въ Судахъ въ значительномъ числѣ, когда обратили на себя вниманіе писавшаго замѣтку. О многочисленности ихъ въ то время въ Крыму можемъ заключить еще изъ того, что они имѣли

въ Кафѣ свою епархію до учрежденія католической. Папа Іоаннъ ХХІІ, назначая перваго епископа епархіальнаго католическаго въ 1318 году, обращается въ своемъ бреве ³⁶⁾ къ архіепискому и клиру Армянскому. Далѣе въ уставѣ для Кафы 1316 года упоминаются Армянскія церкви, существующія въ ней «издревле», а одна уже въ развалинахъ. Списокъ народностей, составлявшихъ народонаселеніе Кафы, дополняется описаніемъ взятія этого города Турками, хранящимся въ архивѣ во Флоренціи. Изъ него оказывается, что кромѣ Армянъ, Грековъ, Евреевъ и Франковъ, находились тогда въ Кафѣ Волохи, Русскіе, Поляки, Грузинцы и Черкесы. По Джустиніани, Итальянцевъ въ мѣстѣ съ Греками, Армянами, Волохами, Трапезунцами, Черкесами, Мингрельцами, Скутарійцами и проч. считалось тогда 60 тысячъ. Въ Русскихъ лѣтописяхъ говорится о купцахъ Русскихъ: «того-же лѣта (6983—1475 г.) Туркове взяша Кафу и гостей Московскихъ много побиха, а иныхъ поймали, а иныхъ пограбивъ, на окупъ даваша». ³⁷⁾

Украшая Кафу великолѣпными храмами, дворцами и частными домами и защищая ее отъ вторженія непріятелей крутыми стѣнами и башнями, Гевуэзцы въ то-же время заботились о снабженіи жителей ея предметомъ первой жизненной потребности— чистою, здоровою водою и въ этомъ отношеніи, преподали поучительный урокъ и намъ, позднѣйшимъ ея обитателямъ. Съ этою цѣлію они устраивали въ самомъ городѣ цистерны, а на окружающихъ его высотахъ собирали воду въ искусственныхъ водохранилищахъ, изъ которыхъ провели цѣлую сеть гончарныхъ трубъ въ разные концы города; ³⁷⁾ по этимъ трубамъ вода поступала въ фонтаны, излишекъ изъ которыхъ, вмѣсто того чтобы безо всякой пользы уходить въ море, распредѣлялся по колодцамъ (маленькимъ цистернамъ) въ дворахъ чуть-ли не каждаго домо-

владѣльца. За цѣлостію фонтановъ, а равно за чистотой и благоустройствомъ города, Генуэзцы такъ зорко слѣдили, что учредили для этого особый попечительный комитетъ съ спеціальнымъ для него приставомъ. «Согласно уставу (1449 г.), ни одинъ житель Кафы не могъ и не смѣлъ выливать за дверь воды или какой-либо нечистоты, подѣ штрафомъ 25 аспровъ (1 аспръ = 3 коп. сер.) съ каждаго и за каждый разъ. Сверхъ того, если, вслѣдствіе такого выливанья, случайно повреждены будутъ чье либо платье или какая нибудь вещь, то виновные обязаны дать вознагражденіе за поврежденіе. Жители обязывались устранять передъ своими домами сточныя канавы (*giculus*) и исправлять поврежденныя. Въ случаѣ неисполненія этого постановленія, попечительный комитетъ или его приставъ обязаны были устроить или исправить канаву на счетъ домовладѣльца. Приставъ получалъ отъ комитета 6 сонмовъ (1 сонмъ = отъ 4½ до 6 руб.) въ годъ жалованья, независимо отъ другихъ доходовъ, и на него возлагалось уставомъ содержать городъ чистымъ, блестящимъ и безъ всякой нечистоты (*tenere urbem nitidam et mondatam ab omni turpitudine*). Тотъ же приставъ долженъ былъ взимать съ каждаго шкипера, плавающего съ квадратнымъ парусомъ, одну барку камней за каждое плаваніе. Вѣроятно этотъ камень употреблялся для сооруженій по водоснабженію города. Кромѣ пристава, попечительный комитетъ обязывался содержать одного ижекамира или отыскивающего воду (*ihcamira seu perquisitorem aquarum*) съ жалованьемъ по 30 аспровъ въ мѣсяцъ и одного надзирателя или смотрителя надъ водой (*custodem seu superstantem aquarum*) съ жалованьемъ по 16 сонмовъ въ годъ. Обязанность послѣдняго заключалась въ охраненіи водопроводовъ и въ устройствѣ новыхъ. Отыскиваніе источниковъ прѣсной воды на возвышенности, господствующей

щей надъ городомъ, и проведеніе этой воды системою водопроводовъ было дѣломъ неизбѣжнымъ, такъ какъ вслѣдствіе продолжительныхъ и частыхъ засухъ въ Крыму одной дождевой воды, накапливающейся въ цистернахъ, оказывалось недостаточно». ³⁸⁾

Не упущена была изъ виду Генуэзцами забота и о благочиніи и общественной безопасности города. «Ближайшій надзоръ за этимъ былъ ввѣренъ приставу консула или полиціймейстеру и военному начальнику города; у перваго были въ распоряженіи 20 полицейскихъ служителей, а подъ начальствомъ втораго находилась конная стража. Въ уставѣ упоминаются еще — военный начальникъ воротъ Кайгадорскихъ и военные надзиратели: башни св. Константиана и воротъ на предмѣстьяхъ. Но кругъ дѣйствія этихъ чиновниковъ ограничивался охраненіемъ названныхъ воротъ и башни. Уличная жизнь, торговля и сообщенія города съ окрестностями прекращались и запирались всѣ ворота въ 8 часовъ вечера съ 1-го октября по 1-е марта; въ остальное время года—въ 9 часовъ вечера. Это время возвѣщалось продолжительнымъ звономъ въ колоколь (не менѣе 370 ударовъ) на башнѣ Криско. Послѣ колокольнаго звона военный начальникъ могъ брать подъ арестъ и штрафовать 18 аспрами каждаго старше 15 лѣтъ, кого находилъ на улицѣ безъ фонаря, на разстояніи далѣе восьми домовъ отъ своего жилья. Въ видахъ предупрежденія пожаровъ, повидимому, нерѣдкихъ въ Кафѣ, послѣ колокольнаго звона не дозволялось держать свѣта и огня въ квартирахъ постоянныхъ дворахъ и питейныхъ домахъ. Съ ослушниковъ военный начальникъ могъ взимать 25 аспровъ штрафа. Держать свѣтъ въ домахъ дольше установленнаго времени могъ разрѣшать только консулъ особымъ имяннымъ дозволеніемъ. Наконецъ, послѣ колокольнаго звона,

не допускалось держать открытыми питейные дома и притоны разврата». ³⁹⁾ Медико-полицейскій надзоръ въ Кафѣ былъ ввѣренъ полицеймейстеру, въ распоряженіи котораго, какъ уже сказано выше, находились двадцать полицейскихъ служителей. «Кромѣ того, высшія учрежденія, каковы: генеральные синдикки (судьи), попечительный комитетъ (*officium provisionis*) и комитетъ продовольствія (*officium victualium*), съ консуломъ во главѣ, обязывались уставомъ имѣть постоянный санитарный надзоръ надъ городомъ; для этого въ распоряженіи консула и поименованныхъ учреждений находились: военный начальникъ и особые пристава. Синдикки должны были слѣдить за цѣнами на жизненные припасы и не менѣе одного раза въ недѣлю по субботамъ давать приставу, наблюдавшему за продажей на рынкѣ, такеу на мясо, а также и на прочіе продукты, смотря по измѣненію рыночныхъ цѣнъ. Всѣ жизненные припасы, привозимые на Кафскіе базары, а также постоянные торговцы мясомъ и хлѣбомъ были обложены пошлиной, повидимому, сообразно съ тѣмъ, насколько они составляли предметы первой необходимости или роскоши. Въ перечнѣ припасовъ, съ которыхъ приставу, наблюдающему за продажей на рынкѣ, дозволялось вѣзти въ свою пользу установленное число аспровъ; упоминаются слѣдующіе предметы: разная зелень, арбузы, огурцы, дыни, каштаны, разные фрукты, лукъ, чеснокъ, капуста, виноградъ, мясо, свинина, хлѣбъ, вино, устрицы, стерляди, камбала и осетры въ свѣжемъ и соленомъ видѣ. Этотъ доходъ, отъ 3-хъ до 30-ти аспровъ, приставъ, получалъ съ воза (двухъ или четырехколесной телѣги—маджары) или барки съ поименованными предметами. Цѣны въ то время были довольно высокія, на примѣръ: возъ дровъ стоилъ 60 аспровъ (1 руб. 80 коп.), несмотря на близость лѣса,

который вывозился въ Константинополь, Сирію и Египеть; за одного пѣтуха платили 6 аспровъ (18 коп.); за фунтъ конфектъ 40 копѣекъ; за повозку, чтобы отвезти чтонибудь въ городъ, 17 копѣекъ судя по разсчету устава, содержаніе одной лошади стоило конному трубачу три руб. сер. въ мѣсяцъ. Кафа, будучи весьма населеннымъ городомъ и крѣпостью, нуждалась въ постоянномъ и правильномъ подвозѣ жизненныхъ припасовъ и въ запасѣ ихъ на случай осады. Эта обязанность возлагалась уставомъ на комитетъ продовольствія, который обязывался имѣть неослабное попеченіе о томъ, чтобы городъ всегда былъ снабженъ припасами и пшеномъ. Продавать допускалось только излишки, и то не иначе, какъ по торжественномъ совѣщаніи комитета съ консуломъ и другими высшими учрежденіями, при чемъ продажа разрѣшалась баллотировкой». ⁴⁰⁾

Въ храмовые праздники каждая изъ церквей получала отъ казначейства деньги на свѣчи. По случаю торжествъ въ нѣкоторые праздники изъ того же казначейства выдавались особыя суммы. «Такъ, въ сочельникъ и праздникъ Рождества полагалось выдать: комитету благотворительности (*officio misericordiae*) 500 аспровъ; на покупку большого бревна для иллюминаціи—80 аспровъ; за возъ дровъ—60 аспровъ; за повозку, чтобы отвезти во дворецъ все нужное для иллюминаціи, 12 аспр., и рабочимъ также 12 аспровъ; на вино трубачамъ и полицейскимъ служителямъ по 12 аспровъ, также на вино разсылнымъ, свитѣ консула и сѣдатамъ по 12 аспровъ; за пряники и яблоки 11 аспровъ, за напитки и виноградъ 20 аспровъ, за фейерверкъ (*pro ludo ignis*) 100 аспровъ; за двѣ митріи (*mitriis*) вина и двѣ митріи мальвазіи для употребленія во дворцѣ въ сочельникъ 100 аспровъ; за плоды: изюмъ и миндаль 120

аспровъ, за двадцать пять фунтовъ конфетъ 350 аспровъ, за шесть восковыхъ свѣчей въ сочельникъ 144 аспра. Въ праздникъ Богоявленія: Грекамъ, которые приходятъ во дворецъ пѣть калимерасъ (*καλλιμέρα* —прекрасный, счастливый день) 200 аспровъ; мальчикамъ, которые бросаются въ море, когда его благословляютъ священники—75 аспр., пресвитерамъ, поющимъ «аллилуія» на улицѣ передъ дворцомъ—100 аспровъ; разсылнымъ за то, что звонять въ колоколь, 6 аспровъ; за кувшины 6 аспровъ; за вино, употребляемое во дворцѣ, и плоды—100 аспровъ. Въ праздникъ Воскресенія Господня: комитету благотворительности—500 аспровъ; священникамъ, которые поютъ „аллилуія“ передъ дворцомъ—100 аспровъ; разсылнымъ за то, что звонять въ колоколь, 6 аспр. Въ праздникъ св. Георгія: за четыре большія и двѣ маленькія восковыя свѣчи, которыя зажигаются на алтарѣ во дворцѣ, 98 аспровъ; за двѣ митріи вина, изюмъ, миндаль и зелень, употребляемыя на канунъ праздника, 70 аспровъ; разсылнымъ за то, что звонять въ колоколь, 6 аспровъ; за штуку цвѣтной матеріи, напр. кармазина, которая дается побѣдителю на конской скачкѣ, 1200 аспровъ; за камку, которая дается полицейскому приставу, 80 аспровъ; за разрисованіе герба—12 аспровъ; на хлѣбъ, вино и сыръ глашатаямъ, приставу, оргузіямъ и другимъ—70 аспровъ; на пару шпоръ, которые принадлежать послѣ г. викарію, 12 аспровъ; за лисицу—6 аспровъ; на веревки и нитки—10 аспровъ; за пѣтуха—6 аспровъ; за кувшины—4 аспра; на ужинъ, т. е. изюмъ, салатъ, укусъ и вино, когда г. консуль отправляется къ воротамъ Кайгадорскимъ, 120 аспровъ; за шесть, употребляющійся во время скачки, 6 аспровъ. Кромѣ этихъ праздниковъ, въ уставѣ упоминаются еще два торжества, а именно: по случаю гонки барокъ и наканунѣ дня св.

Иоанна Крестителя; но въ перечнѣ издержекъ казначейства на эти дни не заключается ничего особенно интереснаго. Въ заключеніе выписокъ изъ устава 1449 г. небезъинтересно привести еще нижеслѣдующій перечень доходовъ полицейскаго пристава. Означенный приставъ могъ получить изъ казначейства за каждаго человѣка: высѣченнаго лозами за какое либо преступленіе—25 аспровъ; повѣшеннаго, обезглавленнаго или наказаннаго смертью другимъ образомъ—50 аспровъ, клейменнаго—30 аспровъ; за каждаго мушину или женщину, наказанныхъ телѣсно, но не до смерти, именно за отрѣзаніе какого либо члена—35 аспровъ. Но полицейскому приставу строго возбранялось требовать, домогаться или получать плату отъ человѣка, подвергнутаго пыткѣ, за производство этой операціи, или изъ общественныхъ суммъ⁴¹⁾

Во главѣ вышеисчисленныхъ учрежденій, основанныхъ на неоднократно издававшихся законахъ, стоялъ консулъ, въ лицѣ котораго была сосредоточена въ Кафу верховная власть. Власть эта впрочемъ простиралась не далѣе, какъ на одинъ годъ. Для предупрежденія неудобствъ, которыя могли произойти при ежегодномъ отправленіи новаго консула изъ далекой Генуи, назначалось въ Кафу нѣсколько особъ, съ тѣмъ чтобы по окончаніи года или въ случаѣ смерти преемникъ могъ скорѣе замѣстить своего предшественника. Консулъ ежемѣсячно чрезъ трубача или глашатая вызывалъ жителей и чужестранцевъ, которые имѣютъ какія либо жалобы, и виновныхъ подвергалъ суду. Высшее правительственное мѣсто, подъ предѣдательствомъ консула, состояло изъ двухъ засѣдателей, секретаря, четырехъ судей и коменданта. Всѣ эти чиновники назначались изъ Генуэзцевъ; такъ, впрочемъ, было только до 1403 г., когда стали допускать въ составъ этого присутствія и ко-

лонистовъ. Представительство ихъ интересовъ вѣрено было сенату изъ 24 членовъ, которые избирались ежегодно и въ числѣ которыхъ было 4 гражданина изъ Кафы. Въ Генуѣ дѣлами колоніи завѣдывало особое учрежденіе подъ названіемъ «*officium Ghazagiae*», состоявшее изъ 8-ми членовъ, избираемыхъ на 6 мѣсяцевъ. Консулу было положено опредѣленное содержаніе и извѣстный штатъ прислуги; ему запрещалось брать подарки, въ особенности же—дѣлаться вассаломъ верховнаго владѣтеля Кафы (*dominus Caffae*, удѣльный ханъ.) За дѣятельностью консуловъ и подчиненныхъ ему чиновниковъ наблюдали особия назначаемыя въ Генуѣ лица, называвшіяся синдиками. Спорныя и тяжёбныя дѣла съ Татарами разбиралъ сельскій правитель (въ послѣдствіи названный префектомъ), честность и безпристрастіе котораго скоро сдѣлались столь извѣстными, что Татары, сначала относившіеся къ Генуэзцамъ недовѣрчиво и подчасъ враждебно, стали искренними ихъ друзьями и всѣ свои несогласія и ссоры предоставляли суду Кафскаго правительства. Для возбужденія еще большаго къ себѣ уваженія, Генуэзцы позволяли избирать сельскихъ правителей самимъ Татарамъ, оставивъ за консуломъ только право утвержденія въ этой должности. Въ необходимыхъ случаяхъ консулъ опирался на военную силу. Начальники войска были двухъ родовъ: одинъ назывался военачальникомъ города (*capitano del borgo*), другой—оргузиевъ (*orgasii* о *orgusii*) и начальствовалъ надъ чужеземнымъ (наемнымъ) войскомъ, которое Генуэзцы содержали въ Кафѣ на счетъ казны. Городская казна составлялась изъ доходовъ, завѣдываемыхъ особыми казначеями, и называлась старою (*vecchia*) и новою (*nuova*); старая, вѣроятно, находилась въ Генуѣ, а новая учреждена была въ Кафѣ. ⁴²⁾

Кафа имѣла свои законы, тарифъ, гербъ и мѣдную и

ХЕРСОНЕСЪ
ИМПЕРИИ

серебряную монету, которая чеканилась въ самомъ городѣ. Мѣльные монеты представляютъ собою нѣсколько видовъ: 1) на лицевой сторонѣ крестообразно расположены буквы $A^F_C A$ (т. е. САФА), посреди ихъ ворота, или такъ называемый порталъ, а на оборотной сторонѣ — Золото-Ордынская тамга (знакъ нѣкоторой зависимости Кафы отъ Татарскаго хана) въ гладкомъ полѣ; 2) на лицевой сторонѣ въ кругѣ, составленномъ изъ точекъ, св. великомученикъ Георгій, ѣдущій на конѣ влѣво копьемъ колеть извивающагося змѣя; на оборотной сторонѣ посреди двухъ кружковъ, составленныхъ изъ точекъ, порталъ съ опущенными воротами. На другихъ мѣдныхъ монетахъ подобнаго же рисунка встрѣчаются слѣдующія особенности: тамга изображается съ воткнутою въ нее лавровой вѣткой (символъ мира между Генуэзцами и Татарами), рядомъ съ именемъ САФА встрѣчаются начальныя буквы консуловъ, при которыхъ чеканились монеты и т. п. Серебряныя монеты, за исключеніемъ различія почерка и нѣкоторыхъ украшеній, болѣе однообразны, нежели мѣдныя. На лицевой сторонѣ ихъ мы видимъ порталъ, окруженный латинскою надписью, представляющею двѣ начальныя буквы имени и фамиліи консула и имя города Кафы, а на оборотной — Татарскую тамгу, обведенную Арабскою легендою. Монеты носили разныя названія — частію Греческія, напр. аспр. (*ἀσπρὸς*, *ἀσπρον* бѣлый), частію Итальянскія, напр. соммъ (*summi de Caffa* или *summi currentes de Caffa*, *summi argenti de Caffa*). О монетномъ дворѣ говорится въ первый разъ въ письмѣ консула Домокульты и его двухъ товарищей провизоровъ, писанномъ въ августъ 1454 года къ протекторамъ Банка св. Георгія (въ Генуѣ). Изъ письма ихъ оказывается, что они заботились о монетномъ дворѣ и назначили для этого особаго чиновника, какъ видно,

вслѣдствіе распоряженія протекторовъ; но намъ остается неизвѣстнымъ, доносятъ ли Кафскіе правители объ учрежденіи новаго двора или о преобразованіи уже существовавшаго, хотя нѣкоторыя монеты съ начальными буквами консула J. J., которыя не могутъ принадлежать никому, кромѣ Джіовани-Джюстиніани, даютъ право предполагать, что Кафа имѣла уже свой монетный дворъ съ 1449 года, и даже, какъ полагаетъ профессоръ Юргевичъ, съ 1420 года. ⁴³⁾ Наконецъ, для распространенія просвѣщенія Кафа имѣла училище, бібліотеку и другія общепользныя заведенія. ⁴⁴⁾

Такова была Генуэзская Кафа въ отношеніи своего внѣшняго и внутренняго благоустройства. Отмѣтимъ теперь особенно важныя событія въ ея исторіи. Кафа, тотчасъ послѣ своего основанія, послужила яблокомъ раздора между Генуэзцами и ихъ соперниками по морской торговлѣ Венеціанцами. Последніе еще раньше проникли въ Азовское море и основали тамъ поселеніе Тану (Азовъ), которую Генуэзцы поспѣшили отнять у нихъ. Оскорбленная Венеція въ 1293 году послала гражданина своего Николо Спинолу къ Византійскому императору Андронику I, съ предложеніемъ пріостановить совокупными силами расширеніе Генуэзскихъ поселеній. «Андроникъ, быть можетъ, по недоброжелательству къ Генуэзцамъ, или по желанію, чтобы обѣ враждующія республики, тѣрзая себя взаимно, ослабѣли, не принялъ союза, предлагаемаго Венеціею противъ Генуи, отказалъ также и Генуэзскому посланнику въ пособіи противъ Венеціи, а объявилъ нейтралитетъ, запретивъ при томъ Генуэзцамъ имѣть какія бы то ни было силы въ Константинопольскомъ проливѣ. Венеціанцы, между тѣмъ, постоянно ожесточаемые Генуэзцами, которые истребляли магазины и грабили ихъ корабли, рѣшились

уничтожить Кафу, для чего вооружили въ 1296 году флотъ изъ 26 галеръ и, ввѣривъ начальство надъ оными Джіовани Саранцо, послали къ Кафѣ. Устрашенные жители этого города бѣжали, оставивъ въ рукахъ непріятелей все свои богатства. Опустошивъ Кафу, Венеціанцы истребили бы совершенно Генуэзскія поселенія въ Крыму, если бы жестокіе холода не оковали льдами судовъ ихъ и не умертвили великаго числа воиновъ и матросовъ, и тѣмъ не лишили бы Венеціанскаго военачальника средства привести въ исполненіе пагубное намѣреніе республики. Саранцо долженъ былъ бросить десять галеръ и только съ остальными шестнадцатю возвратиться въ отечество. Вслѣдъ за симъ другою Венеціанскій флотъ подъ начальствомъ Руджіери Марозини (изъ 70 галеръ), достигши Константинополя и нанеся значительный вредъ оному, разорилъ Перу и Галату. Однако опустошенія Венеціанцевъ не остались безъ возмездія. Въ 1298 году Ломба Доріа нанесъ Венеціанскому флоту столь жестокое пораженіе, что Венеція принуждена была просить мира. Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ переговоровъ между воюющими республиками миръ былъ заключенъ 25 мая 1299 года. Статьи этого мира относительно Кафы были слѣдующія: 1) Венеціанцы вознаграждаютъ убытки, нанесенные ими Анконѣ, Перѣ и Кафѣ, и 2) вооруженныя Венеціанскія галеры въ теченіе 30 лѣтъ не входятъ въ Черное море. ⁴⁵⁾

Въ г. Танѣ Генуэзцы зависѣли отъ произвола Татаръ, подвергались тяжостнымъ налогамъ, а въ послѣдствіи частымъ набѣгамъ Черкесовъ. Скоро Татары стали угрожать и самой Кафѣ до такой степени, что Генуэзцы, опасаясь ихъ нашествія, въ 1307 году даже разорили городъ, и только потомъ возобновили его, испросивши на то дозволеніе у хана Узбека въ 1318 году. Въ 1340 году Кафу

постигло новое бѣдствіе. Турки, образовавъ флотилію изъ 12 галеръ и другихъ судовъ, грабили купеческіе корабли, нанося большіе убытки Венеціанцамъ, Генуэзцамъ и Кафянамъ. «Послѣдніе, не будучи довольно сильны, чтобы отдѣльно напасть на Турецкихъ грабителей и отъ ихъ судовъ очистить море, обратились съ просьбою о помощи къ Симоне да Кварто, приплывшему изъ Генуи съ семью купеческими галерами. Да Кварто, освѣдомившись о понесенныхъ жителями Кафы убыткахъ, сгрузивъ товары и вооружа суда, какія тогда находились въ Кафѣ (всего съ галерами 20-ть), пустился въ море преслѣдовать Турецкіе корабли. Встрѣтивъ самаго Ялаба, начальника Синопскаго, и не слушая его льстивыхъ словъ и обѣщаній, онъ истребилъ весь флотъ его, взявъ въ добычу 10 судовъ, привелъ ихъ въ Кафу, гдѣ честно отдалъ принадлежавшія Венеціанцамъ и своимъ, чѣмъ приобрѣлъ великія похвалы себѣ и Кафѣ».

«Возрастающее благоденствіе Кафы сдѣлало гражданъ ея высокомѣрными: за девяносто лѣтъ предъ тѣмъ униженные просители мѣста подъ селеніе — теперь сдѣлались они своевольными распорядителями въ занимаемомъ ими краѣ. Питая презрѣніе къ Татарамъ, Генуэзцы стали ихъ оскорблять. И одна частная ссора, въ которой Генуэзецъ убилъ Татарина, положила начало явной между ними враждѣ. Ханъ Джани-Бекъ, узнавши объ этомъ, повелѣлъ поселенцамъ Кафы немедленно оставить Крымъ. Но поселенцы, огражденные надежными укрѣпленіями съ сухаго пути и съ моря, съ гордостію дали Хану непокорный отвѣтъ. Раздраженный ослушаніемъ пришельцевъ, ханъ двинулъ къ Кафѣ безчисленную толпу ратниковъ и въ 1323 году осадилъ ее. Татары бросались на укрѣпленія, дѣйствовали оружіями, но не могли нанести вреда, тогда какъ жители

Кафы изъ-за укрѣпленій въ толпы осаждающихъ посылали вѣрную смерть. Осада Татаръ превратилась въ блокаду. Но Кафяне, владѣя моремъ, не боялись и даже изъ осажденныхъ превратились въ осаждающихъ. Они вооружили суда, часть которыхъ защищала Кафу, а другая препятствовала сообщенію Татаръ съ ихъ портами, производили чувствительный недостатокъ въ продовольствіи и, сверхъ того, грабя Татарскіе берега, съ добычею спокойно возвращались въ Кафу. Въ это время папа Климентъ VI, узнавъ объ осадѣ Кафы, грамотами къ Левантскому начальнику Уберто Дельфино да Віенна и ко всемъ гражданамъ Генуи (гдѣ бы они не были) убѣждалъ пособить осажденному городу войскомъ, деньгами, или какимъ либо другимъ средствомъ; чтобы скорѣе подвинуть къ помощи, всемъ раздавалъ такіе же индульгенціи, какія получали отправлявшіеся въ Святую землю. Утомленные продолжительною осадою, Кафяне рѣшились сами окончить войну. Въ 1344 г., ночью вторгнувшись въ неприятельскій станъ, истребивъ стѣнобитныя орудія и болѣе пяти тысячъ неприятельскаго войска, Кафяне принудили Татаръ удалиться. Ханъ, вынужденный необходимостью, отправилъ пословъ предложить Генуэзцамъ дружбу, но жители Кафы отвѣчали ему, что не отъ нихъ, но отъ великой Общины зависитъ заключеніе мира, почему должно отправить пословъ туда, гдѣ ихъ высшее правительство. Надменный Джани-Бекъ, видя, что подданные его устрашены, торговля прекращена, доходы изсякли, смиривъ тщеславіе, собственное потомкамъ Чингисхана, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ отправилъ торжественное посольство на двухъ галерахъ изъ Кафы въ Геную. Посольство Татарское въ Генуѣ было принято съ почестями, и республика заключила миръ на томъ условіи, чтобы Татары возвратили жителямъ Кафы

все, у нихъ похищенное, и, сверхъ того исправили бы поврежденное въ городѣ. Окончивъ такъ выгодно войну съ Татарами, жители Кафы за свою храбрость заслужили похвалы Климента VI, который, изъявляя свою милость, между прочимъ, совѣтовалъ, чтобы они, для вознагражденія издержекъ, понесенныхъ ими при защитѣ города, товары свои отправили къ Вавилонскому султану», ⁴⁶⁾ Въ благодарность за такое участіе папы въ судьбѣ Кафы, одна изъ башень ея была названа башнею св. Климента (какъ это видно изъ надписи на камнѣ, хранящемся въ мѣстномъ музеѣ).

«Однако-жь, жители Кафы не долго наслаждались плодами побѣды. Джанибекъ, оскорбленный постыднымъ для него миромъ, скрывалъ мечь свою и ожидалъ только удобнаго случая напасть на поселенцевъ. Воспользовавшись тѣмъ временемъ, когда стекаются въ г. Тану восточные товары, Джанибекъ (въ 1349 г.) напалъ на Генуэзцевъ, занятыхъ торговыми оборотами, часть жителей умертвилъ, часть заключилъ въ оковы, а товары отнялъ. Одинаковая участь съ Генуэзцами постигла и Венеціанцевъ, и Пизанцевъ. Кафяне, узнавъ о вѣроломномъ поступкѣ татаръ, немедленно объявили имъ войну: флотъ ихъ быстро проплылъ Азовское море, обложилъ устье рѣки Дона, а съ нимъ и гор. Тану. Татары, уstraшенные рѣшительностью Кафянъ, тотчасъ согласились на миръ, который былъ для нихъ еще невыгоднѣе перваго. Одно изъ условій этого мира, касающееся Кафы, заключалось въ слѣдующемъ: никто, кромѣ Генуэзцевъ, никакой другой Итальявскій агентъ, ни даже Грекъ не должны жить въ Тану, и если какіе-либо Индѣйскіе товары будутъ привезены въ Тану на имя какого либо иностраннаго купца, то они должны будутъ, какъ въ настоящее, такъ и въ будущее время сгружаться у Кафской пристани. Почти въ то же время Генуэзцы успѣли

наконецъ убѣдить Восточнаго императора Иоанна Кантакузена (договоръ 6 мая 1352 г.), чтобы онъ запретилъ Греческимъ кораблямъ входить въ Азовское море и въ портъ г. Таны, безъ сопровожденія Генуэзскихъ судовъ; а если потребуетъ того особенная необходимость, то чтобы входили не иначе какъ съ согласія Дожа или Общины. Чтобы поддержать столь выгодные договоры, Генуэзцы заперли Азовское море и вмѣсто Таны объявили вольнымъ портомъ гавань Кафы. На это стѣснительное распоряженіе Пизанцы согласились, но Венеціанцы возразили и силою оружія стали требовать прежней свободы мореплаванія. Но Генуэзцы изъ построенныхъ на берегахъ Воспора двухъ крѣпостей волею и неволею принуждали выполнять свои требованія и нѣкоторые суда, шедшія къ Танѣ, силою отводили въ Кафу. Правительство Венеціанское жаловалось всѣмъ державамъ, что свобода морей нарушена, но Генуя оправдывалась вѣроломствомъ Татаръ и тѣмъ, что не получала отъ нихъ условеннаго вознагражденія за грабежъ въ Танѣ. Статьи послѣдняго мира увеличивали требованія однихъ и затрудненія другихъ. Генуэзцы были щедры на обѣщанія, лишь бы упрочить общую и постоянную торговлю въ Кафѣ; но Венеціанцы ни чѣмъ не удовлетворялись. Объявлена была война, которая, однако-жъ, кончилась не въ пользу Венеціи. Ослабленная противница Генуи по необходимости должна была заключить въ 1355 году миръ. Венеція отказалась отъ плаванія въ Тану въ теченіи трехъ лѣтъ; согласилась, чтобы въ этотъ промежутокъ времени корабли ея приставали въ Кафу, и обязалась за выкупъ своихъ плѣнныхъ взнести Генуэзской республикѣ двѣсти тысячъ флориновъ. Наконецъ обѣ договаривающіяся стороны согласились не прерывать заключеннаго мира даже и тогда, когда вооруженныя суда обѣихъ республикъ, встрѣтятся по

какому либо случаю, нанесутъ другъ другу вредъ. И такъ Генуэзцы, послѣ столь продолжительныхъ и разорительныхъ усилій, успѣли наконецъ обезсилить своихъ враговъ, лишивши ихъ великой Черноморской торговли. Знамя Генуи со святымъ крестомъ (гербомъ республики) смѣло водрузилось на берегахъ Крыма, а Венеціанцы, какъ бы сознаваясь въ безсиліи своемъ, на гробъ своего дожа Градениго, заключившаго этотъ послѣдній миръ, начертали слова «виновникъ полезнаго мира». ⁴⁷⁾

Съ этихъ поръ торговое и политическое значеніе Кафы начало быстро возрастать и къ концу XIV вѣка достигло до высшаго своего развитія. «Почти вся отпускная и ввозная торговля Чернаго моря проходила чрезъ Кафу или была обложена пошлиною въ пользу этого города. Предметъ торговли составляли: пшеница, соль, соленая рыба, икра, вино, шерсть, мѣха, воскъ, золото, серебро и невольники, получаемые изъ Россіи, Польши, отъ Татаръ и другихъ сосѣднихъ владѣній; драгоценные камни и пряные коренья изъ Индіи, фарфоръ изъ Китая, опій изъ Бенгала, шафранъ и сандалное дерево изъ Малабара. корица и жемчугъ изъ Цейлона, мускусъ изъ Тибета, слоновая кость изъ Эфіопіи, мирра и ладанъ изъ Аравіи; получаемыя изъ портовъ Средиземнаго моря шерстяныя, бумажныя и шелковыя ткани, желѣзныя и мѣдныя издѣлія и разнаго рода предметы роскоши». ⁴⁸⁾ Торговое и политическое могущество Кафы особенно усилилось съ тѣхъ поръ, какъ началось ея административное вліяніе на прочія Генуэзскія поселенія на Крымскомъ берегу Чернаго моря: Судакъ (взятъ Генуэзцами въ 1363 г.) съ принадлежавшимъ ему округомъ изъ 18-ти селеній, Балаклавъ (въ 1365 г.) и лежащую между ними область Готѣи, уступленную Генуэзцамъ Ханомъ по миру 1383 года.

Интересно прослѣдить за путями Кафской торговли съ вышеозначенными странами. Главный центръ торговой дѣятельности Кафьявъ составлялъ Таманскій полуостровъ, для сношеній съ Кавказскимъ краемъ. Тамъ они обрабатывали серебряные рудники, основали поселенія въ Севастополѣ (древнемъ Діоскуріасѣ), въ Анакріи на берегу Мингреліи и даже внутри края, въ Кутаисѣ, и на р. Кубани. Торговля съ Россіею производилась преимущественно чрезъ Тану, съ Польшею чрезъ Аккерманъ, съ Молдавіею чрезъ Сучаву и съ Болгаріею чрезъ Кастрицу, возлѣ Варны. Доставляя туземцамъ южныя произведенія и мануфактуры, въ обмѣнъ за произведенія ихъ отечества, Генуэзцы, кромѣ того, получали большія выгоды отъ продажи невольниковъ, коихъ отсылали въ Египеть, гдѣ они поступали по большей части въ войско Мамлюковъ. Индѣйскіе товары доставляемы были въ Крымъ двумя путями: изъ Ормуса они чрезъ Персію перевозились въ 60 дней до Султаніи, гдѣ была контора Генуэзская; оттуда чрезъ Таврисъ до Чернаго моря, а потомъ въ Кафу. Другимъ путемъ товары отправлялись вверхъ по р. Инду, пока онъ былъ судоходенъ, потомъ сухимъ путемъ чрезъ Газну и Кандагаръ, въ Бухару; оттуда, вмѣстѣ съ товарами Бактріаны, были доставляемы караванами или до Джигона (Окса) и оттуда въ Астрахавъ, или въ Балхъ, а оттуда въ Астрабатъ. Изъ Астрахани товары шли вверхъ по Волгѣ и внизъ по Дову до Таны; изъ Астрабата—чрезъ Каспійское море до устьевъ Куры, и чрезъ Грузію до Чернаго моря. Хотя Венеціанцы успѣли возстановить, къ концу XIII столѣтія древній путь въ Индію чрезъ Александрію, тѣмъ не менѣе Генуэзцы продолжали торговлю съ ней по Черному морю. Многія произведенія (мушкатный орѣхъ и другія пряности) по прежнему встрѣчались только на базарахъ Султаніи и Тавриса. Непосредственныя сно-

шенія между Крымомъ и Китаемъ производились чрезъ Астрахань, Сарай, Сарайчикъ на Уралъ, Ургенджъ на Джигонъ, Фабрабъ или Отраръ въ Туркестанъ, Алмалегъ, Хамиль близъ великой стѣны,—Пекинъ. Только до Астрахани нужно было запасаться припасами, оттуда до Ургенджа можно было ихъ доставить повсюду, пока городъ и весь край не были разрушены Тамерланомъ. Вообще съ этого времени прекращаются непосредственныя сношенія европейцевъ съ Китаемъ; первые довольствуются тѣмъ, что получаютъ товары изъ второй руки въ Самаркандѣ, а оттуда отсылаютъ въ Таврисъ, гдѣ Генуэзцы имѣютъ контору, управляемую консуломъ и совѣтомъ изъ 24 купцовъ. Важнѣе былъ торговый путь изъ Тавриса чрезъ Эрзерумъ въ Трапезундъ, гдѣ генуэзцы имѣли консула и пользовались большими льготами еще съ XIII вѣка, по договору съ императоромъ Алексѣемъ. Изъ Трапезунда Генуэзцы торговали съ Арменіею, имѣли дома и лавки въ Эрзерумѣ, Карѣ, Балзидѣ и важныя поселенія въ Самсунѣ, Синошѣ и Амасрѣ. ⁴⁹⁾

Какъ, однако-жъ, ни прочно, по видимому, было положеніе Кафы, какъ ни широко распространила она свое торговое вліяніе по тремъ частямъ свѣта, историческія обстоятельства съ начала XV столѣтія начали мало по малу умалять ея значеніе, сокращать размѣры ея торговыхъ операцій, лишать ее самостоятельности, помрачать ея блескъ и славу, а наконецъ и вовсе сокрушили ея могущество. ⁵⁰⁾

Съ основаніемъ Эдигеемъ независимаго отъ золотой орды Крымскаго царства въ 1412 году Кафа снова начала терпѣть отъ набѣговъ Татаръ. Спустя лѣтъ двадцать послѣ этого, Солкатскіе татары до того уже часто безпокоили Кафу своими набѣгами, что метрополія ея поручила наказать ихъ Генуэзцу Ломеллино, завоевавшему предъ

этимъ еще разъ Балаклаву у греческаго князя Алексія, владѣльца, сосѣдняго съ Балаклавой, Тодоро. Но походъ этого полководца изъ Кафы въ Солкать (Старый-Крымъ) окончился для Генуэзцевъ весьма печально. Онъ былъ совершенно разбитъ Крымскимъ ханомъ Хаджи-Девлетъ-Гиреемъ въ 1434 году, и Кафа вынуждена была признать себя данницею Хана.

Въ 1438 году въ Кафѣ совершилось другое важное происшествіе, хотя касавшееся дѣлъ церковныхъ, но не выгодно отразившееся и на остальныхъ сферахъ внутренней жизни города. Виновиномъ новаго бѣдствія былъ честолюбивый консулъ Кафы Паоло Имперіале, который, наименовавъ себя повелителемъ Чернаго моря и имперіи Хозарской, задумалъ у Римскаго папы Евгенія IV купить себѣ званіе Римскаго сенатора. Съ этою цѣлію онъ, въ угоду папѣ, склонилъ Армянскую церковь не только соединиться съ Католической, но и подчиниться послѣдней. Это униженіе, снижавшее честолюбивому консулу, вмѣсто искомаго имъ Римскаго сенаторства, только званіе графа Палатинскаго, отдало жителей Кафы въ жертву фанатизма религіозныхъ гоненій, постоянныхъ смуть и раздоровъ. Небывалое доселѣ злоупотребленіе Кафскихъ властей подорвало торговый кредитъ города и серьезно озаботило Геную относительно дальнѣйшей его судьбы. Прежніе законы оказались недостаточными, и вотъ въ 1449 г. Генуя издаетъ для заподозрѣнной въ злоупотребленіяхъ Кафы такой уставъ, въ которомъ, по справедливому замѣчанію профессора Юргевича, дышитъ недовѣріемъ къ колоніальнымъ чиновникамъ каждое слово, даже каждая буква. -

Мѣжду тѣмъ Турки, съ фанатическимъ поклонникомъ ислама Мухаммедомъ II-мъ во главѣ, давно уже угрожали цѣлости Восточной Римской имперіи въ Европѣ. Генуэз-

ская республика, опасаясь за свои колоніи въ Царьградѣ Перу и Галату, служившія имъ воротами въ Черноморскія воды, всѣми силами старалась задержать паденіе христіанской столицы, пославъ въ 1453 г. вспомогательное войско Византійскому императору подъ начальствомъ бывшаго Кафскаго консула Джіовани Джустиніани. Но эта помощь, оказалась слишкомъ ничтожною, чтобы остановить непобѣдимаго Мухаммеда. Константинополь палъ. Надъ храмомъ св. Софїи развернулось знамя Магомета. Пера и Галата разрушены, часть жителей ея взята въ рабство, другая изгнана. Среди такихъ критическихъ обстоятельствъ Генуя, обезсиленная предъ этимъ войной съ королемъ Альфонсомъ Арагонскимъ, рѣшились послѣ долгихъ колебаній, на самое крайнее, а именно: передать Банку св. Георгія въ полное владѣніе городъ Кафу, со всѣми принадлежавшими къ нему землями, селеніями, крѣпостями, лѣсами, рѣками, пристанями, съ правомъ собирать въ свою пользу пошлины и налоги какъ въ Кафѣ, такъ и въ прочихъ Генуэзскихъ владѣніяхъ при Черномъ морѣ, съ правомъ судить и казнить преступниковъ, и съ полною властію распоряжаться по своему усмотрѣнію во всѣхъ Черноморскихъ поселеніяхъ. Вслѣдъ за подписаніемъ означеннаго акта, приступлено было къ назначенію должностныхъ лицъ для управленія колоніями отъ имени Банка. Особенно заботились о Кафѣ, чтобы она не осталась безъ главы и не опустѣла (*ne locus ille appareat itanudus et vacuus et pusillanimis*). 20-го ноября 1453 года были назначены туда два полномочныхъ отъ Банка, съ порученіемъ ввести новыхъ сановниковъ въ отправленіе ихъ должностей и для перенесенія всего правительственнаго дѣла въ вѣдомство Банка, при чемъ отправленъ былъ въ Кафу корабль съ военными припасами и орудіями всякаго рода, подъ прикрытіемъ двухъ сотъ воиновъ, состоявшихъ подъ

начальствомъ двухъ Генуэзскихъ гражданъ, Джакомо Чигала и Даміано Леоне. Въ то же время Банкъ увѣдомлялъ окружнымъ посланіемъ прочія Генуэзскія колоніи, расположенныя по берегамъ Чернаго моря, о передачѣ въ его власть и управленіе означенныхъ колоній, увѣряя ихъ въ своей готовности быть имъ полезнымъ и обѣщая принять наистрожайшія мѣры къ охраненію ихъ безопасности и независимости. Этимъ успокоительнымъ посланіемъ Банкъ заключилъ свое вступленіе въ управленіе и завершилъ случившіяся въ 1453 году событія.

Извѣстія объ уступкѣ колоній Банку скоро дошло до жителей Кафы и произвело всеобщій восторгъ между ними, потому что довѣріе къ мудрости, рѣшительности и честности Банка было неограниченное. Тогдашній консулъ Кафы Деметріо Вивальди, въ ожиданіи нападенія со стороны султана на берега Чернаго моря, тотчасъ принялъ нужныя мѣры для обороны города, которыя хотя и не были значительны, но доказывали его предусмотрительность. Дѣйствительно, Мухаммедъ II скоро началъ непріятельскія дѣйствія противъ Генуэзцевъ, а для большаго успѣха заключилъ наступательный союзъ съ Ачи-Гиреемъ, ханомъ Крымскихъ татаръ, и приказалъ вести нападеніе на Кафу. Договоръ, заключенный Ачи-Гиреемъ съ султаномъ, возлагалъ на хана обязанность осаждать Кафу съ берега; султанъ же, съ своей стороны, обѣщался напасть на нее съ сильнымъ флотомъ со стороны моря. По взятіи Кафы, городъ долженъ былъ оставаться вѣчною собственностію хана, но жители обоого пола и всѣхъ возрастовъ поступали въ рабство султану. Вскорѣ послѣ заключенія означеннаго договора, открылись военныя дѣйствія. Турецкій флотъ, состоявшій изъ 52-хъ галеръ, вступилъ въ Черное море и напалъ на Генуэзскую крѣпость Монкастро (Аккерманъ),

но, будучи отбитъ, направился противъ колоніи Севастополь (въ древности Dioscurias), а оттуда поплылъ къ Кафѣ, куда и прибылъ 11-го Іюля 1454 года, не обнаруживая никакихъ злонамѣренныхъ умысловъ, и ограничиваясь покупкою на берегу нужныхъ съѣстныхъ припасовъ. Это, впрочемъ, продолжалось только до тѣхъ поръ, пока ханъ не появился съ своимъ войскомъ. Тогда предводитель Оттоманскихъ судовъ Темиръ-Кая вызвалъ къ себѣ представителей Кафы и потребовалъ отъ города различныхъ уступокъ. Открылись переговоры и послѣ долгихъ преній консулъ Кафы вынужденъ былъ подписать условіе, по которому Генуэзская колонія обязалась платить ежегодно Татарскому хану 600 соммъ (около 20000 нынѣшнихъ лиръ) и выдать ему заложниковъ. Это обстоятельство произвело въ городѣ смуту: въ письмѣ къ директорамъ Банка епископъ Яковъ Кампора порицалъ Вивальди за поспѣшность съ которою онъ открылъ переговоры съ ханомъ, и за готовность вносить ежегодно дань въ ханскую казну, настаивалъ на необходимости замѣнить продажнаго консула и прочихъ колониальныхъ чиновниковъ людьми умными, дѣтельными и честными; консулъ-же, съ своей стороны, требовалъ отъ правителей Банка немедленнаго отзыва изъ Кафы безпокойнаго епископа, склоннаго къ кознямъ и смущенію умовъ и безъ того озабоченнаго общества.

Къ внутреннимъ неурядицамъ присоединились вѣншія невзгоды. Султанъ Мухаммедъ II выказывалъ себя каждый день болѣе и болѣе враждебнымъ. Генуэзскія суда не смѣли и думать о проходѣ въ Черное море; Банкъ св. Георгія вынужденъ былъ сноситься съ Черноморскими поселеніями посредствомъ посланцевъ, отправляемыхъ сухимъ путемъ; море было для Генуэзцевъ недоступно. Сверхъ этого Крыму угрожалъ страшный неурожай, и жители Кафы

опасались умереть съ голода. Несчастные поселенцы посылали правителямъ Банка нарочныхъ, умоляя не покидать ихъ въ нуждѣ. Консулъ доносилъ, что султанъ въ союзѣ съ ханомъ намѣреваются возобновить въ скоромъ времени нападеніе на Кафу, и что если невозможно моремъ, то пусть постараются правители Банка оказать имъ помощь чрезъ Венгрію, Польшу и чрезъ владѣнія Бѣлаго государя (вѣроятно Литовскаго князя). Въ одно время съ консуломъ четверо изъ городскихъ сановниковъ Кафы доносятъ Банку, что, въ виду предстоящихъ внутреннихъ въ колоніи нестроений, слѣдовало принять мѣры. Они увѣдомляли, отъ 22 октября 1454 года, что 15 сентября проходили въ Кафѣ большіе беспорядки, и что 50 разъяренныхъ простолюдиновъ бѣжали по городу съ криками: «vivat populus! interficiantur nobiles!» Возставшіе Кафинскіе плебеи съ прибывшими къ нимъ на судахъ единомышленниками имѣли, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, своихъ вожаковъ, искавшихъ случая свергнуть присланныхъ изъ Генуи правителей, чтобы занять ихъ должности. Люди благомыслящіе были подавлены толпою пришельцевъ, понимавшихъ, что въ городѣ, брошенномъ на произволъ судьбы, можно было позволять себѣ всякую необузданность. Между тѣмъ султанъ съ ханомъ готовились къ новому нападенію на Кафу. Банкъ св. Георгія, понимая отчаянное положеніе колоній, рѣшился предупредить развитіе дальнѣйшихъ бѣдъ, отправилъ въ концѣ октября 1454 года чрезвычайное посольство къ Мухаммеду II-му съ просьбою о сохраненіи мира и съ ходатайствомъ о помилованіи Черноморскихъ поселеній, а жителей Кафы, встревоженныхъ какъ внутренними беспорядками, такъ и мыслию о скоромъ нападеніи Турко-Татаръ, старался успокоить, обращаясь къ нимъ съ милостивымъ посланіемъ и назначивъ имъ консуломъ Якова Брачелли. Но избранный не согласился

отправиться на консульство, опасаясь жителей Кафы, какъ зараженныхъ самымъ демократическимъ духомъ. Банкъ нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ новымъ выборамъ и, вмѣсто патрици, назначилъ имъ въ консулы плебея, ремесленника Томасо ди Домокульта. Для доставленія его, а также консуловъ въ другія колоніи, наняты были суда, которыя, не взирая ни на какія опасности, обязались пробиться сквозь Константинопольскій проливъ, чтобы достигнуть Кафы. Съ неимовѣрными затрудненіями пришлось храбрымъ Генуэзцамъ бороться въ этомъ долгомъ, трудномъ и зимнемъ пути. Наконецъ суда пристали благополучно къ Таврическимъ берегамъ и, по прибытіи въ Кафу, высадили новоприбывшихъ сановниковъ и выгрузили привезенные имъ въ большомъ количествѣ съѣстные и военные припасы. Городъ, уже совершенно близкій къ опустѣнію, оживился снова и наполнился не только Итальянцами, но Греками, Евреями, Армянами, Волохами и даже казаками.

Мѣры, принятія Генуэзскою республикою и въ особенности отважная посылка судовъ въ Черное море, для огражденія Тавриды отъ нападенія Мухаммеда II-го и хана Татарскаго, на первый разъ не оказали ей большой услуги. Турецкій султанъ, полный презрѣнія къ Генуэзскимъ поселенцамъ, не удостоилъ ихъ ни своего гнѣва, ни даже своего вниманія. Онъ направилъ свои силы на Венгровъ и на Сербовъ, и въ 1454 году напалъ съ громадными силами на Венгро-Сербскія войска. Судьба, однакожь, не улыбнулась Мухаммеду II; его войска потерпѣли пораженіе подъ Семедрией подъ Островицей, и были, наконецъ, разбиты на голову подъ Крушевцемъ. Банкъ св. Георгія, узнавъ объ этомъ пораженіи и надѣясь на вторично удачную войну со стороны Венгровъ и Сербовъ, рѣшился отправить новыя суда въ

Черное море съ войсками и разнаго рода припасами для Генуэзскихъ поселеній. 2-го января 1455 года протекторы Банка заключили условіе съ капитаномъ Бранко де Олива о доставленіи въ Кафу на двухъ корабляхъ 800 сухопутныхъ и морскихъ воиновъ со всѣми нужными какъ для нихъ, такъ и для города припасами и орудіями. Въра въ непобѣдимость вновь набранныхъ воиновъ была такъ велика, что протекторы надѣялись не только защитить Кафу, но и мечтали объ отобраніи отъ Турокъ Галаты и Перы, утраченныхъ, какъ уже сказано, немедленно послѣ паденія Царь-Града. Отважная надежда Генуэзскаго Банка на завоеваніе Галаты и двухъ замковъ, построенныхъ въ Босфорѣ, основывалась на увѣренности, что въ 1455 году герцогъ Бургундскій Тоаннъ Безстрашный, собравъ несмѣтную силу, произведетъ на мусульманъ нападеніе. Къ несчастію извѣстія о вооруженіяхъ герцога оказались ложными, и папа Николай V-й, главный поборникъ войны противъ Турокъ, окончилъ жизнь свою, сокрушенный горемъ по несбывшемся желаніи. Отправивъ корабли подъ начальствомъ Бранка де Олива, Генуэзскій Банкъ рѣшился увѣдомить въ то же время Кафскаго консула Вивальди чрезъ нарочнаго, отправленнаго въ Тавриду сухимъ путемъ, о всемъ происшедшемъ и о посылкѣ въ Кафу двухъ кораблей съ 800 воиновъ. Снабженный особымъ видомъ отъ правителей Банка посланецъ Руджіеро отправился зимою странствовать по снѣжнымъ и непроходимымъ путямъ по малонаселеннымъ странамъ, чрезъ Германію, Польшу, Литву и чрезъ при-Днѣпровскія и Таврическія равнины и пустыни, чтобы доставить городу Кафѣ и прочимъ Генуэзскимъ поселеніямъ отрадное извѣстіе о вновь отправленныхъ въ Черное море корабляхъ съ вооруженными людьми и припасами.

Между тѣмъ жители Кафы, ничего не зная о мѣрахъ, предпринятыхъ Банкомъ, считали себя потерянными, и

почти уже попавшими въ плѣнъ къ Туркамъ и Татарамъ. Въ городѣ господствовала неограниченная распущенность. Хотя правительственныя власти и часто собирались для совѣщаній о бѣдственномъ положеніи колоній, а въ особенности Кафы, но никто не придумывалъ средствъ, какъ помочь горю. Населеніе представляло сборъ всякихъ разноплеменныхъ людей; многіе изъ нихъ имѣли сношенія съ Татарами; съѣстныхъ припасовъ въ Кафѣ не было; башни и стѣны города находились въ плачевномъ состояніи: въ войскѣ чувствовался недостатокъ. Не оставалось другою исхода, какъ искать покровительства у Мухаммеда II-го, который могъ и уничтожить, и помиловать Генуэзскія колоніи. Собравъ около себя массаровъ (финансовыхъ сановниковъ въ Генуэзскихъ колоніяхъ) и старѣйшинъ изъ гражданъ, консулъ Вивальди предложилъ имъ отправить отъ города пословъ къ султану съ челобитной о мирѣ и помилованіи. Предложеніе было принято, и совѣтъ избралъ послами двухъ гражданъ, Антоніо дель Пино и Баттисто Аллегро. Послы немедленно отправились въ путь къ Мухаммеду II, бывшему тогда въ Адрианополѣ. Но въ то время какъ Кафинскіе послы были въ станѣ султана, на островѣ Хиосѣ выжидали ихъ другіе послы, которые были отправлены отъ Банка также къ султану, но которымъ было потомъ приказано воздержаться отъ вмѣшательства въ переговоры, порученные гражданамъ дель Пино и Аллегро. Между тѣми и другими велась безпрестанная переписка чрезъ городъ Галлиполь, пока Генуэзскіе послы не узнали, что миръ заключенъ, о чемъ и донесли Банку. По договору Кафа обязалась вносить ежегодно султану три тысячи Венеціанскихъ дукатовъ, какъ дань, а г. Самастра, принадлежавшій до того времени Генуэзской республикѣ, остался исключеннымъ изъ договора и поступилъ, вѣроятно, во вла-

дѣніе султана. Наконецъ 23 апрѣля, въ день св. Георгія, покровителя Банка и всей Генуэзской республики прибыли въ Кафу и Генуэзскіе корабли. Къ новопривывшему старшему консулу Домокультѣ вышелъ на встрѣчу изъ города младшій консулъ Даміано Леоне, прибывшій въ Кафу со своимъ отрядомъ сухимъ путемъ. Старшій консулъ тотчасъ по вступленіи въ должность подробно доносить Банку св. Георгія о положеніи, въ которомъ найдена была Кафа вновь прибывшими туда консулами Томасо Домокульта, Антоніо Леркари и Даміаномъ де Леоне. Въ этомъ донесеніи рѣчь идетъ также и о прочихъ Генуэзскихъ колоніяхъ, нуждавшихся во многомъ. По донесеніямъ вновь прибывшаго консула можно заключать, что по всему Черноморскому побережью въ Генуэзскихъ колоніяхъ господствовала величайшая анархія. На судахъ происходили безпрестанные бунты; на берегу укрѣпленные замки, принадлежавшіе Генуэзской республикѣ, завоевывались частными лицами; въ самой Кафѣ, не смотря на ея выгодное положеніе въ торговомъ отношеніи, господствовалъ голодъ: были вынуждены посылать въ Монгастро (Аккерманъ) за съѣстными припасами. Что касается до уплаты податей, то въ городѣ господствовалъ величайшій беспорядокъ, по причинѣ обѣднѣнія жителей. Сосѣднія государства, получая точныя свѣдѣнія о распущенномъ и бѣдственномъ положеніи Кафивской колоніи, обращались съ нею высококомѣрно: со стороны Татарскаго хана и Турецкаго султана консулъ также не предвидѣлъ ничего успокоительнаго. Черезъ Кафу проѣзжалъ Турецкій посолъ, отправленный къ хану въ Солкатъ (Эски-Крымъ). Консулъ принималъ его съ должными почестями, но не смотря на его вѣжливость и на приличное обращеніе посла съ консуломъ, все ожидали скорого нашествія со стороны Турокъ. Вслѣдствіе угрожав-

шихъ обстоятельствъ, консуль просилъ Банкъ о снабженіи Кафы деньгами, чтобы колонія могла запастись заранѣе оборонительными средствами и стипендіатами. Положеніе Кафы, относительно водоснабженія, было также весьма печально, и консуль, выставляя на видъ важность этого обстоятельства, предлагалъ устроить двѣ большія цистерны.

Ко всему этому вновь возникли церковныя неурядицы. Въ то время, т. е. въ 1455 году, Кафа имѣла въ средѣ своей латинскаго епископа, присланнаго туда изъ Рима, что встрѣтило сопротивленіе со стороны Грековъ и Армянъ. Этотъ епископъ принадлежалъ къ ордену Доминиканъ и вполнѣ раздѣлялъ взгляды своихъ, по ордену, братьевъ на восточный православный міръ. Въ его глазахъ Греки и Армяне были еретики, которыхъ слѣдовало или обратить въ латинскую вѣру, или искоренить. Уже при консулѣ Вивальди епископъ непрестанно удручалъ Генуэзское правительство жалобами на управленіе колоній въ Черномъ морѣ. Онъ считалъ всѣхъ правителей лихоимцами, людьми, подкупленными, лѣнивыми, неспособными къ управленію и посылалъ на нихъ въ Геную помрачавшіе ихъ честь доносы. На первыхъ порахъ Банкъ не удостоивалъ и вниманія на доносы епископа, приписывая злостность и ядовитость его рѣчей неугомонному и завистливому характеру. Но война, которую онъ велъ съ консуломъ Вивальди, возобновилась при вновь прибывшихъ правителяхъ, и 8 іюня 1455 г. онъ отправилъ въ Банкъ грамоту, въ которой объяснялъ, что покидаетъ епархію и ѣдетъ въ Геную, для личнаго объясненія по дѣламъ. Вслѣдъ за донесеніемъ объ отъѣздѣ, епископъ Кафинскій отправился въ Италію и былъ благосклонно принятъ въ Римѣ папою Каликстомъ III. Отъѣздъ епископа Якова Кампоры въ Италію смутилъ консуловъ, прибывшихъ на смѣну Вивальди. Они собрали совѣтъ,

на которомъ консулъ Домокульта съ товарищами подписали 6 сентября 1455 года просьбу объ увольненіи неугомоннаго владыки. Въ тотъ же самый день общинный совѣтъ (officio dei borghesi di Caffa) города Кафы отправилъ Банку такого же содержанія прошеніе и настаивалъ объ отозваніи изъ Кафы непокойнаго прелата, и просьба ихъ была уважена. На мѣсто сварливаго владыки былъ избранъ епископъ, по словамъ клерикальныхъ писателей, права кроткаго, миролюбиваго и снисходительнаго. Онъ былъ монахъ, строгой иноческой жизни; однако, не смотря на увѣщанія правителей банка, которые въ посланіи своемъ отъ 10-го октября 1455 года убѣждали его не вмѣшиваться въ церковныя дѣла Грековъ и Армянъ, преемникъ Кампоры оказался такимъ же фанатикомъ, какъ и сварливый Кампора.

Конецъ 1455 года былъ ознаменованъ на востокѣ новыми двумя бѣдами. Хіосъ едва удержался отъ завоеванія Турокъ; въ Черноморскихъ поселеніяхъ свирѣпствовалъ голодъ. Императоръ Фридерикъ III и папа Каликстъ III старались объ устройствѣ крестоваго похода для спасенія Архипелажскихъ острововъ отъ мусульманскаго владычества. Но о поселеніяхъ Генуэзскихъ въ Черномъ морѣ, кромѣ правителей Банка св. Георгія, никто не заботился. Наконецъ въ Январѣ мѣсяцѣ 1456 года, Банкъ отправилъ къ папѣ пословъ, съ просьбою помыслить и о несчастной Кафѣ. Правители Банка ходатайствовали у престола папы, чтобы все сочувствіе Его Святѣйшества къ восточнымъ христіанамъ было исключительно посвящено Кафѣ; ибо лучше было сосредоточить все усилія крестоносныхъ державъ на столь важномъ пунктѣ, каковымъ была Кафа, главная латинская твердыня въ Черномъ морѣ нежели разбивать вспомогательныя силы между греческимъ Архипелагомъ и понтомъ Евксинскимъ. Особенно просилъ Банкъ

о денежномъ пособіи, говори, что источники его истощены. Банкъ опасался остаться безъ средствъ. По этой причинѣ Генуэзское правительство и взывало къ императору Фридрику Ш и къ папѣ Каликсту Ш въ надеждѣ, что тяжелый трудъ въ борьбѣ съ Турками падеть на крестоносцевъ, а Генуя останется въ сторонѣ. Однако Генуэзскій дожъ Пьетро Кампофрегозо не оставилъ и своимъ содѣйствіемъ принять участіе во вновь готовившемся крестовомъ походѣ. Генуэзская республика вооружила два первоклассныхъ корабля для отправленія въ Черное море. Въ началѣ 1456 года оба корабля, предложенныя дожемъ Кампофрегозо императору Фридрику Ш, отправились въ море подъ начальствомъ двухъ Генуэзскихъ патриціевъ, Едуарда Грилло и Рафаеля Франки-Болгаро. Для избѣжанія непредвидимыхъ случайностей обоимъ капитанамъ было приказано не входить въ Дарданеллы, иначе какъ по отобраніи свѣдѣній о состояніи Турецкихъ вооруженій и о положеніи Воспорскихъ замковъ. Имъ было повелѣно зайти прежде въ Хиосъ, гдѣ сосредоточивались въ то время всѣ свѣдѣнія о Тавридѣ, о поселеніяхъ, разсѣянныхъ по берегу Чернаго моря, и гдѣ находился узелъ всей Генуэзской торговли на востокъ. Но чтобы не лишитъ долгое время голодавшихъ поселенцевъ необходимой помощи, Банкъ отправилъ въ Кафу прямо съ запрещеніемъ заходить куданибудь, два другихъ корабля съ полнымъ хлѣбнымъ грузомъ, въ 18000 минъ пшеницы, и назначилъ новаго консула Антоніо Леркарн на мѣсто Домокульты, при чемъ начальникомъ замка св. Константина въ Кафѣ опредѣлили Маврикія Бокканигра, капитаномъ оргузіевъ Чиприано Валлебелла, и двухъ другихъ патриціевъ начальниками пригородовъ Кафы. Корабли Cottanea и d'Oria выступили въ море изъ Генуи 27 марта 1456 года. Кромѣ хлѣба, на нихъ

отправлялись 250 вооруженныхъ воиновъ (milites gregarii). При всемъ томъ Генуэзскимъ поселеніямъ въ Черномъ морѣ пришлось бы, вѣроятно, испытать горькую судьбу, если бы не случилось у Генуи двухъ сильныхъ союзниковъ, — папы Каликста III и знаменитаго Гуніяда. 24 мая 1456 г. выступилъ въ море изъ Остіи Римскій флотъ, состоявшій изъ 30 галеръ и 10 малыхъ судовъ, подъ начальствомъ Людовика Скарампи-Меццаротта, кардинала и патріарха Аквилейскаго. Этотъ грозный для того времени флотъ былъ построенъ въ устьѣ Тибра и вооружался на иждивеніе папы Каликста III, съ цѣлю громить Турокъ на морѣ и оборонять острова Архипелага отъ ига мусульманскаго. Этотъ флотъ высадилъ войска въ Митилинѣ, Лемнось, Наксосъ и снабдилъ прочіе острова всѣмъ тѣмъ, что имъ было нужно для защиты. Онъ вступилъ въ мраморное морѣ (Propontis), обошелъ его берега, предсталъ предъ Константинополемъ и привелъ въ ужасъ Турокъ. Кардиналъ надѣялся, что его появленіе возбудитъ между Греками возстаніе, но знамя владыки западной церкви не возбудило восторга между православными. Они предпочли остаться подъ Турецкимъ игомъ. Однако время для возстанія было самое удобное, ибо Мухаммедъ II находился подъ стѣнами Сербскаго Бѣлграда. Тутъ покрылъ себя неуязвимой славою Іоаннь Гуніядь, воевода Семиградскій. 22 іюля 1456 года онъ далъ общее сраженіе Мухаммеду II, осаждавшему Бѣлградскую твердыню съ арміею въ 200 тысячъ воиновъ. Турки понесли ужаснѣйшее пораженіе; Мухаммедъ былъ раненъ; его армія лишилась артиллеріи, обоза, лагеря, припасовъ, сокровищъ и, разсѣянная по всѣмъ направленіямъ, бѣжала до самыхъ стѣнъ Царь-града. На бѣду христіанъ самъ Гуніядь былъ раненъ и скоро послѣ Бѣлградской битвы умеръ.

51

Къ довершенію бѣдственнаго положенія Кафы она потеряла въ 1456 году отъ мороваго повѣтрія, такъ что если бы не великодушное заступничество папы Каликета III, который внялъ наконецъ просьбамъ Генуэзцевъ, злополучная Кафа въ томъ же году окончательно подпала бы подъ власть Турокъ. Только вельдствіе и моральной и матеріальной поддержки этого папы, независимое существованіе Кафы продлилось еще на двадцать лѣтъ. «Пораженіе Турокъ ободрило правителей Банка, а послѣдовавшая въ томъ же году смерть Татарскаго хана Ачи-Гирея и вступленіе на его мѣсто хана Менгли-Гирея породили самыя лучшія надежды на будущее. До восшествія на ханскій престолъ Менгли-Гирей болѣе 8-ми лѣтъ прожилъ въ Кафѣ, будучи взятъ въ плѣнъ въ одну изъ схватокъ съ Татарами. Онъ оказался весьма расположеннымъ къ Генуэзцамъ и скоро возбудилъ ропотъ въ средѣ своихъ единоплеменниковъ за постоянныя послабленія въ пользу Кафянъ. Пользуясь совершеннымъ спокойствіемъ, Кафа начала быстро оправляться отъ недавняго бѣдственнаго положенія. Торговля оживилась, жители стали богатѣть и число ихъ возрасло до 80 тысячъ. Между тѣмъ Турки также успѣли оправиться отъ погрома и Мухаммедъ II искалъ случая завладѣть Чернымъ моремъ и Крымскими колоніями». Случай этотъ не замедлилъ представиться. Его породили слѣдующія печальныя обстоятельства: въ Кафѣ, какъ извѣстно, въ числѣ чиновниковъ былъ префектъ (сельскій правитель), назначаемый для разбора тяжбныхъ дѣлъ между жителями города и окрестными татарами. Обыкновенно онъ былъ избираемъ изъ Татаръ самимъ ханомъ и только утверждаемъ Кафскимъ правительствомъ. Придерживаясь этого обычая, въ 1474 году, при консулѣ Антоніо Кабеллѣ и сановникахъ его Франческѣ Фіеско и Убертѣ Скварчіа фико,

52

по смерти префекта Мамака, ханъ избралъ на его мѣсто Эминека. Генуэзцамъ оставалось утвердить его и ввести въ должность. Къ несчастію обыкновенному ходу этого дѣла помѣшало продажничество чиновниковъ, которые, взявши съ Мамаковой вдовы взятку (300 цекиновъ), въ угожденіе ей, назначали префектомъ сына ея Сейтака. Явное нарушеніе коренныхъ постановленій возмутило Татаръ и, не смотря на сочувствіе хана ихъ Менгли-Гирея къ Кафьянамъ, заставило послѣдняго вступить съ нарушителями обычая въ борьбу. Сначала ханъ, не желая изъ-за этого случая расхотѣться съ Генуэзцами, предложилъ имъ, во избѣжаніе дальнѣйшаго усложненія щекотливаго дѣла, отказавши въ должности префекта Эминегу и Сейтаку, избрать на нее кого нибудь другаго, съ тѣмъ однако-жъ, чтобы выборъ былъ предоставленъ ему. Генуэзцы согласились; выборъ палъ на Кара-Мурзу, котораго самъ ханъ и представилъ въ Кафу. Каково же было изумленіе Менгли-Гирея, когда онъ узналъ, что продажные чиновники, не смотря на данное ему слово, отказали Кара-Мурзѣ въ утвержденіи и отдали его должность Сейтаку! Недовольствуясь и этимъ, коварный Скварчіафико позволилъ даже нанести легковѣрному хану личную обиду, сказавъ ему: „Мы требуемъ, чтобы Сейтакъ былъ префектомъ, а ты теперь въ нашихъ рукахъ. Итакъ оставь безполезныя пренія, рѣшайся на одно изъ двухъ: или согласишься съ нашимъ выборомъ, или я сейчасъ пошлю приказъ въ Солдаю освободить изъ заключенія содержимыхъ тамъ султановъ, коихъ право на владѣніе Крымомъ основательнѣе твоего“. Неосторожному хану оставалось покориться необходимости, и Сейтакъ былъ провозглашенъ префектомъ. Глубоко оскорбленный Менгли-Гирей возвратился въ свою столицу (Эски-Крымъ), размышляя о средствахъ отомстить со временемъ

жителямъ Кафы за ихъ коварство. Между тѣмъ Эминекъ, обманутый какъ ханомъ, такъ и Кафянами, бросился искать защиты въ Константинополѣ и нашелъ ее въ лицѣ Мухаммеда II-го.

Султанъ, только что благополучно окончившій походъ противъ Персовъ, думалъ въ то время покорить своей власти острова Кандію и Родосъ. Его флотъ, состоявшій изъ 482 галеръ, готовъ уже былъ отплыть къ Кандіи, когда Эминекъ явился къ нему съ совѣтомъ воспользоваться смутами въ Тавридѣ и завоевать ее. Мухаммедъ, не колеблясь, воспользовался представившимся ему случаемъ—овладѣть Крымскимъ полуостровомъ, заключить весь Понтъ въ предѣлахъ своей имперіи, покорить Татаръ, разграбить Генуэзскія поселенія, истребить опасную для себя ихъ морскую силу, и такимъ образомъ совершенно обезопасить свою новую столицу со стороны сѣвера. Участь Кафы была рѣшена, ея дни сочтены. Капуданъ-паша Ахметъ, вѣсто Кандіи, направилъ свой флотъ къ берегамъ Крыма, а плавающій мѣстью Эминекъ еще двумя мѣсяцами раньше стоялъ уже подъ стѣнами Кафы съ сухопутнымъ войскомъ изъ перешедшихъ на его сторону Татаръ и старался, если не овладѣть городомъ, то по крайней мѣрѣ какъ можно болѣе вредить ему. Генуэзцы относились къ его усиліямъ овладѣть городомъ съ полнымъ презрѣніемъ, какъ вдругъ 1 іюня 1475 г. они увидѣли заливъ свой усеяннмъ кораблями Турецкаго флота. Ужасъ объялъ жителей Кафы, осажденныхъ и съ суши, и съ моря непріателемъ. Ахметъ съ 20-ти тысячнымъ войскомъ ⁵¹⁾ подплылъ къ городу безъ всякаго сопротивленія и, выгрузивъ свою артиллерію, въ четырехъ мѣстахъ устроилъ батареи и началъ громить стѣны и городъ. Тутъ только Кафское правительство поняло неминуемую опасность и поспѣшило

отправить къ Кіевскому Областному воеводѣ Гапгольду епископа Симона съ просьбою о немедленной помощи городу, находившемуся съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Но было уже поздно. Напрасно осажденные употребляли послѣднія усилія къ защитѣ. На пятые сутки старые стѣны города пали, Турки начали уже стрѣлять по новымъ (построеннымъ въ 1383—1386 гг.) и дѣлать подкопы, стараясь ворваться въ мѣсто пребыванія консула; тогда Кафскіе жители, потерявъ всякую надежду защититься противъ такой силы, рѣшились сдаться и выслали къ пашѣ ключи отъ крѣпости. Виновникомъ этого малодушнаго поступка называютъ Скварчіафико и нѣкоторыхъ армянъ. Паша долго колебался принять городскіе ключи, желая войти въ Кафу съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы не имѣть основанія щадить побѣжденных; но Генуэзцы неотступно умоляли принять ихъ безусловную сдачу, на что Ахметъ, наконецъ, согласился. Сперва онъ послалъ въ городъ своихъ приближенныхъ, съ тѣмъ чтобы они заняли Консульскій дворецъ (находившійся тамъ, гдѣ теперь въ Карантинѣ переговорная—parlatoria), отобрать у жителей оружіе и описать ихъ имущество и дѣтей. Затѣмъ вошло въ Кафу войско Ахмета, которое сначала ни къ чему не прикасалось, но потомъ покоренные, для искушенія жизни, обязаны были дать побѣдителю: 25-ть тысячъ червонцевъ выкупа за товары иноземцевъ, половину городскаго имущества и отъ 15 до 100 аспровъ съ каждаго жителя, что составило огромную сумму, такъ какъ въ то время всѣхъ жителей въ Кафѣ считалось около 80 тысячъ. Находившіеся въ ней невольники были взяты въ Константинополь; туда же въ оковахъ былъ повлеченъ и Менгли-Гирей вмѣстѣ съ 1500 мальчиковъ, для образованія изъ нихъ будущихъ янычаръ. Часть жителей была отвезена и

поселена въ Перѣ, опустошенной моровой язвой. Лучшія церкви были разрушены, а менѣ изящныя обращены въ мечети. Въ такомъ ужасномъ положеніи прошло восемь дней; на девятый день вошелъ въ разрушенную Кафу Паша и устроилъ пиршество, пригласивъ на него участвовавшихъ въ сдачѣ города армянъ и совѣтника Скварчіафико. По окончаніи пира гостепріимный хозяинъ угостилъ легковѣрныхъ измѣнниковъ слѣдующею ужасною казною: каждаго гостя, при выходѣ изъ консульскаго замка, спускали по узкой лѣстницѣ за крѣпость, къ морю, и тамъ умерщвляли. Пощажена была жизнь только консула Габеллы и, на нѣкоторое время, совѣтника его Скварчіафико. Перваго осудили на тяжкую галерную работу, а послѣдняго отправили въ Константинополь и тамъ въ тюрьмѣ, предали самой мучительной и позорной смерти (повѣсили за подбородокъ). Такимъ образомъ, многолюдный, богатый и великолѣпный городъ въ нѣсколько дней превратился въ кучу развалинъ, среди которыхъ нашли себѣ жалкое убѣжище только нѣсколько Генуэзцевъ, случайно уцѣлѣвшихъ отъ неволи и смерти и исчезшихъ потомъ въ массѣ Татаръ, подобно Готфамъ и другимъ народамъ, жившимъ въ разныя эпохи на Крымскомъ полуостровѣ.

Такъ пала Кафа, знаменитая повелительница Чернаго моря, послѣ двухсотлѣтней своей жизни, полной разнообразія и глубокаго интереса во всѣхъ ея сферахъ. Долговременное величіе и быстрое паденіе ея долго не могло изгладиться изъ памяти современниковъ и ихъ потомковъ, въ особенности же Армянъ, а торжествующіе побѣдители внесли это событіе въ свои лѣтописи подъ слѣдующей характерной хронограммой: «Умилосердилея Господь надъ жителями Кафы, ибо «Милость» есть годъ (880-й Гиджры) завоеванія этого города». ⁵²⁾

III.

Новый періодъ.

(съ 1475 до 1783 г.).

Овладевъ Кафою, столицею Генуэзскихъ поселеній въ Крыму, Турки не замедлили захватить въ свои руки какъ эти послѣднія, такъ и весь полуостровъ. Скоро пала Черкію (древняя Пантикапея, Турецкая Керчь) съ прилежащимъ къ ней полуостровомъ Тамагархою палъ высокій Чембало (Турецкая Балаклава), пала, наконецъ и крѣпкая Солдайя (древняя Сугдая, турецкій Судакъ). Недолго держался и неприступный Мангупъ, древнее мѣстопробываніе Готскихъ князей а въ это время надежное убѣжище нѣсколькихъ Генуэзскихъ семействъ, удалившихся сюда при первомъ появленіи Турецкаго флота въ Кафскомъ заливѣ. Турки овладѣли этой твердыней воспользовавшись оплошностью правителя ея, выѣхавшаго на охоту и такимъ образомъ отворившаго непріятелю ворота въ неприступный городъ. Захваченные въ располхъ жители его обратились въ бѣгство, но были настигнуты и умерщвлены Турками. Находившіеся тамъ два князя, потомки Константинопольскихъ или Трапезундскихъ государей, были отвезены въ Константинополь и безжалостно замучены. ⁵³⁾

Съ паденіемъ поселеній на берегахъ Чернаго моря упала и торговля Генуэзцевъ до такой степени, что ихъ ко-

рабли не могли уже болѣе являться въ Черноморскія воды подъ своимъ флагомъ. Не отрадиѣ было положеніе и Татаръ, промѣнявшихъ вліяніе цивилизованныхъ мореплавателей на иго Турецкихъ изувѣровъ. Последніе, рассмотрѣвъ выгодное положеніе полуострова и узнавъ качество занятой ими земли, навсегда пожелали остаться въ Крыму. Съ этою цѣлью султанъ распорядился поселить Турокъ въ каждомъ Татарскомъ городѣ, а приморскія поселенія укрѣпить и важнѣйшія изъ нихъ занять своими гарнизонами. Въ этихъ послѣднихъ онъ учредилъ также таможи для сбора пошлины съ привозимыхъ въ Крымъ со стороны моря и вывозимыхъ изъ него тѣмъ же путемъ товаровъ, предоставивши хану сборъ пошлины только съ товаровъ, доставляемыхъ въ Крымъ со стороны суши. Первый изъ Татарскихъ хановъ долженъ былъ испытать такое униженіе отъ новаго повелителя Менгли-Гирей, котораго Мухаммедъ II великодушно возвратилъ въ свои владѣнія, оставивъ, впрочемъ, за султаномъ неотъемлемое право назначать на ханскій престолъ и свергать съ него какъ его самого, такъ и послѣдующихъ за нимъ преемниковъ. Оставшіеся въ живыхъ Генуэзцы питали еще надежду, что ихъ воспитанникъ Менгли-Гирей, являсь въ свое наслѣдіе, почувствуетъ всю горечь зависимаго положенія и поспѣшитъ свергнуть съ себя Турецкое иго; но жестоко въ томъ ошибались. Обольщенные лъстивыми обѣщаніями хана, несчастные, оставя горныя ущелья и лѣса, въ которыхъ они долготѣ скрывались, довѣрчиво пришли въ Солхатъ, гдѣ тотчасъ и всѣ были убиты. Головы этихъ послѣднихъ представителей Генуэзской республики были отправлены въ Константинополь и долгое время украшали собою ворота блистательной Порты. Такъ многолѣтніе труды Генуэзской республики и Банка св. Георгія были уничтожены корыстолю-

біємъ послѣднихъ Кафскихъ чиновниковъ, которые предпочли славу и чести золото принесшее имъ самимъ гибель а отечеству невозвратную утрату. Кажется, что за такія и подобныя услуги Менгли-Гирея, султанъ даровалъ ему право пользоваться доходами съ Кафскаго и другихъ портовъ. Но это пожалованіе едва ли продолжалось долго. Турецкій падишахъ, предоставляя Крымскому хану извѣстные доходы, взялъ себѣ изъ нихъ львинную долю. Съ этою цѣлію онъ раздѣлилъ лучшія поселенія въ Крыму на три кадылыка. Мангунскій, Судагскій и Кефейскій (Турки переименовали Кафу въ Кефе). Къ послѣднему принадлежали, кромѣ города, двѣ деревни: Сары-Гель и Сенигменъ Джайла (деревня Петровка (?) близъ Феодосіи); въ составъ же двухъ первыхъ, кромѣ городовъ Мангуна и Судака, входило до 90 деревень. ⁵⁴⁾ Отдѣливши эти поселенія и обративши ихъ въ непосредственную собственность султанъ отдавалъ на откупъ взыскиваемую съ нихъ въ его пользу нѣкоторую долю всѣхъ хлѣбныхъ посѣвовъ, древесныхъ плодовъ, овощей, пчельниковъ, льняныхъ посѣвовъ, и сверхъ того взымалъ съ жителей денежную плату.

Особенно дорожили султаны Кефой, которую, не безъ основанія, считали главнымъ опорнымъ пунктомъ своего владычества въ Крыму. Поэтому Турки со временемъ не только возстановили укрѣпленія ея, но и увеличили прибавкою нѣсколькихъ новыхъ батарей, остатки коихъ доселѣ существуютъ около Генуэзской башни св. Константина. Султаны снабжали крѣпостныя башни боевыми орудіями и содержали въ Кефе сильныя гарнизоны изъ спаговъ, янычаръ и двухъ видовъ милиціи, которую они употребляли для защиты своихъ крѣпостей. Ими командовалъ и въ то же время управлялъ городомъ особый паша, обыкновенно назначаемый самимъ султаномъ и непременно изъ

Турокъ. На обязанности Турецкаго паши лежало также наблюдать за всёмъ, что происходило въ города, по возможности на всемъ полуостровѣ; онъ же долженъ былъ собирать съ Турецкихъ подданныхъ подати и препроводить ихъ къ падишаху. Въ качествѣ намѣстника паша слѣдилъ даже за самими ханами и имѣлъ большое значеніе при ихъ смѣнѣ.⁵⁵⁾ Такимъ образомъ Генуэзская Кафа приобрѣла при Туркахъ громадное значеніе въ стратегическомъ и административномъ отношеніяхъ. «Если бы Турки», говоритъ Доминиканскій монахъ Де-Люкъ, путешествовавшій по Крыму въ 1625 году, «не владѣли Кафой, то Татары не боялись бы войны, безъ труда освободились бы изъ-подъ власти Турокъ и не подчинялись бы ихъ столь суровымъ требованіямъ». ⁵⁶⁾ Кафа подъ владычествомъ Турокъ не утратила вполне своего значенія и въ торговомъ отношеніи. Мартинъ Броневскій, посѣтившій Крымъ въ 1578 году, вотъ какъ отзывается о ней въ этомъ отношеніи: «Торговля и пристань Кафы и теперь еще извѣстны въ Тавридѣ; въ Кафу плывутъ корабли съ ближайшихъ и далекихъ острововъ Греческихъ, но чаще изъ Константинополя, потому что суда могутъ приходить оттуда при попутномъ вѣтрѣ въ два дня или нѣсколько болѣе». Но важность города, въ бытность въ немъ этого путешественника, была далеко уже не такою, какъ при Генуэзцахъ: «Видно», говоритъ онъ, „что во время Генуэзцевъ онъ былъ очень богатъ и населенъ, но когда сто лѣтъ тому назадъ Турки отняли его у Грековъ, тогда жители его доведены были до такой крайности, что теперь осталась одна тѣнь ихъ существованія. Городъ потерялъ много своего блеску и величія. Римскіе христіанскіе храмы были уничтожены, дома разрушены, и башни, на которыхъ видны многіе Генуэзскіе гербы и надписи, лежатъ въ развалинахъ. Только двѣ

католическія церкви и Армянскія остались цѣлы, потому что «издревле» оставили имъ право имѣть собственныхъ священниковъ для отправленія Богослуженія. Въ немъ живутъ теперь Турки, Армяне, Евреи, Итальянцы и Греки, его окружаютъ виноградники и сады, которые тянутся на безконечное пространство». ⁵⁷⁾ Съ теченіемъ времени наружность Кафы, однако-жъ, улучшилась, количество храмовъ, домовъ и жителей увеличилось. Уже Де-Люкъ по красотѣ и величинѣ сравниваетъ Кафу съ Мессиною; а по Боплану, въ 1660 году въ Кафѣ было 12 греческихъ церквей 32 армянскихъ и одна католическая во имя св. Петра; по словамъ же французскаго путешественника Шардена, бывшаго въ Кафѣ въ 1663 году, въ ней находилось четыре тысячи домовъ и восемьдесятъ тысячъ жителей; въ то же время въ городскомъ портѣ стояло чотыреста судовъ. Вообще, судя по описаніямъ путешественниковъ и остаткамъ построекъ, Турки не только въ значительной степени сохранили Гевуэзскую Кафу въ первоначальномъ ея видѣ, но и съ своей стороны украсили ее мечетями, домами, общественными банями и др. сооруженіями.

Отмѣтимъ нѣкоторые факты изъ исторіи Крыма, въ періодъ Турецкаго владычества надъ нимъ, и посмотримъ, какъ они отражались на судьбѣ Кафы. ⁵⁸⁾

Первымъ Крымскимъ ханомъ, послѣ завоеванія этого полуострова, султаномъ Мухаммедомъ II, былъ, какъ мы сказали, Менгли-Гирей. Право на ханскій престолъ онъ пріобрѣлъ цѣною тяжкихъ уступокъ въ пользу султана, которому онъ клялся какъ за себя, такъ и за преемниковъ своихъ въ ненарушимой покорности Портѣ, съ обязательствомъ воевать или заключать миръ, сообразно пользѣ Оттоманской имперіи. Онъ согласился, сверхъ того, чтобы ханы были возводимы на престолъ и лишаемы его по волѣ

султана. Скоро Мухаммедъ и Менгли-Гирей, желая точнѣе выразить обоюдныя отношенія между собою, постановили: 1) чтобы Оттоманскій императоръ не возводилъ на ханскій престолъ никого, кромѣ князей изъ Чингисъ-Ханова рода; 2) чтобы блистательная Порта никогда ни подъ какимъ предлогомъ не лишала жизни хана, или какого иного князя Гиреева дома; 3) чтобы области хана, а также земли, кои князья могли бы имѣть въ иной странѣ, были ненарушимыми пристанищами для тѣхъ, кои пришли бы въ оныя для своего убѣжища; 4) чтобы молились всенародно о ханѣ въ мечетяхъ, послѣ моленія о великомъ султанѣ; 5) чтобы ни на какую письменную просьбу хана не было отказа Порты; 6) чтобы ханъ имѣлъ пятибунчужное знамя, при чемъ бунчуги были раздѣлены такъ: ханъ имѣлъ два, а прочіе даны Кальгъ-султану, Нурадинъ-Султану и Ширинъ-бею. Впрочемъ, въ военное время ханъ имѣлъ всѣ пять бунчуговъ. Послѣднею статьею постановлено было, чтобы во время войны Турецкій султанъ платилъ за каждый походъ по сто двадцать мѣшковъ, изъ коихъ въ каждомъ находилось бы по 167 червонцевъ на содержаніе ханской гвардіи, и по восьмидесяти мѣшковъ на мурзъ меньшаго достоинства. Мухаммедъ II клялся, съ своей стороны, за себя и за своихъ преемниковъ наблюдать эти условія, пока ханы пребудутъ вѣрными въ своихъ обязательствахъ.

Въ 1478 году, въ силу вышеизложеннаго договора, послѣдовало коронованіе Менгли-Гирей со всею пышностію при Константинопольскомъ дворѣ. Собрался Диванъ, въ который допущены были Крымскіе депутаты, куда прибылъ и самъ султанъ, Капиджій-баша (достоинство, соответствующее нашему Камеръ-геру) облекъ Менгли-Гирей въ богатый кафтанъ изъ золотой парчи на горностаевомъ мѣху; надѣлъ на него шапку съ собольею опушкою и брил-

ліантовымъ перомъ. Меченосецъ препоясалъ его мечемъ съ золотою рукою, осыпанною алмазами, и возложилъ колчанъ и стрѣлы на его плеча. Потомъ прочитана была жалованная грамота, и муфти произнесъ хану рѣчь. По выходѣ его изъ залы, подвели ему коня въ великолѣпномъ уборѣ, и знатнѣйшія особы сопроводили его до назначеннаго ему дворца. По прошествіи нѣсколькихъ дней онъ былъ препровожденъ въ Гѣзлевъ (Евпаторію), съ депутатами и Камеръ-геромъ, которымъ поручено было обнародовать въ Крыму о возведеніи его на ханскій престолъ. Татары встрѣтили своего хана съ радостію и превознесли похвалами Мухаммеда II, какъ отравителя несчастій, которыя они сами навлекли на себя.

Но едва Менгли-Гирей объявилъ главнымъ мурзамъ потребность покориться Портѣ, какъ повсюду возникло неудовольствіе; нужно было возвратившемуся хану просить войско на помощь отъ Царь-Града и благопріятствовать его высадкѣ; однако Татары, пользуясь возникшими волненіями, успѣли смягчить прежній договоръ: 1) они предоставили своему хану полную власть: право жизни и смерти; содержаніе четырехъ тысячъ челоуѣкъ для его стражи, на счетъ султанѣ; преимущество жаловать и отрѣшать и Кальгъ, Нурадиновъ и всѣхъ чиновниковъ; 2) утвердили за собою право избирать хана между султанами Гиреями, потомками Чингисъ-Хановыми, и свободное отправленіе торговли на Черномъ морѣ, съ обязательствомъ платить пошлину въ Императорскихъ таможнякъ, при чемъ, однако-жъ, 3) отдали султану въ личную собственность Кефу и предоставили ему право содержать гарнизонъ въ ней и въ Гѣзлевѣ, и въ качествѣ Калифа быть покровителемъ магометанской вѣры, кладбищъ и прочихъ святыхъ мѣстъ; сверхъ того дали ему исключительное право опредѣлять къ главнѣй-

шимъ духовнымъ должностямъ и отрѣшати отъ оныхъ; наконецъ—включеніе царствующаго султана во всенародныя молитвы по всеѣмъ мечетямъ Крымской области.

Менгли-Гирей, вооружившись привиллегіями, дарованными ему султаномъ, скоро перешелъ границу своихъ правъ, а именно: вмѣсто того чтобы отправить войска, высланныя ему для усмиренія возмущившихся Татаръ, обратно въ Константинополь, онъ позволилъ себѣ оставить ихъ и употребить для своихъ цѣлей. Съ помощію ихъ онъ разорилъ свои собственныя владѣнія, и Крымскихъ Татаръ, возведенныхъ благоразумною политикою своего отца Хаджи-Гирея на степень народа, обратилъ въ разбойническія орды, которыя начали жить почти одними только набѣгами на предѣлы Московскаго царства, Польши и Кипчатскихъ Татаръ. Положеніе Русскихъ становилось чрезвычайно критическимъ, такъ какъ они только-что поименованными врагами были окружены почти со всеѣхъ сторонъ. Нужно было этотъ тяжкій оплотъ прорвать. И вотъ Великій князь Иванъ Васильевичъ, пользуясь завоевательными стремленіями Менгли-Гирея, заключаетъ съ нимъ союзъ противъ Кипчатскаго хана Ахмета и окончательно свергаетъ съ себя иго Монголовъ. Единновременно съ этимъ онъ испрашиваетъ чрезъ пословъ у преемника Мухаммеда II, Баязета, позволенія своимъ подданнымъ торговать въ Кафѣ и другихъ городахъ Крыма; Русскимъ купцамъ въ магометанской Кефѣ позволено было даже устроить православный храмъ. Такимъ образомъ Турецкая Кефа возвращаетъ себѣ прежнее значеніе въ торговомъ отношеніи, хотя и не въ такой степени, какъ это было въ Генуэзской Кафѣ. Возникновенію торговли въ Кафѣ и другихъ городахъ Черноморскаго и Азовскаго побережья помогли въ то время также Венеціанцы, которые, прославившись особымъ способомъ при-

готовленія воска, нашли богатый сбытъ его для мечетей и дворцовъ Турецкаго султана и Крымскаго хана и подъ этимъ предлогомъ проникли въ Крымъ и при-Азовье, вывозя оттуда хлѣбъ, соль, масло; изъ предѣловъ Россіи—дорогіе мѣха; изъ Астрахани—ревень, пеньку и толстыя полотна; наконецъ изъ Сибири—железо. Правда, что Венеціанцы скоро были изгнаны изъ Черноморскихъ водъ Баязетомъ; но ихъ опытъ подбѣивовалъ благодѣтельно на самихъ Турокъ, которые принялись за торговлю сами, предоставивши ее исключительно своимъ подданнымъ, Туркамъ, Грекамъ Малой Азіи и острововъ и Армянамъ. Кефа оживилась, сдѣлавшись вновь главнымъ рынкомъ Чернаго моря, главнымъ складомъ товаровъ, которыми окружающія это море поселенія обмѣнивались между собою и съ Константинополемъ. Она заслужила за это названіе «Малаго Стамбула» (Кучукъ-Стамбуль) и не теряла такого значенія уже въ продолженіи всего Турецкаго періода.

Между тѣмъ нарушеніе Менгли-Гиреемъ договора съ султаномъ и въ особенности коварное отношеніе къ послѣднему Менгли-Гереева сына Магомета побудило Порту нарушить этотъ договоръ съ своей стороны. По смерти Магомета Турецкій султанъ возвратилъ себѣ право назначать и низвергать хановъ, и это право оставалось за падишахомъ навсегда. Съ тѣхъ поръ сношенія Русскихъ съ Крымомъ почти не прерывались и постепенно подготовляли почву къ отложенію его отъ Турецкой имперіи. Съ этою цѣлю Русское правительство искусно поддерживало раздраженіе Татаръ противъ Турокъ, которые постоянно были вынуждаемы держать своихъ вассаловъ въ повинновеніи силою оружія. Главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій между враждующими сторонами была, конечно, Кефа. Тамъ въ 1584 году султанъ побѣждаетъ Магометъ-Гирея и воз-

водитъ на его мѣсто Исламъ-Гирей; тамъ въ 1610 году Ризанъ-паша, послѣ кровопролитной битвы, отдаетъ ханскій престолъ преданному Портъ Джанибеку. Это былъ тотъ самый Джанибекъ, при которомъ, чрезъ посредство одного Кафскаго жителя изъ Генуэзцевъ, проникли въ Крымъ іезуиты, первый представитель которыхъ, нѣкто отецъ Сгода, поселился близъ Кафы; но за обнаружившіяся въ столицѣ хана (Бахчисараѣ) интриги новыхъ миссіонеровъ скоро изгнали изъ Крыма.

Въ 1666-мъ году является на Крымскомъ престолѣ лицо изъ новаго колѣва Гиреева, по прозванію Чабанъ (пастухъ). Султанъ назвалъ его Адель-Гирей-Ханомъ. При преемникѣ его Селимъ-Гирей Венеціанцы еще разъ пытались проникнуть съ своими купеческими кораблями въ Черное море, но безуспѣшно. При немъ же Русская царица Софія два раза посылала противъ Крымскихъ татаръ войско подъ начальствомъ князя Голицына, который совершилъ первый походъ въ союзѣ съ гетманомъ Самойловичемъ въ 1687 году, а второй—въ союзѣ съ Мазепою въ 1689 году. Хотя оба эти похода были неудачны, однако во второмъ изъ нихъ Русскіе дошли уже до Перекопа и дали почувствовать Крыму и Турціи свою силу. Нѣтъ сомнѣнія, что императоръ Петръ I, взявши Азовъ, утвердившись на берегу Азовскаго моря и заложивъ при немъ сильную крѣпость Таганрогъ, не замедлил бы проникнуть въ Крымъ и завладѣть берегами Чернаго моря, если бы не отвлекла его отъ этого края великая сѣверная война. При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ Русскіе снова идутъ войной на Крымъ. Въ 1736 г. графу Миниху, предводителю многочисленнаго войска, удалось взять Перекопъ и проникнуть въ Крымъ до Акмечети (нынѣшній Симферополь). Этотъ полководецъ, истребляя все, что ему встрѣчалось

на пути, навелъ на Татаръ такой ужасъ, что они, бросая свои жилища, бѣжали въ горы; самъ ханъ оставилъ свою столицу, которую побѣдители предали пламени, жертвою коего была, между прочимъ, іезуитская библіотека, содержащая въ себѣ множество рѣдкихъ рукописей. Въ слѣдующемъ году другой Русскій полководецъ, отважный графъ Ласси, ворвался въ Крымъ оттуда, гдѣ ханъ совсѣмъ не ожидалъ его. Въ то время какъ послѣдній, снова укрѣпивъ, послѣ погрома Миниха, Перекопъ, готовился около него встрѣтить Русскихъ, Ласси навелъ мостъ чрезъ Геническій проливъ, соединяющій озеро Сивашъ съ Азовскимъ моремъ, прошелъ по косѣ (стрѣлкѣ), отдѣляющей озеро отъ моря, и неожиданно очутился въ Арабатѣ. Услышавъ объ этомъ, ханъ поспѣшилъ туда форсированнымъ маршемъ, снабдилъ Арабатскую крѣпость сильнымъ гарнизономъ и расположилъ свое войско такимъ образомъ, чтобы Русскіе не могли двинуться по стрѣлкѣ ни впередъ, ни назадъ. Среди Русскаго войска распространилась ужасная паника: нѣкоторые изъ генераловъ вполне были убѣждены въ безвыходномъ положеніи и малодушно просили у Ласси увольненія отъ службы. Не унывалъ одинъ фельдмаршалъ, который, никому не открывая даннаго ему порученія во что бы то ни стало отнять у Турокъ Кефу, составилъ слѣдующій планъ дальнѣйшихъ дѣйствій: однажды онъ отдалъ приказъ солдатамъ собрать и сложить на берегу Сиваша веѣ пустыя бочки и рогатки, составилъ изъ нихъ паромъ, на которомъ и переправился чрезъ гнилое море со всѣмъ своимъ войскомъ, не потерявъ при этомъ ни одного солдата. Высадившись на другой берегъ противъ Карасубазара, онъ быстро направился къ нему, взялъ защищаемые Турками его окопы, а городъ разрушилъ до основанія, не смотря на подоспѣвшаго къ нему на помощь самаго хана

Мангли-Гирей. Вслѣдъ за этимъ Ласси ежегъ въ окрестностяхъ Карасубазара до тысячи деревень, уцѣлѣвшихъ въ предшествовавшемъ году отъ Миниховскаго разгрома Грозному полководцу оставался одинъ шагъ до завѣтной Кефы, но ослабленное непомѣрными трудами его войско довершить этого дѣла былъ не въ состояніи, и онъ долженъ былъ поспѣшно возвратиться въ Русскіе предѣлы. Замѣчательно, что и путь отступления его былъ не менѣ оригиналенъ: въ то время какъ ханъ ожидалъ его около Геническа, онъ перевелъ свое войско чрезъ Шунгарскій проливъ, раздѣляющій Сивангъ на двѣ части, такъ что, когда ханъ явился сюда, его врагъ, взорвавши по пути Перекопъ, былъ уже на равнинѣ вѣ полуострова. Къ сожалѣнію, подвигамъ Миниха и Ласси положенъ былъ конецъ миромъ, заключеннымъ съ Турціею въ Вѣлградѣ въ 1739 году.

Спустя тридцать лѣтъ миръ этотъ, однако-жъ, былъ нарушенъ. При императрицѣ Екатеринѣ II между Россіею и Турціею снова вспыхнула война, продолжавшаяся съ 1768 по 1774 годъ, благодаря мудрой политикѣ Государыни, Русскіе въ это время вознаградили наконецъ, всѣ потери, съ какими были сопряжены многократные походы на югъ при Ея предшественникахъ. Пользуясь ослабленіемъ Турціи и крайними замѣшательствами въ Крыму, она составила слѣдующій замѣчательный планъ присоединенія его къ Россіи: «сначала отложить Крымскаго хана отъ Турецкой зависимости, потомъ дать ему полную автономію и, наконецъ, свергнуть хана съ престола, овладѣть его царствомъ». Объ отложеніи Крымскихъ Татаръ отъ зависимости Турецкой впервые подали прозектъ Екатеринѣ министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Панинъ и фельдмаршалъ графъ Разумовскій-Задунайскій. Исполненіе ихъ прозекта

вначалѣ было возложено на командовавшаго арміею въ Малороссіи князя В. Долгорукова, а по отъѣздѣ его въ Москву передано было правителю Харьковскаго намѣстничества Е. Щербинину; хотя ни тотъ, ни другой, не смотря на пространную переписку объ этомъ предметѣ съ Крымскими Татарскими магнатами, преимущественно съ мурзами Ширинскими, не достигли желанной цѣли. Но Екатерина Великая въ разъ задуманномъ предпріятіи не останавливалась ни передъ какими неудачами. И вотъ, въ то время какъ графъ Румянцевъ громилъ Турокъ за Дунаемъ, другая Русская армія, подъ предводительствомъ князя Долгорукова, одерживала одна за другою побѣды въ Крыму. Долгорукій пробившись чрезъ Перекопъ и Арабатъ и отворивши такимъ образомъ ворота на полуостровъ, не защищенный съ моря Турецкимъ флотомъ, быстро занявъ, при помощи Азовскаго флота, Кефу, Керчь, Эпиколь, Тамань со всею полуостровомъ, возвратился опять въ Крымъ и овладѣлъ Балаклавой, Бельбекомъ и Козловомъ (Гезлевъ==Евпаторія). Татары, видя превосходство Русской силы и въ надеждѣ на обѣщанную имъ самостоятельность, предпочли наконецъ зависимость отъ Турецкаго султана покровительству Русской Государыни, изъявили покорность Екатерины II, не смотря на колебаніе хана ихъ Селима, который только-что согласившись послать въ С.-Петербургъ двухъ своихъ сыновей въ заложники, отказался отъ этого обязательства и тайно убѣждалъ вмѣстѣ съ семействомъ и приближенными своими въ Константинополѣ. Оставшись безъ хана, Татары успѣли избрать себѣ новаго, Сагимъ (Шагинъ) Гирея, который, согласно волѣ народной, порвалъ всякія связи съ Портой, объявилъ свое государство независимымъ и окончательно и безвозвратно перешелъ подъ покровительство Россіи. Это произошло въ Декабрѣ 1771 года.

Императрицѣ Екатеринѣ оставалось осуществить послѣдній актъ своего проэкта—отнять у хана престолъ и присоединить его владѣнія къ своимъ. Для этого ей нужно было имѣть въ Крыму опорные пункты, въ особенности съ той стороны, откуда ежеминутно могъ угрожать ей султанъ, т. е. со стороны моря. Маскируя свои замыслы, Екатерина подъ благовиднымъ предлогомъ участія въ дальнѣйшей судьбѣ Сагимъ-Гирея, вотъ что писала ему, тотчасъ послѣ взятія Долгорукимъ Кефы: «Ваша Свѣтлость есть первый государь по возстановленіи вольной Татарской державы! Внемлите совѣтамъ Его Сіятельства князя Василія Михайловича Долгорукова, чтобы самовольно предать во власть Ея Величества въ Крыму способные къ принятію того полуострова, не для иного чего, какъ только для соблюденія возстановленной вольной Татарской державы, крѣпости, яко-то: Кафу, Керчь и Ениколь съ гаванями и выгонами для всегдашняго пребыванія Россійскимъ гарнизонамъ и флоту, коихъ число, по окончаніи войны (съ Турціей) не можетъ быть велико, а тѣмъ и никакова утѣсенія жителямъ Вашимъ быть не можетъ. Примите Свѣтлѣйшій и самовластный владѣтель въ примѣчаніе событіе, окомъ Вашимъ обозрѣнное! Могло-ли воспрепятствовать что нибудь входу побѣдоносному Ея Величества въ Крымъ? Супротивленіе защитниковъ только раздражило армію предводителя, который о единомъ успѣшеніи старался достигнуть до главной въ Крыму крѣпости Кафы, наполненной Турецкимъ войскомъ; а сколь скоро ее своимъ передовымъ войскомъ обозрѣлъ, въ тотъ самый часъ считалъ ее въ своихъ рукахъ, что и совершилъ, обобравъ Турокъ съ начальниками въ плѣвъ, прочихъ разогналъ, иныхъ предалъ глубинѣ морской; достальныя-жъ крѣпости отряженными корпусами побралъ и свободилъ Крымъ отъ Турковъ». ⁵⁹⁾

Конецъ этого письма совершенно соответствовалъ дѣйствительности. Извѣстно, что на предложеніе князя Долгорукаго сдать Кефу Турецкій паша наотрѣзъ отказалъ ему въ этомъ. Тогда князь началъ осаду города, во время которой жители спасались на судахъ, стоявшихъ въ бухтѣ, и, унося съ собою все, что могли, отплывали въ Турцію. Гарнизонъ погибъ весь. Тѣ изъ Турокъ, которые не успѣли пасть съ оружіемъ въ рукахъ, были добыты и утоплены побѣдителями, вошедшими, наконецъ, въ совершенно опустѣвшій городъ. Это было 15 августа 1774 года. Русскіе были встрѣчены въ городскихъ воротахъ митрополитомъ Готѣйскимъ и Кефайскимъ Игнатіемъ, который служилъ въ этотъ день въ Греческой Введенской церкви литургію въ присутствіи побѣдоноснаго воинства.⁶⁰⁾ Православное населеніе Кефы, очевидно, оставалось въ это торжественное время на мѣстѣ и отъ всей души благодарило Бога за освобожденіе города отъ тяжкаго ига Мусульманъ. Доселе сохранилась одна пѣсня,⁶¹⁾ въ которой храбрые солдаты вотъ какъ пѣли объ этомъ событіи:

«Днесъ врата отверсты Крымски,
Намъ противниковъ ужъ нѣтъ
Храбры воины Россійски!
Вашей славы полонъ свѣтъ».

Гарнизонъ русскихъ войскъ, по соглашенію хана съ Екатериной, занявши съ этого момента Кефу, оставался въ ней три года, до окончанія войны съ Турками, послѣ которой, по Кучукъ-Кайнарджискому миру, заключенному 9-го апрѣля 1775 года, Россіи окончательно были уступлены въ Крыму Кинбурнъ и весь Керчь-Еникольскій округъ, съ правомъ плаванія для Русскихъ судовъ между Керчью и Кинбурномъ, послѣ чего Русскій гарнизонъ изъ Кефы былъ выведенъ въ Эниколь. Это обстоятельство нѣ-

солько развязало руки Турецкому султану, который все еще надъялся склонить Крымскаго хана на свою сторону. Турки снова возвратились въ Кефу, укрѣпили ее и заняли своимъ гарнизономъ. Но дни Турецкаго владычества въ Крыму были уже сочтены. Напрасно султанъ сбѣялъ раздоры среди Татаръ и недовольство ихъ на измѣнившаго ему Сагимъ-Гирея. Ханъ, увлекшись европейскими обычаями, развѣзжалъ по своимъ владѣніямъ въ каретѣ; ѣлъ, сидя за сервированнымъ по-европейски столомъ; пряталъ подъ широкимъ галстухомъ свою длинную бороду, не рѣшаясь еще сбрить ее; промѣнялъ національный костюмъ своей гвардіи на европейскій и ввелъ въ своихъ войскахъ иностранную тактику. Такое явное нарушеніе установленныхъ кораномъ обычаевъ возмутило нѣкоторыхъ изъ подданныхъ хана, и султанъ рекомендовалъ имъ свергнувъ ненавистнаго Сагима, избрать въ ханы брата его Девлетъ-Гирея, на что не соглашались приверженцы Сагима. Произошли страшные безпорядки. Комендантъ города Кефы, въ двухъ верстахъ отъ котораго, на урочищѣ Ташлыкъ, ⁶²⁾ въ только что построенномъ дворцѣ жилъ Сагимъ-Гирей, напалъ на него; но осажденный ханъ успѣлъ отплыть моремъ въ Керчь и Эниколь подъ прикрытіе стоявшаго тамъ Русскаго гарнизона. Русскіе, вступившись за хана, направились къ Кефѣ и еще разъ отняли ее у Турокъ. Тогда стало очевиднымъ, что Крымское ханство, подпавъ подъ два противоположныя вліянія, Россіи и Турціи, не могло уже долѣе сохранять ни своей самостоятельности, ни внутренняго спокойствія. Великая Екатерина, вслѣдствіе возникшаго между Татарами междоусобія, рѣшилась положить неурядицамъ конецъ и, послѣ долгихъ и искусныхъ переговоровъ, склонила наконецъ, Сагимъ-Гирея вовсе отречься отъ власти и передать Крымъ вмѣстѣ съ Таманью въ Ея

подавство. 8-го апрѣля 1783 года эту передачу вынужденъ былъ подтвердить своимъ согласіемъ и самъ Турецкій султанъ. Сверженный, такимъ образомъ, съ престола послѣдній Крымскій ханъ Сагимъ-Гирей вывезенъ былъ въ предѣлы Россіи, въ Калугу, откуда, согласно его просьбѣ, былъ отпущенъ въ Турцію, гдѣ и умеръ насильственной смертию на о. Родосѣ.

Такъ окончила свое господство въ Тавридѣ Татарская орда, спустя шесть столѣтій послѣ появленія ея на этомъ полуостровѣ.

IV.

Новѣйшій періодъ.

(съ 1783 до 1883 года).

Одинъ нѣмецкій ученый, ⁶³⁾ по поводу присоединенія Крыма къ нашему отечеству, высказалъ предположеніе, что древніе обитатели Тавриды Скиѣы были не кто иные, какъ предки Славянъ, и что, слѣдовательно, настоящее соединеніе сѣвернаго Черноморья съ Россіею есть не болѣе, какъ возвращеніе Славянъ въ свою древнюю «прародину». Въ этомъ соединеніи онъ видитъ необходимое всемірно-историческое событіе, «великую реакцію Европы противъ насильственнаго вторженія Азіи», подобно тому какъ Французская революція была реакціею Галловъ противъ насильственнаго преобладанія Франковъ, или какъ реформація была реакціею христіанства противъ папства. «Уже величайшій изъ народовъ Славянскихъ (такъ заключаетъ онъ свою любопытную книгу) владѣетъ древнею Скиѣею. Если удастся ему выгнать изъ Европы Турокъ, этихъ

насилъственно вторгнувшихся Азіятскихъ иноплеменниковъ, и поколѣнію Оракійско-Эллинскому возвратитъ опять его отчизну; то это будетъ одна изъ тѣхъ реакцій, которыя, послѣ долгаго усыпленія, причиняли побужденіе древнихъ народовъ и которыя всемірно-исторически споспѣшествуютъ сообразному съ природою, единственно вѣрному развитію жизни націй». ⁶⁴⁾

Разсуждало ли такъ наше правительство, когда вступило въ обладаніе давно желаннымъ полуостровомъ, намъ неизвѣстно; несомнѣнно, однако-жъ, что оно отнеслось къ новопріобрѣтенному краю съ полнымъ вниманіемъ, не щадя никакихъ средствъ для водворенія въ немъ порядка, глубоко потрясеннаго долговременными и опустошительными войнами. Особенно много содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи императрицѣ Екатеринѣ знаменитый сподвижникъ Ея блистательный князь Таврической Г. А. Потемкинъ, который, вступивъ въ 1774 г. въ управленіе Новороссійскимъ генераль-губернаторствомъ, главнымъ образомъ и помогъ Государынѣ окончательво осуществить давно задуманный Ею проэктъ присоединенія Крыма къ Ея владѣніямъ. Когда же это великое безкровное событіе совершилось, князь сосредоточилъ почти все свое вниманіе на возвращеніи Крымскому полуострову его прежняго значенія, насколько было это возможно по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ.

Но обратимся къ Кафѣ и посмотримъ, что предпринималъ князь къ возстановленію ея послѣ тѣхъ погромовъ, какіе пришлось ей пережить въ тяжкую годину присоединенія Крыма.

Изъ цѣлаго ряда ордеровъ, адресованныхъ имъ къ разнымъ лицамъ, видно, что на первыхъ порахъ его озабочивалъ болѣе всего вопросъ о выселеніи изъ Кафы Турокъ.

Такъ, препровождая къ жителямъ этого города «Высочайшій манифестъ о присоединеніи Крыма къ Всероссийской имперіи», онъ, между прочимъ, писалъ (отъ 17 іюня 1783 года): «А какъ въ числѣ обитателей Кафинскихъ многие суть Турки, то о сихъ объявлено, что сила Высочайшаго манифеста до нихъ не касается». ⁶⁵⁾ Имъ, а также Татарами, не желавшимъ оставаться въ Русскомъ подданствѣ, онъ предоставилъ свободу выѣхать изъ Крыма; при чемъ бѣднѣйшимъ, по приобрѣтеніи у нихъ домовъ, предлагалъ особыя средства къ переселенію въ тотъ край, въ который они пожелали бы. ⁶⁶⁾ Такими распоряженіями Потемкинъ очевидно хотѣлъ по возможности скорѣе освободить приморскій городъ отъ безпокойнаго элемента, угрожавшаго внести безпорядки въ только-что отнятомъ у Порты край. Въ то же время онъ заботился о пресѣченіи расхищеній, допускаемыхъ занимавшимъ Кафу Русскимъ войскомъ. Особенно желалъ онъ оберечь отъ него общественныя зданія: мечети, замокъ паши, загородный дворецъ хана и вблизи его монетный дворъ, приказавъ взять ихъ подъ севестръ и приставивъ къ нимъ особаго директора Кол. Сов. Мавроенія. ⁶⁷⁾ Вслѣдствіе этихъ распоряженій составленъ былъ въ 1784 году «планъ Кафы», на которомъ показано: домовъ—греческихъ 20, армянскихъ 30, турецкихъ 694, еврейскихъ 69; мечетей 29, церквей—греческихъ 13, армянскихъ 22; общественныхъ бань 6; фонтановъ и водоемовъ 33. ⁶⁸⁾ Снять былъ также планъ и съ ханскаго дворца, который, какъ изъ него оказывается, былъ трехъ-этажный: въ верхнемъ было 10 комнатъ, въ среднемъ 12, а въ нижнемъ 9. ⁶⁹⁾

Для завѣдыванія монетнымъ дворомъ князь назначилъ 6 марта 1784 года особаго правителя, Надв. Сов. Затлера. ⁷⁰⁾ Этотъ дворъ существовалъ въ Кафѣ еще при Тур-

кахъ (куда его перевели изъ Бахчисарая), ⁷¹⁾ которые предоставляли монетное дѣло откупщикамъ Караимамъ, ⁷²⁾ переливавшимъ старую, добрую монету (аспры, т. е. бѣлую) на плохую мѣдную монету называли «гурушъ», т. е. гнилою). Потемкинъ, какъ бы желая имя новой повелительницы Таврическаго полуострова среди разноплеменнаго населенія его сдѣлать болѣе популярнымъ, заблагоразсудилъ продолжать чеканку Крымской ходячей монеты. Съ этою цѣлю онъ возобновилъ Кафскій монетный дворъ, израсходовавъ на устройство его до 30 тысячъ единовременно ⁷³⁾ и отпускаая потомъ изъ правительственныхъ суммъ до 7-ми тысячъ ежегодно на содержаніе штаба служащихъ въ немъ. ⁷⁴⁾ Чеканилась въ Кафѣ и серебряная, и мѣдная монета. На серебряной монетѣ въ лицевой сторонѣ помѣщался вензель Екатерины II съ надписью кругомъ „Царица Херсониса Таврическаго“, а подъ этою надписью—годъ чеканки; на оборотной сторонѣ, среди двадцати точекъ, выбивались цифры 15, или 10, или 5 (копѣекъ) а внизу буквы Т. М. (т. е. Таврическая монета). На мѣдной монетѣ, въ лицевой сторонѣ изображался двуглавый орелъ, 5 копѣекъ и Т. М. на оборотной—вензель императрицы и годъ чеканки. ⁷⁵⁾ Чтобы судить о количествѣ монеты, какое выпускалъ Кафскій дворъ, приводимъ слѣдующія данныя: съ 4-го октября 1787 года по 17-е Апрѣля 1788 года вычеканено было всей монеты на 52,960 рублей—цифра довольно значительная, особенно если взять въ расчетъ неблагоприятное для работы время: начало новой войны съ Турціей. ⁷⁶⁾

Передъ этою войной, т. е. въ 1787 году, императрица Екатерина предприняла путешествіе на югъ, для обозрѣнія земель, только что присоединенныхъ къ Россіи. Путешествіе это продолжалось со 2-го января по 12-е іюля. О

Высочайшемъ шествіи Ея въ Тавриду данъ былъ отъ 13-го марта 1786 года изъ Правительствующаго Сената князю Потемкину указъ. Имъ требовалось поставить на каждомъ стану отъ 500 до 700 лошадей; затѣмъ слѣдовало подробное исчисленіе станцій, обѣдненныхъ столовъ, ночлеговъ и отдохновеній; дороги было предписано уравнять, а мосты и паромы исправить (къ этому времени относятся доселѣ еще встрѣчающіеся въ Крыму такъ называемыя «Екатери-нинскія мили», которыя заготовляли по распоряженію князя, въ Карасубазарѣ еще въ 1784 году); мѣста для ночлежныхъ дворцовъ приказано было выбирать «налучшія какъ для вида, такъ и для выгоды въ разсужденіи воды, а когда гдѣ есть, и садовъ»; дворцы приготавлились безъ печей, но съ погребами и ледниками; по близости отъ каждаго дворца въ городахъ и селеніяхъ велѣно было очистить по 25 квартиръ для свиты Ея Величества, состоявшей изъ 33 особъ; во всякомъ ночлежномъ дворцѣ должно было заготовить по 500 плошекъ, по 10 фонарей и по 6 пу-стыхъ смоляныхъ бочекъ для иллюминаціи. Князь давно уже готовился къ принятію въ Тавридѣ Высочайшей пу-тешественницы и не щадилъ никакихъ средствъ къ пыш-ной встрѣчѣ Ея. Еще отъ 13 октября 1784 года онъ далъ ордеръ на имя правителя Екатеринославскаго намѣстниче-ства, бригадира Ивана Максимовича Синельникова, которо-му предписывалось между прочимъ: на станціяхъ, гдѣ не положено дворцовъ, устроить, по прилагаемому рисунку, по одной галлерѣе и имѣть приличные напитки и прибо-ры; для надзора за людьми и содержаніемъ лошадей опре-дѣлить на каждую станцію по нѣсколько дворянъ; имѣть на каждой станціи плотника и кузнеца съ инструментами и другими принадлежностями и т. п. 24 марта 1787 года, правитель Таврической области Василій Васильевичъ Ко-

ховскій получилъ подробный маршрутъ „путешествія Ея Императорскаго Величества въ полуденный край Россіи“. Триумфальному шествію Ея велся журналъ, изъ котораго помѣщаемъ здѣсь выписку, интересную для нашего города и уѣзда: «27 мая (1787 г.) благоугодно было Ея Императорскому Величеству и графу Фалькенштейну (Австрійскому императору Іосифу II), выѣхать изъ Карасубазара по полудни въ 2 часа, продолжать путь чрезъ Мелекъ 17, рѣчка Андалъ 13, въ Старый-Крымъ 18 верстъ, куда прибыть изволили въ 7 часу вечера. При Андалѣ стоявшій въ строю легкоконный Константиноградскій полкъ и при въѣздѣ въ Старый-Крымъ легкоконный Таврическій полкъ отдавали честь съ приклоненіемъ штандартовъ, били въ литавры и играли на трубахъ; когда же настала ночь, то садъ, прилегающій къ дому, для Высочайшаго пребыванія изготовленному, и вся его окружность были иллюминированы. Мая 28-го Всемилостивѣйшая Государыня и графъ Фалькенштейнъ изволили ѣздить въ городъ Феодосію, находящійся въ 24 верстахъ отъ Стараго-Крыма, и послѣ обѣденнаго стола возвратились въ Старый-Крымъ въ 6-мъ часу по полудни. При въѣздѣ въ Феодосію, такожь и во время отбытія оттуда, была производима пушечная пальба. Ея Величество съ графомъ Фалькенштейномъ благоволили осматривать Феодосійскій монетный дворъ и всѣ фабрики, къ дѣланію монеты принадлежація; тутъ въ Высочайшемъ присутствіи тиснуты двѣ золотыя медали и поднесены генераломъ-фельдмаршаломъ княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ Ея Императорскому Величеству и графу Фалькенштейну съ означеніемъ года, мѣсяца и дня, въ которой соизволили быть на Феодосійскомъ монетномъ дворѣ. Мая 29-го, Ея Императорское Величество и графъ Фалькенштейнъ, воспріявъ путь изъ Стараго-Крыма чрезъ

рѣчку Андалъ 18, Мелекъ 13, въ Карасубазаръ 17 вереть, прибыли къ обѣденному столу и тутъ же остатокъ дня проводятъ изволили». ⁷⁷⁾ Въ то время, вѣроятно, Генуэзская Кафа переименована была въ древне-Греческую Θεοδοσίю хотя въ народѣ долго еще называли ее Турецкимъ именемъ «Кефе».

По возвращеніи изъ путешествія императрица предписала сенату заготовить похвальную грамоту, съ означеніемъ подвиговъ генераль-фельдмаршала князя Потемкина, въ присоединеніи Тавриды къ имперіи Россійской, въ успѣшномъ заведеніи хозяйственной части и населеніи присоединеннаго края, въ строеніи городовъ и въ умноженіи морскихъ силъ въ Черномъ морѣ (намекъ на русскій флотъ, заведенный въ Севастополь съ 1783 года),—съ прибавленіемъ ему (князю) именованія «Таврическаго».

Дальнѣйшія распоряженія Русскаго правительства относительно Θεοδοσίи касаются дѣлъ церковныхъ. 7-го марта 1787 года Ея Величество, въ бытность Свою въ Кіевѣ, дала святѣйшему Синоду указъ, въ которомъ написано: «По обширности епархіи Екатеринославской и по населенію въ г. Маріуполѣ и области Таврической Грековъ, Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть въ той епархіи викарію, съ наименованіемъ епископа Θεοδοσίискаго и Маріупольскаго». ⁷⁸⁾ Первымъ таковымъ викаріемъ былъ Дорошеи Возмуиловъ (назначенный 17 марта 1787 года), вторымъ Моисей Гумилевскій (15 мая 1791 года), третьимъ Іовъ Потемкинъ (3 декабря 1792 года), четвертымъ Гервасій, пятымъ и послѣднимъ Христофоръ Сулима (28 февраля 1797 года). 16 октября 1799 года Θεοδοσίиское викаріатство было уничтожено. Епископы служили въ нынѣшней Греческой церкви, но жили большею частію въ Старомъ-Крыму, пользуясь благоприятнымъ климатомъ и имѣя въ

распоряженіи хорошіи домъ съ бывшимъ путевымъ дворцомъ Императрицы и прекраснымъ фруктовымъ садомъ⁷⁹⁾,

Академикъ П. С. Палласъ, посѣтившій Феодосію спустя 10 лѣтъ послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, говоритъ о наружномъ видѣ ея слѣдующее: «Феодосія имѣетъ прекрасное и особенно для торговли выгодное положеніе. Но во время послѣдней Турецкой войны, когда овладѣли Кафою Русскія войска, въ особенности же вслѣдствіе сильной эмиграціи, послѣ присоединенія Крыма, она совсѣмъ почти обезлюдѣла, и теперь почти все пространство ея, за исключеніемъ двухъ маленькихъ кварталовъ, представляетъ огромную, возбуждающую чувство сожалѣнія кучу мусора. Крѣпкія и высокія городскія стѣны, воздвигнутыя Генуэзцами, стоятъ еще большею частію неповрежденными; выстроены онѣ изъ плитъ и особенно со стороны моря снабжены многочисленными башнями—батареями въ разстояніи—одна отъ другой—двадцати, срока и даже шестидесяти саженей. Эти башни очень красивой архитектуры, съ внутренней стороны внизу открыты, завершены большими готическими арками и имѣютъ въ срединѣ своей высоты, гдѣ вѣроятно были деревянныя подмости четыре бойницы для пушекъ, которыхъ на платформѣ, быть можетъ было и больше. Стѣна замыкаетъ продолговатое четырехугольное, величиною въ семь четвертей версты, пространство вдоль бухты и идетъ въ западной и южной сторонѣ чрезъ часть прилегающихъ къ городу известняковыхъ высотъ, которыя образуютъ западный высокій уголъ бухты и оканчиваютъ горы. Въ этомъ углу лежатъ маленькая крѣпость и цитадель съ существующимъ еще консульскимъ домомъ, при входѣ въ который виднѣтся надпись съ именемъ Юстиніана. Эта цитадель имѣетъ 12 высокыхъ башенъ и между ними четверы ворота, изъ коихъ одни особенно замѣтны,

окружены крѣпкими стѣнами и выложеннымъ камнемъ сухимъ рвомъ. Меньшій фортъ помѣщается въ сѣверо-западномъ концѣ города и состоитъ изъ замка съ боевыми башнями, который окруженъ стѣной, (четырма крѣпкими круглыми площадками (ронделями) и выложеннымъ камнемъ сухимъ рвомъ. Два, теперь почти совсѣмъ разрушенные, форштадта лежатъ въ южной и восточной сторонѣ, внѣ городской стѣны. Внутри ея почти въ срединѣ города, между нѣсколькими населенными домами и грудями мусора, сохранилась большая, устроенная съ изящной простотой и теперь еще хорошо содержащаяся главная мечеть, называемая «Біюкъ-джамъ». Она имѣетъ семнадцать саженей въ длину и четырнадцать въ ширину. Главный куполъ ея около девяти саженей въ діаметрѣ и окруженъ съ трехъ сторонъ одиннадцатю малыми куполами. При мечети два, готовые уже разрушиться, минарета въ шестнадцать саженей высоты съ витыми внутри лѣстницами до самой вершины. Подлѣ этой мечети находится большая Турецкая, состоящая изъ двухъ главныхъ сводовъ, баня, которая обращена теперь въ гауптвахту, а мечеть въ провіантскій магазинъ. Кромѣ этого въ городѣ, который имѣетъ довольно правильныя улицы, есть хорошая Греческая, Армянская и Католическая церкви, такъ называемое «Палаццо», которое отведено епископу (католическому) Крыма, нѣсколько хорошихъ лавокъ и хановъ (постоялыхъ дворовъ), а внѣ города, въ бухтѣ лежитъ начатый, но не вполне достроенный дворецъ бывшаго хана Сагимъ-Гирея и монетный дворъ, недавно прекратившій свою работу; тотъ и другой въ настоящее время обращены въ казармы. Водопроводы, которыми Кафа нѣкогда была снабжена очень достаточно, спускаются съ восточной высоты, постепенно поднимающейся до 550 футовъ и распределены по всему городу». ⁸⁰⁾ Пал-

ласъ заключаетъ свою замѣтку о Θεодосіи недоумѣніемъ, почему, не смотря на большія выгоды отъ рыбной ловли, въ Θεодосійской бухтѣ ею мало или почти совсѣмъ не занимаются; хвалить вкусъ мѣстныхъ устрицъ, которыя ловятся около горныхъ мысовъ (отъ Θεодосіи до Козь), и называетъ нѣсколько береговыхъ растений, какъ-то: *Strambe maritina*, *Bunias Cakile*, *Salsola Tragos*, *Elymus* и т. п.

Въ административномъ отношеніи Θεодосія была сначала уѣзднымъ городомъ Таврической области; затѣмъ, по возстановленіи Новороссійской губерніи въ 1796—97 годахъ она была исключена изъ числа штатныхъ городовъ и повидимому временно забыта. Печальное положеніе Θεодосіи, по случаю упраздненія въ ней викариатства и вывода изъ нея войска по окончаніи второй Турецкой войны, продолжалось почти до конца минувшаго столѣтія. Паденіе ея во всѣхъ отношеніяхъ было такъ велико, что, какъ значится въ камеральномъ описаніи Крима, произведенномъ въ 1802 году, въ ней было жителей всего только 290. ⁸¹⁾ Казалось, существованію ея наставалъ уже конецъ; но съ начала XIX вѣка судьба опять стала ей улыбаться.

Императоръ Павелъ I, вступивъ на престолъ, прежде всего выразилъ желаніе успокоить Россію, истощенную почти непрерывными войнами и всеобщею расточительностію и роскошью. Призвана была къ жизни изъ-подъ своихъ развалинъ и Θεодосія. 13 февраля 1798 года ей было возвращено имя города, и въ томъ же году дарованы на 30 лѣтъ права „порто-франко“, съ предоставленіемъ жителямъ ея и пріѣзжающимъ сюда многихъ выгодъ, каковы на примѣръ: право безпрепятственнаго поселенія въ городѣ иностранцевъ (въ особенности Грековъ) и отправленія ими Богослуженія по своему обряду, право бесплатнаго выбора поселенцами—купцами, мѣщанами, ремесленниками—мѣста

подъ постройку домовъ, лавокъ, магазиновъ, амбаровъ и т. п. Заботы о Феодосіи еще болѣе усилились при Александрѣ I. ⁸²⁾ Такое вниманіе къ ней совпало съ возникновеніемъ на мѣстѣ бѣдной деревушки Хаджи-Бей города Одессы. Открывши на этомъ пунктѣ широкія ворота для сбыта за границу естественныхъ продуктовъ прилегающаго къ Черному морю плодоноснаго югозападнаго района, Русское правительство задумало открыть такія же ворота и для другаго, юговосточнаго района, въ Крыму. Искони извѣстныя удобства Феодосіи въ географическомъ отношеніи не ускользнули отъ вниманія правительства, которое, возведя этотъ городъ на степень «порто-франко» и желая сразу поднять духъ въ его жителяхъ и пробудить въ нихъ прежнюю торговую предприимчивость, назначило въ Феодосію на равнѣ съ Одессой, отдѣльнаго губернатора, съ тѣмъ чтобы онъ по административнымъ дѣламъ обращался непосредственно къ министрамъ, а въ экстренныхъ случаяхъ даже прямо къ Государю. Первымъ Феодосійскимъ временнымъ военнымъ губернаторомъ былъ генералъ отъ инфантеріи А. С. Феньшу, а вторымъ и послѣднимъ генералъ-маіоръ А. Ф. Клокачевъ.

Въ особомъ Именномъ указѣ, данномъ генералу Феньшу, между прочимъ изъяснено: «Какъ городъ сей изъ цвѣтущаго своего состоянія, даже при Турецкомъ владѣніи, нынѣ однимъ, такъ сказать, именемъ только существуетъ, то и нужно будетъ тотчасъ осмотрѣть его мѣстоположеніе и, по соображенію всѣхъ удобностей, составить планъ, какъ онъ впредь расположенъ быть можетъ». Для производства необходимыхъ построекъ городскому обществу пожаловано сто тысячъ рублей заимообразно на 25 лѣтъ, дарованы доходы съ виннаго городского откупа и предоставлены находящіяся въ 12 верстахъ отъ Феодосіи соляныя озера. Въ

томъ же году губернатору повелѣно: «По разоренному положенію Феодосіи, обратитъ главное попеченіе на то, чтобы прежде всего очистить, такъ сказать, сіе мѣсто отъ громадъ и развалинъ, которыми оно покрыто и, сколько можно, на первый разъ устроить развалившіеся публичные фонтаны». ⁸³⁾ Вѣроятно въ это же время приказано было позаботиться о сооруженіи карантина, такъ какъ къ устройству его генералъ Феньшу приступилъ немедленно, взявши матеріалъ для этого изъ Генуэзскихъ укрѣпленій, большая часть которыхъ такимъ образомъ была разрушена. Изъ этого же матеріала потомъ устроены были въ Феодосіи военные казармы. Черезъ 5—6 лѣтъ послѣ этого городъ воскресъ изъ-подъ своихъ развалинъ. Бѣдныя лачуги исчезли подъ основаніемъ новыхъ домовъ и населеніе изъ нѣсколькихъ сотенъ выросло до 6-ти тысячъ. Завязались прежнія торговыя сношенія съ Анатоліей; а такъ какъ сухопутному сношенію съ Россіей препятствовали пустыни, образовавшіяся, послѣ разоренія Крыма и выселенія изъ него Татаръ, то хлѣбъ изъ примыкающаго къ полуострову и при-Азовью района сталъ поступать въ Феодосію изъ Таганрога моремъ; Феодосійскій рейдъ покрылся массою мелкихъ судовъ,—словомъ жизнь въ воскрешемъ портѣ закипѣла и безспорно развилась бы скоро до высокой степени, если бы не помѣшали этому нѣкоторыя обстоятельства.

Въ 1812 году вспыхнула отечественная война съ Франціею. Объявленіе ея было роковымъ для Феодосіи во многихъ отношеніяхъ: Русское правительство, вслѣдствіе общегосударственныхъ нуждъ въ это тяжкое время, отняло у города всѣ доходы, которые оно не за долго предъ тѣмъ даровало ему для его воскрешенія, обѣщая ихъ отдать назадъ по окончаніи войны; почти въ тоже самое время об-

наружилась чума, произведшая здѣсь значительныя опустошенія и заставившая принять для огражденія отъ нея мѣры, крайне стѣснительныя для торговыхъ операцій. Кризисъ этотъ продолжался около полутора года. Только въ 1816 году, послѣ возстановленія въ Европѣ всеобщаго мира, Θεодосія снова проснулась, сношенія съ малою Азіею возстановились и въ продолженіи слѣдующихъ 5 лѣтъ расширились и укрѣпились. Каботажъ такъ разросся, что въ 1819 году увеличился болѣе чѣмъ на 400 судовъ, вновь построенныхъ и приспособленныхъ къ дальнему плаванію. Θεодосійскій рейдъ кишилъ ими какъ муравейникъ. Зерновый хлѣбъ, который они здѣсь перегружали на заграничныя суда, привлекъ сюда мореплавателей изъ Средиземнаго моря. Этотъ годъ былъ самымъ блестящимъ метеоромъ, освѣтившимъ Θεодосію.

Къ сожалѣнію она не успѣла своевременно закрѣпить торговыхъ связей съ побережьемъ Средиземнаго моря; у нея явились скоро по торговлѣ хлѣбомъ конкуренты; спекуляція понизила цѣну на зерновой продуктъ; вывозъ его въ эти края сразу сократился, а потомъ и вовсе прекратился. Θεодосія остались сношенія съ одной Анатоліей. Но торговлѣ ея и въ этомъ районѣ нанесенъ былъ ударъ строгостью новыхъ фискальныхъ мѣръ, введенныхъ губернаторомъ въ Таможенную администрацію. Таможня, которая въ 1819 году получила около 600 тысячъ рублей пошлины почти исключительно со ввоза, въ 20-мъ году получила ея 400 тысячъ рублей, въ 23 году только 100 тысячъ и т. д., пока сборъ пошлины едва сталъ покрывать издержки по содержанію Таможенныхъ чиновниковъ, которымъ, конечно, мало было дѣла до того, что «торговля, для своего развитія, менѣе нуждается въ помощи, нежели въ свободѣ», и что «истинный способъ больше заработать—ни-

когда не желать много зарабатывать и умѣть при случаѣ терять». ⁸⁴⁾

Должность военного губернатора въ Θεодосіи скоро была замѣнена должностью градоначальника, изъ которыхъ первымъ былъ Ст. Сов. Семенъ Михайловичъ Броневскій. При немъ правительство заботилось, между прочимъ, объ устройствѣ для Θεодосіи православнаго соборнаго храма и открыло уѣздное училище.

Еще въ 1791 году была учреждена въ Кафѣ соборная церковь во имя св. Александра Невскаго. Сначала она помѣщалась въ древнемъ Греческомъ храмѣ св. Николая, затѣмъ было предположено преобразовать въ соборную церковь главную Турецкую мечеть. Предположеніе это было утверждено Государемъ и на перестройку мечети отъ Строительной экспедиціи была отпущена сумма. Въ 1808 году въ мечети уже устроенъ былъ придѣлъ во имя святаго Николая, гдѣ и началось соборное Богослуженіе. Въ 1810 году Строительная комиссія распорядилась приступить къ перестройкѣ всей мечети; но такъ какъ въ этомъ случаѣ нужно было нѣкоторыя части ея сломать, то придѣлъ на время закрыли и соборные священнослужители перешли въ Греческую Введенскую церковь и тамъ совершали Богослуженіе по очереди съ греческими. Русскимъ прихожанамъ, вслѣдствіе незнанія ими греческаго языка, это не понравилось, и они стали просить, чтобы, вмѣсто Введенской церкви, отдана была для русскаго Богослуженія навсегда древняя Николаевская греческая же церковь: «сіе тѣмъ-де удобнѣе», писали прихожане, «что Анатолыцы, будучи въ маломъ числѣ легко могутъ относиться съ требамы своими въ Введенскую греческую церковь куда дѣйствительно они всѣ ходятъ». Справедливость этого подтвердилъ и градоначальникъ. Такимъ образомъ въ 1811 году

Θеодосійскій Александрo-Невскій соборъ, оставивъ Введенскую церковь, перемѣтился снова въ Николаевскую, послѣ нѣкоторыхъ исправленій въ ней. За невыполненіемъ проэкта, относительно перестройки мечети, церковь эта оставалась соборною до послѣдняго времени, когда на мѣстѣ главной мечети построили, наконецъ, новую Русскую соборную церковь, подробности сооружеія коей будутъ изложены ниже ⁸⁵).

15 апрѣля 1811 года открыто въ Θеодосіи уѣздное училище съ разрѣшенія училищнаго комитета Харьковскаго университета, вѣлѣдствіе ходатайства городского общества, по представленію градоначальника. Открытіе училища, какъ сказано въ донесеніи, «происходило въ присутствіи многихъ почетныхъ гражданъ и обывателей, при совершеніи водоосвященія и молебствія о здравіи и долгоденствіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома съ провозглашеніемъ многолѣтія». Въ день открытія было принято только 25 мальчиковъ; но уже 15 іюня ихъ было 66,— въ томъ числѣ дѣтей дворянъ 11, оберъ-офицеровъ 20, разночинцевъ 23, купцовъ 7 и мѣщанъ 5. Заботы о первоначальномъ устройствѣ училища всецѣло принадлежали градоначальнику Броневскому, который временно опредѣлилъ къ исправленію должности перваго смотрителя одного изъ своихъ чиновниковъ Тит. Сов. Папандопуло, принявшаго на себя эту обязанность «бесплатно, изъ усердія къ дѣлу образованія». Въ первый годъ своего существованія училище оставалось въ видѣ приходскаго, такъ какъ до селѣ въ городѣ не было еще никакого начальнаго училища, въ которомъ дѣти могли бы быть приготовлены къ поступленію въ I классъ уѣзднаго, который открытъ былъ только 1 мая 1812 года, въ составѣ 15-ти учениковъ. По уставу 1804 года уѣздное училище состояло изъ двухъ го-

дичныхъ классовъ: 1-го младшаго и 2-го старшаго; сверхъ этого при училищѣ было нижнее отдѣленіе, въ родѣ приготовительнаго класса. Это нижніе отдѣленіе замѣняло приходское училище и, за неимѣніемъ послѣдняго въ городѣ въ теченіи 60-ти лѣтъ, не отдѣлялось отъ уѣзднаго. При такомъ составѣ классовъ училище оставалось до 1836 года, когда оно, по уставу 1828 г. было преобразовано въ трех-классное. Сверхъ положенныхъ по уставу предметовъ въ Θεодосійскомъ уѣздномъ училищѣ, по мѣстнымъ потребностямъ, въ разное время преподавались языки: греческій, турецкій и французскій, а готовящимся къ поступленію въ гимназію еще латинскій и нѣмецкій. Преподаваніе вначалѣ было классное, т. е. всѣ предметы въ классѣ поручались одному учителю, и только потомъ уже предметное, т. е. извѣстный предметъ преподавался однимъ и тѣмъ же учителемъ во всѣхъ классахъ. До 1853 года ученые происходило до и послѣ обѣда, а съ этого года всѣ уроки отнесены на время до-обѣденное. Сверхъ частныхъ испытаній, на которыхъ провѣрялись успѣхи учениковъ, назначались ежегодно (до 40-хъ и даже до 60-хъ гг.) испытанія публичныя, послѣ которыхъ раздавали лучшимъ ученикамъ награды, а публикѣ предлагали чай и десертъ. Эти торжественные акты, на которыхъ учителя произносили рѣчи, а ученики стихи, назначались обыкновенно на 29 іюня въ 4—5 часу по полудни. Публика охотно посѣщала акты, выражая на нихъ свое участіе къ учащимся нерѣдко денежными пожертвованіями, которыя благотворители собственноручно вписывали въ особо заведенную для этого шнуровую книгу, съ надписью на переплетѣ: „Въ незабвенную память благотворителей Θεодосійскаго уѣзднаго училища“. До 1852 года училище входило въ составъ Харьковскаго учебнаго округа, а съ этого года оно перешло въ вѣдѣніе

вновь открывшагося Одесскаго. Изъ хранящихся въ архивѣ училища Окружныхъ распоряженій, клонившихся къ улучшенію въ немъ учебно-воспитательнаго дѣла, особенное вниманіе обращаютъ на себя предложенія попечителей Дмитрія Михайловича Княжевича и Николая Ивановича Пирогова. Первый предписавъ «оставить гибельную систему зубренья» и «объяснять ученикамъ каждый новый урокъ», требовалъ въ тоже время, чтобы учитель въ отношеніяхъ съ дѣтьми былъ „кротокъ и снисходителенъ“, при ошибочныхъ отвѣтахъ уроковъ «не выходилъ изъ себя, не ожесточался, не употреблялъ ругательствъ»; но при этомъ онъ не изгонялъ еще изъ школы тѣлесныхъ наказаній, какъ-то: оставленія безъ обѣда, ставленія на колѣни, ударовъ линейкой и рукой, тасокъ за волосы и за уши, розогъ. Послѣднія выведены были окончательно изъ училища Пироговымъ, который, сверхъ этого, требовалъ, чтобы каждый учитель представлялъ подробное изложеніе способа преподаванія своего предмета, а также практикуемыя имъ воспитательныя мѣры на обсужденіе Педагогическаго Совѣта и затѣмъ на утвержденіе Попечителя.—Училище сначала помѣщалось въ наемной квартирѣ, а съ 1848 года въ собственномъ домѣ, который былъ приобрѣтенъ Городекою думою на Екатерининской улицѣ, и въ которомъ оно существуетъ по настоящее время. При училищѣ есть очень хорошая бібліотека, состоящая изъ 2,500 томовъ на сумму до 3,500 рублей. Слѣдующія лица были штатными смотрителями училища: Панадонуло, Борзинскій и Шнелъ (1811 года), Колофати (1812 года), Павленко-Богуненко (1813 года), Сагредо (1817 года), Бурдуновъ (1821 года), Пушкинъ (1830 года), Савел. Степ. Дацъвичъ (1834 года), И. П. Бѣлимовъ (1840 года), К. И. Самсоны-Тодоровъ (1855 года), И. К. Лютинскій (1865 года), И. Н. Ильяшенко

(1868 года). Нынѣ состоитъ штатнымъ смотрителемъ училища В. П. Штраумбергъ ⁸⁶⁾

Въ 1827 году 30-ти лѣтній срокъ „порто-франко“ для Феодосіи окончился и торговля ея вмѣстѣ съ этимъ сразу упала, доказательствомъ чего служатъ слѣдующія цифры Таможенныхъ сборовъ: въ 1827 году собрано было пошлины съ ввоза и вывоза до 171,400 рублей, между тѣмъ какъ въ 1828 году—только 25,000 рублей, ⁸⁷⁾. Главная причина такого паденія заключалась въ томъ, что одновременно съ упраздненіемъ „порто-франко“ въ Феодосіи было открыто таковое въ Одессѣ, гдѣ и сосредоточилось все торговое движеніе. Въ 1829 году упразднено въ Феодосіи и градоначальство; обязанность градоначальника была поручена съ тѣхъ поръ полиціймейстеру, а самый городъ изъ градоначальства низведенъ былъ на степень уѣзднаго. Особоенно не посчастливилось Феодосіи въ періодъ управления Новороссійскимъ краемъ графомъ М. С. Воронцовымъ (съ 7 мая 1823 г. по 29 октября 1854 г.), который, какъ извѣстно, обходя историческое значеніе Феодосіи, сосредоточилъ въ ущербъ ей все свое вниманіе на Керчи, казавшейся ему въ географическомъ отношеніи несравненно болѣе цѣннымъ для торговли пунктомъ, чѣмъ Богомъ данная, но имъ пренебреженная Феодосія. Одинъ изъ крупныхъ негоціантовъ, поселившихся въ періодъ процвѣтанія ея при «порто-франко», Феликсъ Лагоріо въ оставленной имъ послѣ своей смерти запискѣ „О причинахъ паденія новой Феодосіи“ никакъ не можетъ простить графу его будто бы непрерывныхъ и систематическихъ въ теченіи 30 лѣтъ притѣсненій, подъ тяжестію коихъ, по его мнѣнію, Феодосія и похоронила свою славу. Къ этимъ притѣсненіямъ возникшимъ будто-бы вслѣдствіе недостаточнаго почтительнаго отношенія къ нему, при первомъ посѣщеніи имъ Феодосіи,

со стороны начальника города, Ф. Лагорио относит слѣдующія распоряженія графа: 1) разрушеніе главной мечети и двухъ прекрасныхъ Турецкихъ бань,—этихъ почти единственныхъ зданій, дававшихъ нѣкоторое понятіе о великолѣпїи города въ періодъ Турецкаго владычества въ немъ,—подъ предлогомъ яко бы гуманнаго отношенія къ населенію, крайне обѣднѣвшему и нуждавшемуся въ заработкахъ вслѣдствіе страшнаго голода, причиною коего было опустошеніе полей въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ саранчей; 2) примѣненіе составленнаго послѣднимъ градоначальникомъ Θεодосіи замѣчательнаго проекта „о направленіи, съ паденіемъ Смирны, торговли между Европой и Азіей въ бывшіе пути, начертанныя Генуэзцами, и о проведеніи этихъ путей опять чрезъ Θεодосію, посредствомъ учрежденія въ немъ транзитнаго склада“, вмѣсто этого города, къ любимой имъ Керчи; 3) запрещеніе (до 1846 года) иностраннымъ судамъ останавливаться въ Θεодосіи для карантиннаго очищенія и направленіе ихъ для этой цѣли въ карантинъ Керчи, изъ которой по выдержаніи карантиннаго срока, они возвращались, нагруженныя хлѣбомъ; 4) упраздненіе должности градоначальника, власть котораго была раздѣлена между Таврическимъ губернаторомъ и Керчинскимъ градоначальникомъ, изъ коихъ послѣднему было предоставлено управленіе Θεодосійской таможенной; 5) переводъ изъ Θεодосіи въ Керчь Коммерческаго Суда и т. п. Въ это же время лишили Θεодосію женскаго института, завѣщаннаго ему его гражданиномъ Кушниковымъ, и открыли оный въ Керчи. Далѣе, отняли у города дарованную ему прежнимъ правительствомъ свободу отъ воинскаго постоя, обративши выстроенную на городскія средства казарму въ военный госпиталь для лихорадочныхъ и цинготныхъ и распредѣливши постоянныя и

временно пребывающія въ Θεодосіи войска по частнымъ домамъ за такую ничтожную плату, которая не покрывала расходовъ по ремонтуванію ихъ; вслѣдствіе этого городскіе дома потеряли свою цѣнность и перестали приносить половину прежнихъ доходовъ; всѣ, кто только могъ, продавали ихъ и переселялись или за границу или въ другіе русскіе города. Главныя городскія сооруженія пришли въ совершенный упадокъ. Древній ровъ, окружавшій городъ, какъ для обороны, такъ и для отвода въ море горныхъ потсковъ, во многихъ мѣстахъ совершенно былъ разрушенъ, засоренъ и уничтоженъ, вслѣдствіе чего открылся свободный стокъ горной водѣ на городскія улицы, что неоднократно сопровождалось разнаго рода бѣдствіями. Такъ, еще въ 1820 г. прорвало стѣну карантина и повредило въ немъ зданія, а въ 1840 году, вслѣдствіе сильныхъ дождей, вода, устремившаяся съ горъ, затопила многіе дома, унесла въ море нѣсколько воловьихъ подводъ, случившихся въ то время на берегу, а въ карантинѣ—будку съ часовымъ солдатомъ. Въ 1820 году Муравьевъ-Апостоль, въ бытность свою въ Θεодосіи, еще любовался ея опрятными улицами, обширной чистой площадью, хорошо устроенной набережной, которая была усажена молодыми деревьями; ⁸⁸⁾ но скоро и этого не стало: деревянныя, сваи, поддерживавшія земляную насыпь набережной, не будучи ремонтируемы, всѣ сгнили, насыпь обрушилась въ море и уравнилась съ морскимъ берегомъ; вслѣдствіе этого выбрасываемая на него волнами морская трава въ безвѣтренные лѣтніе дни стала издавать отвратительный запахъ; въ добавокъ къ этому жители стали безъ церемоніи не только выбрасывать на берегъ всякій соръ, но и выводить на него черезъ древнія акведуки изъ своихъ дворовъ и отхожихъ мѣстъ нечистоты; единственная городская мостовая по

улицъ вдоль морского берега, какъ никогда не исправляемая, стала вся въ ямахъ и рывинахъ; бойни, находившіяся, не внѣ города, а въ самомъ его центрѣ, дополняли отвратительное состояніе городского морского берега, гдѣ бродила цѣлая стая голодныхъ собакъ; очистительныя канавы, большею частію, обрушились и засорились; изъ доставшихся въ наслѣдство отъ Турокъ 33 фонтановъ осталось только 5, да и тѣ настолько уже повредились и въ головахъ своихъ, откуда въ нихъ поступаетъ вода, и въ главныхъ и боковыхъ трубахъ, что въ лѣтнее время жители бѣдствовали отъ безводья; послѣднее отчасти происходило и оттого, что весь лѣсъ на окружающихъ Θεодосію горахъ былъ истребленъ до корня.

Картина столь печальнаго состоянія города и убѣжденіе въ томъ, что уже никто не интересуется его судьбою, неоднократно вынуждали жителей Θεодосіи просить о возстановленіи градоначальства, при чемъ они изъясняли: 1) что существующія теперь въ городѣ отдѣльныя администраціи, не бывъ связаны общою зависимоścią отъ одной мѣстной власти и будучи слишкомъ ограничены въ правахъ имъ присвоенныхъ, не могутъ удовлетворять надобности коммерческаго города, гдѣ весьма часто бываютъ случаи, рѣшеніе которыхъ требуетъ вышей власти; дальность же пребыванія начальника губерніи чрезвычайно замедляетъ ходъ дѣлъ, тогда какъ торговлѣ и мореходству время очень дорого, и 2) что возстановленіе градоначальства, доставляя большую пользу городу, не возложило бы на казну никакой особой издержки, ибо ассигнованная прежде на содержаніе Θεодосійскаго градоначальника сумма никогда не возвращалась въ казну, а раздѣляется и по нынѣ между начальникомъ Таврической губерніи и Керченскимъ градоначальникомъ. Но эти просьбы и доводы остались безъ по-

слѣдствій, и казалось, въ особенности по окончаніи Крымской войны, что Θεодосіи предназначено снова обратиться въ тѣ развалины, которыми она была извѣстна еще во времена Римлянъ,—какъ вдругъ, словно съ неба, упало Главное общество російскихъ желѣзныхъ дорогъ съ своимъ проектомъ положить рельсы между Θεодосією и Москвою. Трудно изобразить восторгъ Θεодосійцевъ, въ особенности когда начались уже работы возлѣ самаго города и безпрестанно стали приходиться изъ-за границы суда съ рельсами, съ машинами, съ Французами. Закипѣла лихорадочная дѣятельность; цѣны не только на дома, даже на пустопорожнія, неогороженные мѣста, возвысились неимоვნю, и не смотря на то, что всѣмъ городамъ, болѣе или менѣе пострадавшимъ въ Крымскую войну, были дарованы и пособія и льготы, за исключеніемъ одной Θεодосіи, въ томъ предположеніи, что желѣзная къ ней дорога послужитъ достаточнымъ для нея вознагражденіемъ,—все въ Θεодосіи приняло праздничный видъ; всѣ были довольны, и въ виду работъ, производившихся на протяженіи 60 верстъ предположенной дороги, не колебались затрачивать свои послѣдніе капиталы, или входить въ долги для построенія новыхъ зданій, для исправленія старыхъ и проч., такъ что на этотъ предметъ было уже употреблено до милліона руб. сер., какъ въ противность всякому человѣческому предвѣдѣнію послѣдовало не только прекращеніе работъ на желѣзной дорогѣ, но и совершенное уничтоженіе проекта Главнаго общества вести дорогу на Θεодосію. ⁸⁹⁾ Възетъ о неожиданномъ прекращеніи этой постройки, казалась глубоко огорченнымъ Θεодосійскимъ гражданамъ тѣмъ паразительнѣе, что проведенію желѣзно-дорожной линіи отъ Москвы до Θεодосіи предшествовала весьма обширная литература этого вопроса и всестороннее обсужденіе его въ

высшихъ правительственныхъ сферахъ. И теперь, когда читаешь мнѣнія, соображенія, замѣтки, дополнительные записки, возраженія на соображенія и т. п. статьи, разсѣянные по разнымъ тогдашнимъ газетамъ («Акціонеръ», «Сѣверная пчела», «Одесскій вѣстникъ», «Таврическія губернскія вѣдомости» и проч.) а также отдѣльныя брошюры, обстоятельно разрабатывавшія этотъ вопросъ (брошюры, наприм. Николая Михайловича Соковнина, И. Е. Шмидта и др.), невольно задумываешься: за что, въ самомъ дѣлѣ, такъ жестоко наказываетъ Θεодосію злой рокъ, и почему исторія ея, въ періодъ новѣйшій, есть исторія не возвышенія, а постепеннаго упадка и разрушенія?! Мы совершенно согласны, что съ открытіемъ воднаго пути въ Индію и съ сокращеніемъ его послѣ прорытія Суэзскаго канала, Θεодосіи никогда уже не играть роли почти всемірнаго рынка, какъ это было въ блестящій періодъ Генуэзской Кафы; но почему она не могла и доселѣ не можетъ, при Русскихъ, пользоваться въ торговомъ отношеніи хотя бы такимъ значеніемъ, какъ при Туркахъ?!

Временное оживленіе Θεодосіи въ періодъ постройки и разломки желѣзной дороги, проведенной уже на 70 верстъ отъ нея, принесло ей, впрочемъ, и нѣкоторую пользу: оно привело этотъ городъ, по крайней мѣрѣ, въ то сносное положеніе, въ какомъ мы видимъ его въ настоящее время. Какъ ни тяжѣлъ былъ ударъ, нанесенный Θεодосіи упраздненіемъ гигантскаго сооруженія, судившаго кипучую жизнь какъ ей, такъ и примыкающему къ ней юговосточному району, все же, разъ пробудившаяся въ ней общественная дѣятельность не могла ужъ замереть и перейти въ прежнее состояніе косности. Желѣзнодорожный ажіотажъ далъ толчекъ движенію; а послѣдующія событія, выразившіяся въ десятилѣтнемъ рядѣ реформъ прошлаго царствованія, по-

степенно развивали и усиливали это движеніе впередъ. Шестидесятые годы, ознаменовавшіеся манифестомъ 19 февраля 1861 года, введеніемъ земскихъ учрежденій въ 1863 году, судебными уставами 1864 года, и завершившіеся городовымъ положеніемъ 1870 года, были такими-же радостными, полными весеннихъ надеждъ и упованій въ жизни маленькой Θεодосіи, какъ и во всей необъятной Россіи.

Обращаясь къ общественной дѣятельности города за этотъ періодъ времени, (начиная съ пятидесятихъ годовъ), скажемъ прежде всего нѣсколько словъ объ органѣ общественной власти—Городовой Думѣ. Въ составъ ея входили: городской голова и четыре гласныхъ, избираемыхъ черезъ каждые три года. Вѣдѣнію ея предоставлены были дѣла по городскому хозяйству и благоустройству, взиманіе и расходваніе городскихъ доходовъ по утвержденнымъ губернскимъ правленіемъ смѣтамъ, и отчасти сословныя дѣла мѣщанъ, купцовъ и цеховыхъ. Но, находясь въ прямомъ подчиненіи губернской администраціи, тогдашнее городское общественное управленіе, въ лицѣ Городовой Думы, въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ своихъ лишено было всякой доли самостоятельности. Ему предоставлена была только инициатива въ общественномъ дѣлѣ; реальное-же осуществленіе ея, безъ предварительнаго испрошенія санкціи губернскаго начальства, по закону не допускалось. Отсюда почти полное отсутствіе выдающихся общественныхъ дѣлъ и механическое отправленіе Думою текущихъ заурядныхъ обязанностей по городскому хозяйству. Ничего новаго, своего; надъ всѣмъ царилъ канцелярскій духъ: неустанныя руки писали и переписывали вороха бумагъ, съ утра до ночи стучали счеты, принимались и выдавались деньги, а живаго общественнаго дѣла не было. Не удивительно, по этому что лица, занимавшія въ описываемый періодъ вре-

мени должность городского головы, ни чѣмъ особеннымъ проявить своей дѣятельности не могли. Если бы не подошла къ тому времени постройка желѣзной дороги, имѣвшая несомнѣнно важныя послѣдствія на дальнѣйшій ходъ судьбы города, то почти два десятилѣтія протекли бы безслѣдно и въ отношеніи экономическаго развитія его, и въ отношеніи вышняго благоустройства, не смотря на то, что между лицами, стоявшими тогда во главѣ общественнаго управленія, были люди съ несомнѣнными дарованіями, энергичные и способные руководить дѣлами. Вотъ перечень лицъ, занимавшихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ должность городского головы съ 1854 г.: Θεодосійскій купецъ Григорій Вейсъ (съ 1854 по 1857 г.), Θεодосійскій купецъ Яковъ Дегопикъ (съ 1857 по 1860 г.), Θεодосійскій купецъ Антоній Дуранте (съ 1860 по 1863 г.), Потомственный почетный гражданинъ Самуилъ Крымъ съ (1863 по 1869 г.) и Потомственный почетный гражданинъ Осипъ Антунджи съ 1869 г. до введенія въ г. Θεодосіи городского положенія (въ концѣ 1871 г.).

Разсматривая безконечно-длинный рядъ думскихъ дѣлъ за этотъ пятнадцатилѣтній періодъ времени, трудно составить по нимъ опредѣленное понятіе о томъ, въ какомъ порядкѣ развивалось благосостояніе города, когда и вслѣдствіе какихъ причинъ оно улучшалось, или падало. Объ этомъ молчаливо лишь свидѣтельствуетъ рядъ цифръ по городскимъ росписямъ.⁹⁰⁾

Изъ всѣхъ городскихъ дѣлъ за этотъ періодъ времени только слѣдующія два заслуживаютъ особеннаго вниманія: первое о признаніи за городомъ права на участокъ земли въ 3 тысячи десятинъ, на который имѣли притязаніе казна и помѣщикъ Коронелли, и второе о постройкѣ въ Θεодосіи православнаго Александро-Невскаго собора. Благодаря

энергіи, съ которою взялся за первое дѣло бывшій тогда Городской голова Сам. Абр. Крымъ, и принесенной имъ всеподданнѣйшей жалобѣ на опредѣленіе Межеваго Департамента, владѣльцемъ этого участка была признана Θεодосія, по рѣшенію Правительствующаго Сената въ общемъ собраніи 10 декабря 1874 года, отмѣнившемъ опредѣленіе Межеваго Департамента, состоявшееся въ пользу казны и Коронелли, и оставившемъ безъ уваженія ходатайства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ. Такимъ образомъ окончилось это тяжёлое дѣло, возникшее еще въ началѣ этого столѣтія (съ 1808 г.).

Не такъ скоро совершилось второе, весьма интересное по своей сложности, дѣло о сооруженіи Православнаго собора. Мы уже упоминали выше о правительственной заботѣ относительно устройства этого храма. Намъ осталось здѣсь разсказать исторію его подробнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ коснуться учрежденія, игравшаго въ этомъ дѣлѣ видную роль, такъ называемаго «Отдѣленія о Θεодосійскомъ ссудномъ капиталѣ», пожертвованномъ, какъ выше сказано, Александромъ Благословеннымъ, въ количествѣ 100,000 рублей ассигнаціями, въ 1806 году на благоустройство покореннаго и крайне разореннаго города. Для завѣдыванія этимъ капиталомъ, т. е. исправнымъ поступленіемъ въ срокъ занятыхъ жителями города суммъ и процентовъ на нихъ, а также для дальнѣйшаго производства изъ капитала новыхъ ссудъ, былъ учрежденъ сначала «Комитетъ ссудою управляющій», а потомъ съ 1832 года, когда Высочайшая ссуда была пожалована городу въ видѣ безвозвратнаго дара, Комитетъ этотъ былъ замѣненъ учрежденіемъ при Думѣ особаго «Отдѣленія о Θεодосійскомъ ссудномъ капиталѣ», предсѣдателемъ коего назначенъ былъ городской голова. Мотивы, въ силу коихъ 100-тысячная ссуда

была пожалована городу въ собственность, выражены въ Высочайшемъ повелѣніи такъ: „Для оказанія городу Θεодосіи пособія, пожаловать оному выданные въ 1806 и 1807 гг 100 тысячъ рублей, съ тѣмъ чтобы сеуду сію, какъ переставшую быть казеннымъ долгомъ и предоставленную городу не поправу, а въ видѣ дара, считать именно въ тѣхъ 100 тысячахъ руб., которые дѣйствительно изъ казны выданы были, а взысканіе выросшихъ на оныя до нынѣ процентовъ съ должниковъ сложить“. На средства этого-то капитала и было отнесено въ послѣдствіи окончательное построение Соборнаго храма при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ 1808 году Императоръ Александръ I Высочайше повелѣть соизволилъ ассигновать изъ Государственного Казначейства 47,738 рублей ассигнаціями на постройку въ г. Θεодосіи Православнаго собора во имя св. Александра Невскаго. Сначала предполагали, какъ извѣстно, приспособить къ христіанскому Богослуженію главную Турецкую мечеть и поручили осуществленіе этого предположенія подрядчику Ніоти. Къ сожалѣнію, строитель оказался скоро несостоятельнымъ и въ 1812 году умеръ; выданная ему сумма съ наследниковъ не могла быть взыскана, и Государственный Совѣтъ въ 1816 году образовавшуюся на нихъ недоимку, какъ безнадежную, сложилъ, постановивъ „выстроить въ г. Θεодосіи Православный храмъ на счетъ казны, когда обстоятельства Государственного казначейства улучшатся“.

Такимъ образомъ мысль о постройкѣ храма была отложена на неопредѣленное время, и до 1847 года вопроса объ этомъ никѣмъ возбуждаемо не было. Но въ 1847 году, вслѣдствіе возбужденнаго архіепископомъ Таврическимъ Гавріиломъ ходатайства, свѣтлѣйшій князь Воронцовъ

призналъ возможнымъ дать движеніе дѣлу построенія храма, не дожидаясь желаемого улучшенія средствъ Государственнаго казначейства. По его представленію и послѣдовавшему на это согласію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, разрѣшено отпустить на сооруженіе храма изъ Θεодосійскаго ссуднаго капитала 20,000 руб., съ тѣмъ чтобы деньги эти были выданы только тогда, когда жители города, посредствомъ добровольныхъ пожертвованій, соберутъ съ своей стороны недостающую до смѣтнаго назначенія (44,607 р.) сумму въ 24,607 р., какъ само общество обязалось въ прошеніи, поданномъ Епархіальному начальству въ 1853 году. Спустя четыре года послѣ этого Городовая дума открыла между жителями подписку на сооруженіе храма, но несмотря на благопріятно сложившіяся для того обстоятельства, когда Θεодосія, въ виду начала постройки желѣзной дороги, переживала лучшіе дни, ожиданія на сборъ отъ подписки не оправдались, такъ какъ подписавшихся оказалось только на сумму 1,650 руб., да и тѣ, когда приглашены были Думою къ уплатѣ денегъ, не изъявили на это желанія, ссылаясь на отсутствіе потребности въ постройкѣ новаго Собора при достаточной вмѣстимости для малонаселеннаго города Собора стараго. На этомъ думали и окончится вопросъ о постройкѣ храма. На самомъ же дѣлѣ случилось такъ, какъ того никто не ожидалъ. Онъ снова выступилъ на сцену, но уже въ другомъ видѣ. 28 ноября 1870 года Θεодосійскимъ ссуднымъ отдѣленіемъ былъ полученъ изъ Таврическаго Губернскаго правленія указъ, послѣдовавшій вслѣдствіе прошенія предсѣдателя Θεодосійскаго при Соборной церкви „попечительства“, профессора Василя Ивановича Лапшина и отзыва преосвященнѣйшаго Гурія, бывшаго епископа Таврическаго и Симферопольскаго, объ отпускѣ въ распоряженіе попечительства

изъ суммы Θεодосійскаго ссуднаго отдѣленія 20 тыс. руб. съ процентами, на сооруженіе новаго храма въ г. Θεодосіи. Въ этомъ указѣ приведены слѣдующія соображенія Губернскаго правленія, по поводу ходатайства попечительства и отзыва Преосвященнаго: «Имѣя въ виду, что при отпускѣ въ распоряженіе попечительства изъ суммъ Ссуднаго отдѣленія 20 тысячъ рублей съ процентами на сооруженіе новаго храма въ г. Θεодосіи, во имя св. благовѣрнаго князя Александра-Невскаго, — къ построенію этого храма, при имѣемомъ бытъ приглашеніи къ добровольнымъ пожертвованіямъ, можетъ бытъ приступлено теперь же, предполагая самую постройку разерочить на два или на три года, Губернское правленіе не можетъ не принять во вниманіе того, что хотя въ концѣ 1854 г. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и разрѣшено отпустить на постройку церкви въ г. Θεодосіи лишь помянутые 20 тыс. руб. изъ суммъ Ссуднаго отдѣленія и не прежде какъ по собраніи жителями на такую же сумму деньгами и матеріалами; но разрѣшеніе это, по мнѣнію Губернскаго начальства, нисколько не можетъ стѣснять его ходатайствовать нынѣ предъ высшимъ начальствомъ, согласно съ означенными требованіями попечительства и преосвященнѣйшаго Гурія, объ отпускѣ помянутыхъ 20 тысячъ рублей съ процентами, со времени воспослѣдовавшаго разрѣшенія объ отпускѣ оныхъ, т. е. съ начала 1855 года, считая по 5% на рубль въ годъ, такъ какъ разрѣшеніе только 20 тысячъ рублей послѣдовало собственно потому, что Ссудный капиталъ по валичности своей въ то время позволялъ именно это отчисленіе, ибо г. бывшій Намѣстникъ Кавказскій, князь Воронцовъ, какъ объясняется его первоначальнымъ ходатайствомъ предъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, имѣлъ цѣлью отпустить изъ % Ссуднаго капитала сумму, до-

статочную на постройку Соборной церкви въ Θεодосіи». Войдя на этомъ основаніи съ ходатайствомъ и получивъ разрѣшеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ употребить изъ Θεодосійскаго ссуднаго капитала 35 т. руб. на постройку Соборнаго храма, Губернское правленіе указомъ отъ 16 февраля 1871 года обратилось въ Ссудное отдѣленіе съ требованіемъ о немедленной выдачѣ попечительству половины изъ разрѣшенной къ постройкѣ суммы 17,500 руб., а Городовой думѣ предписало о передачѣ въ вѣдѣніе духовнаго вѣдомства городской площади, предназначенной по плану подъ постройку церкви». Такой неожиданный оборотъ дѣла не засталъ, однако, въ расплохъ Городовую думу, которая, какъ и большинство общества, хотя и отнеслась сочувственно къ постройкѣ храма, но не раздѣляла взгляда церковнаго попечительства, считавшаго условно разрѣшенные къ отпуску въ 1854 году Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ изъ городского Ссуднаго капитала на постройку храма 20 т. р. церковною принадлежностью и помогавшагося вслѣдствіе этого полученія ихъ со всѣми, наросшими съ 1854 года, процентами, что составляло къ 1871 г. 35 тыс. руб. Дума рѣшилась отстаивать Ссудный городской капиталъ отъ неожиданнаго посягательства на него со стороны попечительства. Въ самомъ обществѣ произошелъ расколъ, оно раздѣлилось на двѣ враждебныя партіи. Одна, во главѣ съ дѣятелями попечительства—заслуженнаго профессора Дѣйств. Ст. Сов. В. И. Лапшина и Ст. Сов. Ив. Густ. Палимпсестова, употребляла всѣ силы своей изумительной энергіи на скорѣйшее осуществленіе давно задуманнаго дѣла, не останавливаясь ни предъ какими препятствіями. Другая, въ лицѣ Городскаго головы О. П. Алтунджи, руководимая опытными и не менѣе энергичными общественными дѣятелями, стремилась къ тому, чтобы не

допустить нарушенія узаконеннаго права города на распоряженіе изъ числа дарованнаго ему стотысячнаго капитала тѣми 20 тыс. рублей, которые хотя и были ассигнованы правительствомъ въ 1854 году на постройку храма, но подлежали выдачѣ для этой цѣли лишь тогда, когда жители соберутъ по подпискѣ остальную не достающую по смѣтѣ сумму. Партія эта, столь же глубоко преданная свитому дѣлу построенія храма, желала и требовала только одного, чтобы правительственное распоряженіе осталось неприкосновеннымъ во всей своей силѣ и чтобы тѣмъ соблюдены были городскіе интересы. Общественное мнѣніе стало на сторону этой послѣдней партіи. Вотъ какъ оно высказалось въ приговорѣ собранія городского общества 11 января 1871 года: «Мы не отрицаемъ необходимости постройки въ нашемъ городѣ благолѣпнаго Православнаго храма, но если для этого необходимо отпустить теперь же изъ суммы Суднаго капитала 35 тыс. руб., какъ домогается того попечительство, то городъ, предполагавшій на эти деньги основать свой банкъ, останется при 70 тыс. суммѣ, находящейся въ долгу на разныхъ лицахъ и разсроченной платежемъ, съ Высочайшаго соизволенія въ 1865 году, на 12 лѣтъ, а слѣдовательно и возврата этихъ 70 тыс. руб., на которыя, за выдачею 35 тыс. руб., можно было бы основать банкъ никакъ нельзя ранѣе ожидать, какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, а въ это время предполагаемый банкъ принесъ бы нашему городу несомнѣнную пользу: изъ прибылей его у насъ бы расширилось и улучшилось приходское училище, въ которомъ, къ общему нашему прискорбію, въ истекшемъ (1870 г.) отказано было до 60 желавшимъ поступить въ число учениковъ его за недостаткомъ помѣщенія; Халибовское училище ⁹¹⁾ превратилось бы въ мужскую полную гимназію, гдѣ бы мы съ незначительными затратами могли

дать дѣтямъ нашимъ образованіе, такъ какъ и г. Халибовъ и патріархъ Армянскій Нерсесъ весьма не прочь отъ этого общепользнаго дѣла, и объ этомъ уже ведется переписка въ Одесскомъ Учебномъ Округѣ; мы бы покончили дѣло съ нашими мостовыми, шоссе, фонтанами, требующими особаго вниманія и расходовъ, устроили бы набережную и другія необходимыя улучшенія въ городѣ. Но теперь выдѣленіе 35 тыс. руб. изъ Ссуднаго капитала помѣшаетъ намъ въ учрежденіи общественнаго банка на нѣкоторое время и вмѣстѣ съ тѣмъ отыметъ отъ насъ всѣ тѣ блага, которыя онъ могъ бы принести съ собою и даже въ дѣлѣ сооруженія храма, постройка коего протянулась бы годомъ или двумя позже того, какъ если бы къ этому сооруженію приступлено было теперь». Таковы были доводы общества; но не вняла имъ высшая правительствующая власть, взглянувшая на это дѣло совѣтъ иначе, чѣмъ этого желало общество. Она склонилась на сторону ходатайства церковнаго попечительства, доставивъ ему такимъ образомъ полное пораженіе надъ своими противниками. Для характеристики отношеній обѣихъ враждующихъ сторонъ въ этомъ второмъ фазисѣ борьбы, приводимъ отрывокъ изъ послѣдняго указа Губернскаго правленія, въ которомъ наиболее рельефно выяснены взаимныя отношенія партій и тотъ обострившійся характеръ, который приняли эти отношенія: «Губернское правленіе опредѣлило: поставивъ вновь на видъ Θεодосійскому ссудному отдѣленію бездѣйствіе его по указамъ правленія, строжайше предписать, безотлагательно выдать Θεодосійскому попечительству на постройку храма 17,500 руб., предупредивъ Ссудное отдѣленіе, что если и за симъ Губернское правленіе не получитъ съ первою почтою увѣдомленія, что имъ не сдѣлано уже соотвѣтственное распоряженіе объ отпускѣ въ вѣдѣніе

попечительства означенныхъ денегъ, то правленіе, въ устраненіе дальнѣйшей медленности въ настоящемъ дѣлѣ, вынуждено будетъ командировать отъ себя, для настояній о семь надъ Ссуднымъ отдѣленіемъ и за исполнительнымъ донесеніемъ по означеннымъ указамъ, особаго чиновника на счетъ членовъ и секретаря Ссуднаго отдѣленія, виновныхъ въ противодѣйствіи распоряженіямъ, испешшимъ отъ высшей власти въ столь важномъ дѣлѣ, какъ предметъ о постройкѣ православнаго храма, объяснивъ при этомъ Ссудному отдѣленію, въ послѣдствіи пререканія предѣдателя онаго Городскаго головы Алтунджи, выраженнаго при личномъ объясненіи съ преосвященнымъ Гуріемъ, какъ пишетъ самъ Его Преосвященство, изъ-за непредставленія ему, какъ Городскому Головъ, попечительства къ постройкѣ въ Феодосіи православнаго храма, что несоблюденіе этой формальности, такъ желаемой, повидимому, г. Алтунджи, и къ соблюденію которой попечительство, какъ учрежденіе, разрѣшенное въ установленномъ порядкѣ, не имѣющее ничего общеслужебнаго ни съ городомъ, ни съ представителемъ послѣдняго ничѣмъ и необязано, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ препятствовать скорѣйшему отпуску по собія на церковь, такъ какъ Ссудному отдѣленію и предѣдателью его слѣдуетъ относиться не къ личностямъ, принимающимъ участіе въ построеніи храма, а въ попечительство, особо учрежденное съ цѣлью построенія св. храма». Послѣ такого распоряженія Городовой думѣ ничего уже болѣе не оставалось, какъ покориться необходимости, признавъ себя побѣжденною. Всѣ средства обороны ея были исчерпаны всѣ бюрократическія уловки испробованы и дальше идти было некуда! Первая половина денегъ была выдана попечительству немедленно, а вторая потомъ, при образованіи новой Городской думы. Такъ окончилась исто-

рія пострoенія въ Θεодосіи Православнаго собора, который въ 1873 году былъ уже оконченъ и освященъ сильнымъ духомъ поборникомъ его преосвященнѣйшимъ епископомъ Гуриемъ.⁹²⁾

Къ разсматриваемому періоду времени относятся также заботы о болѣе приличномъ помѣщеніи и содержаніи Θεодосійскаго музеума для сохраненія мѣстныхъ древностей. Заботы о сохраненіи и возобновленіи въ Крымѣ памятниковъ древности и объ изданіи описанія и рисунковъ оныхъ начались тотчасъ послѣ присоединенія этого историческаго края къ Россіи. Еще Потемкинъ отдавалъ распоряженія о сохраненіи древнихъ зданій, снятій плановъ съ нихъ и городовъ и т. п. Но особенно усилились попеченія о Крымскихъ древностяхъ съ тѣхъ поръ, какъ въ этомъ весьма важномъ дѣлѣ приняла дѣятельное участіе въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія сама Академія наукъ, вслѣдствіе поданнаго тогдашнему Министру Народнаго Просвѣщенія князю А. И. Голицыну Ст. Сов. В. В. Капнистомъ мнѣнія о мѣрахъ къ пресѣченію замѣченнаго имъ быстраго истребленія памятниковъ древности, нерѣдко основаннаго даже на разрѣшеніи мѣстныхъ властей. Князь Голицынъ послалъ это мнѣніе на усмотрѣніе управлявшаго его Министерствомъ графа В. П. Кочубея и въ тоже время требовалъ по возбужденному Капнистомъ вопросу заключенія Академіи наукъ. Результатомъ совѣщаній была командировка въ Крымъ академика Кёлера и архитектора Паскаля для изысканія и принятія на мѣстѣ надлежащихъ мѣръ къ сохраненію въ тамошнемъ краѣ памятниковъ древности и составленія смѣты издержекъ, потребныхъ на этотъ предметъ. 20 октября 1820 года послѣдовало на таковое предпріятіе Высочайшее соизволеніе. Въ іюнь 1821 года командированныя лица отправились въ Крымъ, а въ декабрь того-

же года Кёлеръ уже возвратился оттуда и представилъ отчетъ о произведенномъ имъ осмотрѣ памятниковъ, на поправку коихъ по его исчисленію требовалось всего 41,000 рублей. 4 іюня 1822 года расходъ этотъ былъ Высочайше утвержденъ, съ тѣмъ чтобы на первый годъ было выдано изъ строительнаго капитала 10 тысячъ Таврическому гражданскому губернатору, которому и предоставлены были всѣ распоряженія, до сохраненія тѣхъ древностей относящіяся. Касательно же изданія описанія и рисунковъ древностей Тавриды Высочайше повелѣно подать Его Величеству смѣту расходовъ на оное. Но дѣло это приостановилось, вслѣдствіе недостатка Русскихъ художественныхъ силъ и нежеланія Государя поручать исполненіе его художникамъ иностраннымъ. Равнымъ образомъ и отпущенные уже правительствомъ 10 тысячъ руб. оставались до 1825 года безъ всякаго употребленія, пока графъ Воронцовъ не испросилъ Высочайшаго разрѣшенія израсходовать ихъ на устройство въ Керчи и Одессѣ Музеевъ, директорамъ коихъ со 2 мая 1833 года было назначено ежегодное содержаніе по 1,000 рублей ассигнаціями. ⁹³⁾

Гораздо раньше существовалъ уже Музей древностей въ Ѳеодосіи; онъ учрежденъ 13 мая 1811 года Ѳеодосійскимъ градоначальникомъ Бровевскимъ, который, не смотря на крайне ограниченныя средства города, ассигновалъ изъ Городской думы тысячу рублей на приобрѣтеніе остатковъ древностей у жителей и положилъ, такимъ образомъ, начало старѣйшему въ Новороссійскомъ краѣ мѣстному музею. На первый разъ помѣщеніемъ для него назначена была оставленная Турками небольшая каменная мечеть (нынѣ Лютеранская церковь.) И въ этомъ тѣсномъ помѣщеніи сорокъ лѣтъ хранились драгоцѣнныя для мѣстной исторіи матеріалы, состоящія больше въ Генуэзскихъ надписяхъ.

Завѣдующими Музеемъ были: первый городской голова, генуэзскій дворянинъ, Г. Галлера, за нимъ докторъ медицины Ив. Ив. Граперонъ, членъ карантина Е. Ф. де-Вильнёвъ, учитель уѣзднаго училища И. Писаревскій, Кол. Сов. И. С. Безкровный, Кол. Сов. Веребрюсовъ, ст. сов. О. Ф. Ретовскій нынѣ состоитъ директоромъ Музея учитель мѣстной гимназіи ст. сов. Л. П. Колли. При слабомъ надзорѣ первыхъ двухъ лицъ, Музей находился въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, но съ подчиненіемъ въ 1850 году Новороссійскимъ и Бессарабскимъ генераль-губернаторомъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ въ ведомству Императорскаго Одесскаго общества Исторіи и Древностей, приведенъ членомъ основателемъ общества Н. Н. Мурзакевичемъ въ должный порядокъ и за тѣмъ постепенно устраивается и умножается историческими предметами. Умножаемый собираемыми съ разныхъ мѣстъ древностями, Музей сталъ тѣснымъ, но благодаря усердію Феодосійскаго уроженца, профессора Императорской Академіи Художествъ академика Ивана Константиновича Айвазовскаго, который на собранную имъ, въ С.-Петербургѣ, сумму, за выставку своихъ картинъ, построилъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ концѣ города, новое приличное зданіе для Музея, съ часовнею, приготовленною для помѣщенія смертныхъ останковъ Кавказскаго героя, генерала Петра Степановича Котляревскаго. При этомъ случаѣ строитель принесъ въ даръ Музею пять собственноручныхъ изящныхъ картинъ, изображающихъ: 1-я Турецкій городъ Кефу въ то самое время, когда явился, по занятіи всего полуострова Крыма, первый военный русскій корабль, что происходило въ 1783 году; 2-я представляетъ Черноморскую бурю ночью; 3-я такую же бурю на Сѣверномъ морѣ; 4-я туманное утро у Итальянскихъ береговъ; и 5-я ледяныя горы въ полярныхъ странахъ. ⁹⁴⁾

14 сентября 1866 года, благодаря дѣятельному участию въ судьбѣ женскаго образованія со стороны супруги Вице-Адмирала Л. П. Соковниной и сочувствію ея начинаніямъ со стороны мѣстныхъ гражданъ, возникло въ Феодосіи женское училище 1-го разр., которое, со времени введенія въ дѣйствіе Городового положенія, преобразовано было въ гимназію. Въ настоящее время она уже имѣетъ 7 основныхъ классовъ, приготовительный и 8-й дополнительный въ которыхъ обучается до 400 ученицъ. Почетною попечительницею гимназіи, со дня основанія ея, состояла Л. П. Соковнина, а начальницами прежде были: М. К. Мищенко, А. З. Панютина и Е. Н. Алферова, нынѣ же должность эту занимаетъ М. Ѳ. Котляревская (съ 1876 г.)⁹⁴).

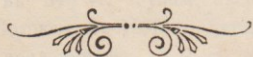
Съ учрежденіемъ Думы по новому Положенію заботы города объ образованіи мѣстнаго юношества росли не по днямъ, а по часамъ.⁹⁵) Въ 1873 году была основана въ Феодосіи четырехклассная мужская прогимназія, въ 1876 году она преобразована въ шести-классную, а въ настоящемъ 1883 году въ полную гимназію. Такому быстрому возрастанію мужскаго средняго учебнаго заведенія въ маленькомъ уѣздномъ городѣ, съ населеніемъ около 10 тыс., содѣйствовали по преимуществу представители общества: Городскіе головы Н. А. Крымъ-Гирей и В. Н. Алтуховъ совмѣстно съ сочувствующими дѣлу образованія—товарищемъ Городскаго головы Ск. Абр. Крымомъ и остальными гласными Думы, и почетные попечители этого заведенія, заслуженный профессоръ университета В. И. Лапшинъ и профессоръ Академіи художествъ И. К. Айвазовскій. Особенно велики въ этомъ отношеніи заслуги послѣдняго. Благодаря его энергической поддержкѣ предъ высшимъ правительствомъ возбужденнаго городомъ ходатайства о преобразованіи Феодосійской прогимназіи въ полную гимназію,

это весьма важное дѣло и пришло къ желанному концу въ 1883 году. Первымъ инспекторомъ, а потомъ директоромъ прогимназіи (нынѣ гимназіи) съ 1873—1894 года состоялъ кандидатъ филологіи Новороссійскаго университета д. с. с. В. К. Виноградовъ. Сверхъ этихъ учебныхъ заведеній въ Феодосіи существуютъ: учительскій институтъ (съ 1874 г.), уѣздное училище, Александровское женское училище 3-го разряда (съ 1880 г.), два мужскихъ приходскихъ училища, переходный классъ 2-го разряда (съ 1876 г.), начальныя училища: Армянское, Караимское, Еврейское и Татарское. Кроме того есть въ городѣ нѣсколько благотворительныхъ учреждений, какъ-то: городская больница, амбулаторный покой состоящій въ вѣдѣніи мѣстнаго комитета Краснаго креста спасательная морская станція, санитарный комитетъ, благотворительное общество и общество вспомошествованія бѣднымъ учащимся.

Параллельно съ заботами общественнаго управленія о преуспѣяніи внутренней жизни города скажемъ о заботахъ онаго и о внѣшнемъ его благосостояніи и благоустройствѣ: объ открытіи городского общественнаго банка и судо-сберегательнаго товарищества; объ очищеніи городскихъ площадей отъ безобразныхъ балагановъ и о замѣнѣ ихъ приличными торговыми помѣщеніями; о выводѣ нѣсколькихъ боенъ изъ городского центра и объ устройствѣ вмѣсто ихъ одной за городомъ; объ улучшеніи мостовыхъ и пристаней на разрѣшенный недавно правительствомъ $\frac{1}{2}$ копѣечный сборъ съ вывозимыхъ за границу продуктовъ; объ улучшеніи городского бульвара; о разведеніи лѣса на окружающихъ Феодосію горахъ; объ устройствѣ въ городскомъ общественномъ саду приличной ротонды для лѣтняго помѣщенія клуба и лѣтняго театра; о насажденіяхъ во вновь открываемыхъ бульварахъ, паркахъ и скверахъ; объ улучшеніи гостиницъ

для удобствъ прїѣзжающихъ въ Феодосію на морское купанье и леченье виноградомъ (съ цѣлію предоставленія еще большихъ удобствъ посѣтителямъ города проэктируется специальное къ тому общество); о ремонтірованіи существующей со временъ Генуэзцевъ сѣти водопроводовъ (сѣть эта въ минувшемъ году по возможности приведена въ извѣстность, нанесена на планъ, а для удобства наблюденій за исправностію водопроводныхъ трубъ направленіе ихъ отмѣчено особыми знаками). Въ недавнее время поднятъ Думою и съ помощію спеціалистовъ—инженеровъ разрабатывается вопросъ объ устройствѣ въ Феодосіи водопровода по новой системѣ; ⁹⁶⁾ въ послѣднемъ засѣданіи Думы, въ память столѣтняго юбилея „присоединенія Крыма къ Россіи“, между прочимъ постановлено: первый фонтанъ будущаго водопровода наименовать „Екатерининскимъ“. Все это пророчитъ Феодосіи лучшую наружность и болѣе отрадную будущность, если не въ торговомъ, то по-крайности въ сезонномъ отношеніи.

На этихъ свѣтлыхъ страницахъ мы и заканчиваемъ „Историческій очеркъ г. Феодосіи“, принося и тѣмъ, кто побудилъ насъ къ этому пріятному труду, и тѣмъ, кто по-содѣйствовалъ посильному исполненію его своими сочиненіями и сообщеніями, глубокую благодарность.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Известны слѣдующія толкованія имени «Крымъ»: 1) оно произошло отъ библейскаго имени Гомеръ сына Яфетова и его потомковъ Киммерійцевъ (Винерь, Гезениусъ, Фюрстъ, Нейманъ, Кнобель, Муравьевъ-Апостоль и мн. др.); 2) оно происходитъ отъ названія «Кремы» или Крымны (*οἱ Κρημοί*) известнаго уже Геродоту; 3) оно заимствовано отъ города Киммериконъ (Cimmericum). А. Гарваки, изъ доклада котораго «О происхожденіи нѣкоторыхъ географическихъ названій на Таврическомъ полуостровѣ» (читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 13 ноября 1875 г.) мы приводимъ эти толкованія, не согласенъ ни съ однимъ изъ нихъ и стоить за татарское происхожденіе наименованія Крымъ; при чемъ онъ болѣе всѣхъ считаетъ правымъ Карамзина, который полагалъ, что Крымъ былъ первоначально названіемъ Солхата (Ески-Крымъ, Старый-Крымъ), и только въ послѣдствіи названіе это было распространено на весь полуостровъ, а не наоборотъ, какъ ошибочно понималъ Абульфеда. «Кирымъ» значитъ «яма, ровъ, окопъ», этимъ именемъ Татары и выразили признакъ города который они или заняли уже укрѣпленнымъ, или сами укрѣпили ровомъ, слѣды коего можно видѣть еще въ настоящее время.

2) Греки хвалились, что они первые открыли доступъ въ Черное море. Ихъ схоласты утверждаютъ, что только благодаря Грекамъ оно изъ (*ἄξεπος*) (негостепріимнаго) сдѣлалось *εὐξεπος* (гостепріимнымъ). «Исторія земледѣнія». К. Риттера. С.-Петербургъ. 1864 г. стр. 31.

3) Появленіе въ Тавридѣ названныхъ народовъ Сестренцевичъ Богушъ приурочиваетъ къ слѣдующимъ годамъ: до Р. Х. въ 1800 г. явились въ Крымъ Тавры, въ 1600 г. Киммеріане. между 1514 и 1484 г. Скифы, въ 380 г. Сарматы; послѣ Р. Х. въ половинѣ II столѣтія Готы (по Тунману), въ 376 г. Гунны, въ 679 г. Хазары, въ 850 г. Печенѣги. въ 1050 г. Половцы, въ 1223 г. Татары или Монголы, см. Хронологич. таблицу, приложенную къ 1-му тому его «Исторія царства Херсонеса Таврическаго», С.-Петербургъ. 1806 г.

4) Египтяне были въ Черномъ и даже Азовскомъ морѣ за 1400 лѣтъ до Р. Хр., при царѣ своемъ Рамзесѣ Міамемѣ Великомъ, названномъ Греками Сезострисомъ (см. Исторію земледѣнія, К. Ритте-

ра, стр. 8). Финикійцы, какъ мы знаемъ изъ пѣсенъ Гомера, также въ самой глубокой древности плавали по Черному морю, посѣщали берега Крыма и къ сѣверу чрезъ Азовское море достигали даже до Танаиса (тамъ же, стр. 25). Забывая сюда для мѣнливой торговли, Финикійскіе купцы въ тоже время занимались морскими разбоями, грабежами, и захватывали людей себѣ въ рабство. Плодами Финикійскихъ и Египетскихъ открытій на побережьяхъ Чернаго и Азовскаго морей воспользовались Греки. Древнѣйшимъ путешествіемъ ихъ сюда былъ знаменитый походъ Аргонавтовъ, Этотъ походъ былъ совершенъ ими еще во времена, предшествовавшія Гомеру, по слѣдующему направленію, какъ описываютъ его древніе поэты: чрезъ Фракіійскій Воспоръ до устьевъ Истра (Дуная), Таврической полуостровъ, отсюда чрезъ Воспоръ Таврической (Керченскій проливъ) въ Азовское море (Palus Maeotis) до Танаиса, затѣмъ обратно до Гипаниса (Кубань) и Фазиса, около Поти (К. Риттеръ, стр. 35). При Гомерѣ Черное море сдѣлалось еще болѣе извѣстнымъ. Академикъ Беръ положительно утверждаетъ, что часть приключеній Одиссея, описанныхъ поэтомъ въ X, XI и XII книгахъ его поэмы, совершалась въ районѣ Чернаго моря, а именно: пребываніе Одиссея въ бухтѣ Листригоновъ (Балаклава), у Киммеріанъ, въ странѣ черныхъ мрачныхъ потоковъ съ огненными столбами (на прилегающемъ къ Керченскому проливу берегу Таманскаго полуострова), у Цирцеи въ Колхидѣ (въ нынѣшней Мингреліи), и опасное плаваніе его мимо Скиллы и Харибды (въ Константинопольскомъ проливѣ). См. изложеніе весьма любопытной полемики этого ученаго натуралиста съ учеными филологами по этому вопросу въ X томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, стр. 511—530. Что касается дальнѣйшаго пребыванія Грековъ и остальныхъ народовъ второй группы, то о нихъ будетъ идти рѣчь въ своемъ мѣстѣ настоящаго очерка.

5) „Памятная книга Таврической губерніи“, изданная въ 1867 г. подъ редакціей К. В. Хайнацкаго. Вып. 1, стр. 287.

6) До 980 фут. надъ уровнемъ моря, по измѣренію мѣстныхъ землемѣровъ.

7) Черное море около береговъ Крыма обыкновенно не замерзаетъ, хотя и бывають исключенія. Вотъ что сообщаетъ о нихъ авторъ «Исторіи царства Херсонеса Таврическаго» Сестренцевичъ-Богущъ (1-й т. стр. 123 и 124): «За 500 лѣтъ до Р. Хр. льды Воспорскіе столь были крѣпки, что Херсонесскіе Скиѣи сражались на нихъ и прошли по онимъ съ телѣгами, намѣреваясь идти въ Индію. 400 лѣтъ послѣ того Нептолемъ, военачальникъ Митридата, побѣдилъ Скиѣовъ въ морскомъ сраженіи на томъ же мѣстѣ Воспора, гдѣ зимою разбилъ ихъ на льду своею конницею. Во время Овидія, на берегахъ Чернаго моря въ Сармаціи, пригоршнями продавали замерзшее кусками вино. Въ 559 году по Р. Хр. устье Дуная замерзало.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 764 г. огромныя льдины, которыя могли поднимать до 30 человѣкъ, были принесены въ Константинопольскій заливъ и ударились въ стѣны сего города. Сія жестокая зима началась съ октября предъидущаго года съ такою суровостью, что все Черное море покрылось льдомъ въ 30 фут. толщины. Можно было ѣздить по оному изъ Тавріи въ Фракію и изъ Константинополя въ Азію. Въ 801 г. Черное море было покрыто льдомъ во всю зиму. Въ 1068 г. Олегъ, Россійскій князь Тмутаракана, велѣлъ измѣрить по льду разстояніе отъ сего города до Керчи черезъ Воспоръ (которое оказалось въ 8,054 сажени. См. «Воспорское царство», соч. А. Ашика. Одесса 1848 г. ч. 1-я. стр. 19). Прибавлю къ этому слѣдующія свѣдѣнія о холодныхъ зимахъ въ Европѣ, заимствованыя Одесскимъ Вѣстникомъ (№ 36, 1883 г.) изъ журнала «Scientific American» Въ 401 году послѣ Р. Хр. Черное морѣ было покрыто сплошнымъ льдомъ Въ 768 г. замерзло не только все Черное море, но и Дарданельскій проливъ, глубина снѣговъ достигала мѣстами до 50 футовъ. Въ 822 г. покрылся льдомъ Дунай. Въ 860 г. замерзало Адриатическое море. Зимы 1432, 1433 и 1434 годовъ были необычайно холодны, и въ одну изъ нихъ снѣгъ шелъ безъ перерыва 40 сутокъ. Весьма суровы были также зимы 1809, 1812 и 1816 годовъ; въ послѣдній изъ нихъ на замерзшей Темѣ была ярмарка».

8) Зап. Одеск. Общ. Исторіи и Древностей т. VIII, стр. 9 и 10.

9) Страбонъ опредѣляетъ разстояніе Оеодосіи отъ Пантикапей въ 530 стадій (5 стадій приблизительно—1 верстѣ). См. Зап. Одес. Общ. т. II. стр. 2.

10) Такъ думаетъ Спасскій котораго опровергаетъ Ашикъ въ 1-й части своего сочин. «Воспорское царство». Одесса 1848 г. стр. 22.

11) Такое странное предположеніе высказалъ Муравьевъ-Апостоль. См. его «Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 году». С.-Петербургъ. 1823 г. стр. 228.

12) Дюбрюкъ говоритъ. «Я убѣжденъ, что при тщательномъ розыскѣ, не пренебрегая ни малѣйшими указаніями мѣстности, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нынѣшней Оеодосіи можно было бы открыть слѣды древней» (См. Зап. Общ. т. IV, стр. 82). Н. Н. Мурзакевичъ въ своей «Исторіи Генуэзскихъ поселеній въ Крыму» говоритъ. Избравъ выгодное приморское мѣсто недалеко отъ того, гдѣ была древняя Оеодосія, при древнемъ же урочищѣ, именуемомъ «Кафа», Генуэзцы положили основаніе селенію того же имени». (Извлечено изъ рукописи автора, хранящейся въ библиотекѣ Оеодосійскаго музея).

13) Проф. Ф. Брунъ. (См. Зап. Общ. т. VII, стр. 237).

14) Онъ же. (См. его литографир. лекціи по «Исторіи Географіи», читанныя въ Новороссійскомъ университетѣ въ 1877/78 академическомъ году. Одесса. 1877 г., стр. 46).

15) Кромѣ Скилакса и Геродота упоминають о Θεοδοσίи Страбонъ. Помпоній Мела, Аррианъ, Скимпъ Хиосскій, Плиніи, Птолемей, Безъ-именный авторъ перипла Понта Евксинскаго и др. древніе путешественники и географы.

16) Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. т. VIII, стр. 4.

17) „Воспорск. Царство“ Ашика. Часть I, стр. 8.

18) Мы обязаны Келлеру открытіемъ монеть древней Θεοδοсіи, на которыхъ послѣдняя называется Θεοδοсіей (Θεοδοσία). Оригиналъ ея можно видѣть въ Θεοδοсійскомъ музеѣ.

19) Исторія Θεοδοсіи въ періодъ Воспорскаго царства составлена нами по Ашику, Сестренцевичу-Богушу, Муравьеву-Апостолу и по неизданной рукописи бывшаго въ Θεοδοσίи Итальянскаго консула Ф. Лагоріо.

20) Ульшанъ. См. Ашика «Воспор. царство». Ч. I, стр. 46.

21) 4¹/₄ медимна, по мнѣнію Гуга, равняются 1 десятипудовой четвертизерноваго хлѣба, Слѣдовательно подарокъ Левкона составлялъ около 50 тысячъ четвертей пшеницы. (Займствовано изъ рукописи Ф. Лагоріо.)

22) Георг. Страбона. кн. XI.

23) Montesquieu. «Esprit des Loix» Liv. VII. cap. II.

24) «Воспорск. царство» Ашика. Ч. I, стр. 111 и 112.

25) Впервые имя Кафа (*Καφα*) мы встрѣчаемъ у Константина Багрянороднаго въ его сочиненіи «De administrando Imperio». См. «О древностяхъ южнаго берега Крыма», П. Кеппена, С.-Петербургъ. 1837 г. стр. 107.

26) А между тѣмъ раскопки, произведенныя въ 1849 г. Н. К. Айвазовскимъ на средства С. Петербургскаго Арх. Общества, должны были бы кажутся, достаточно убѣдить любителей древности, что классическая Θεодосія была именно тамъ, гдѣ мы ее предполагаемъ, т. е. въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нынѣшней. Къ сожалѣнію всѣ драгоценныя вещи античной работы отправлены были тотчасъ же послѣ находки ихъ въ С.-Петербургъ, а въ мѣстномъ музеѣ осталось только нѣсколько черепковъ отъ глиняныхъ, съ весьма впрочемъ красивыми рисунками. кувшиновъ или вазъ.

26) П. Кеппенъ, «О древн. южн. бер. Крыма», стр. 340.

27) Зап. Общ. т. V, стр. 816—818.

28) «Путешествіе по Тавріи» Муравьева-Апостола. стр. 224—226.

29) Тенузцы брали камень для крѣпости Кафской изъ д. Отузъ а можетъ быть изъ Тузды, отсутствующей деревни близъ горы Оцукъ, гдѣ была, древній Киммериконъ, городъ Киммерійскій. См. Кеппена стр. 106.

30) „Ист. Ген. посел. въ Крыму“ Н. Мурзакевича.

31) Тамъ-же. Въ приложеніяхъ мы помѣщаемъ полный списокъ консуловъ Кафы (см. ниже).

32) См. надпись на плитѣ съ этой башни въ приложеніяхъ къ настоящему очерку.

32) Зап. Общ. т. V, стр. 703.

- 33) Зап. Общ. т. VII, стр. 280.
- 34) Тотъ же томъ, стр. 281.
- 35) P. S. Pallas Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs“ Leipzig 1801. Zweiter Band Seit. 262.
- 36) Зап. Общ. т. V, стр. 827.
- 36) Въ буллѣ паны, между прочимъ говорится о Кафѣ: «Locus insignis ubertate multiplici hominum et rerum exuberans». Зап. Общ. т. II, стр. 715.
- 37) Тамъ-же, стр. 828. См. примѣчанія профессора Юргевича къ переведенному имъ Уставу для Генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ, изданному въ Генуѣ въ Февралѣ 1449 г.
- 37) Ф. Эліи де-ла-Примоде сооружеііе главнаго водопровода въ Кафѣ приписываетъ Армянскому епископу. Зап. Общ. т. II, стр. 715.
- 38) См. Уставъ для Ген. поселеній 1849 г. Зап. Общ. т. V, стр. 677—678.
- 39) Тамъ-же, стр. 712—713.
- 40) Тамъ-же, стр. 720—722.
- 41) Тамъ-же, стр. 702, 711, и 697.
- 42) Свѣдѣнія о консулѣ и др. чиновникахъ и административныхъ учрежденіяхъ Кафы заимствованы изъ «Испоріи Генуэзскихъ поселеній» Н. Мурзакевича.
- 43) Зап. Общ. т. IV, стр. 387—388 и т. VIII, стр. 465—471.
- 44) Н. Мурзакевичъ, «Ист. Генуэзск. посел. въ Крыму».
- 45) Тамъ-же.
- 46) Тамъ-же.
- 47) Тамъ-же.
- 48) «Древн. и нов. Феодосія, Ю. Гюбнерга С.-ПБ. 1875 г., стр. 11.
- 49) Зап. Общ. т. II, стр. 716—717.
- 50) Дальнѣйшая исторія Кафы изложена отчасти по Муравьеву-Апостолу, а періодъ времени съ 1453—1456 по М. Волкову (см. Зап. Общ. т. VIII, стр. 109—144).
- 51) Зап. Общ. т. II, стр. 718.
- 52) Буквы Турецкаго слова **شعفت** «милости», сложенные въ ихъ числительномъ значеніи (**ت**=400; **تی**=100; **ف**=80; **ش**=300), даютъ 880. См. Зап. Общ. т. I, стр. 383.
- 53) Исторія Феодосіи въ періодъ Турецкій составлена отчасти по Мурзакевичу, но главнымъ образомъ по Сестренцевичу-Богшу.
- 54) Палласъ первый открылъ дѣленіе владѣній Турецкаго султана въ Крыму на Кадылыки; затѣмъ это свѣдѣніе сообщил Кеппелъ. См. его «О древностяхъ южнаго берега», стр. 75—78.
- 55) Зап. Общ. т. XI, стр. 474—482.

- 56) Тамъ-же стр. 484.
- 57) «Описание Крыма», М. Броневского. См. Зап. Общ. т. т. VI, стр. 348.
- 58) Въ дальнѣйшей части Турецкаго періода мы слѣдовали по преимуществу Богушу.
- 59) Зап. Общ. т. VII, стр. 202—203
- 60) Зап. Общ. т. IX, стр. 458.
- 61) Тамъ-же.
- 62) Вѣроятно тамъ, гдѣ теперь бывшая дача Новосельскаго, нынѣ Бертрень.
- 63) F. L. Lindner въ своемъ сочиненіи «Skythien und die Skythen des Herodot» Зап. Общ. т. I стр. 393.
- 64) Тамъ же, стр. 431.
- 65) Зап. Общ. т. XII, стр. 275.
- 66) Тамъ-же, стр. 278.
- 67) Тамъ-же, стр. 280.
- 68) Тамъ-же, см. 27 примѣчаніе къ ордеру Свѣтлѣйшаго отъ 14 августа 1783 года.
- 69) Зап. Общ. т. XII, стр. 295.
- 70) Тамъ-же.
- 71) Зап. Общ. т. VI, стр. 359, примѣч. 2-е.
- 72) По преданію Караимы переселились въ Крымъ вмѣстѣ съ Татарами изъ Персіи, Бухаріи и Черкесіи. Сначала они жили въ Старомъ-Крыму; затѣмъ часть ихъ выселилась въ Мангушъ (тамъ найдена Караимская надгробная надпись 1274 года) и въ Чуфуть-Кале (одна надгробная надпись на Караимскомъ кладбищѣ—подъ названіемъ Иосафатова должна, въ предмѣстїи Бахчисарая—относится къ 1249 г.). Слѣдовательно, Караимы были въ Крыму и при Генуэзцахъ. Въ Кафѣ были при нихъ синагоги двухъ родовъ: очевидно Караимская и Еврейская (Караимы исповѣдуютъ Иудейскую религію, но отвергаютъ Талмудъ). Существуетъ другое предположеніе, что Караимы—остатки Хозарь, которые какъ, извѣстно, приняли Иудейскую вѣру (св. Кириллъ былъ въ Крыму и препирался съ Хозарами, доказывая превосходство Христіанства предъ исповѣдуемой ими Еврейской религіей). При переходѣ Крыма въ Русское подданство Караимовъ было до 70-ти семействъ, въ 1791 году разсѣявшихся по разнымъ мѣстамъ и поселившихся по преимуществу въ Оеодосіи и Евпаторіи. См. Кенпень, стр. 290 и 375.
- 73) Зап. Общ. т. II, стр. 760 и 761.
- 74) Зап. Общ. т. XII, стр. 323.
- 75) Тамъ-же, см. примѣчаніе.
- 76) Тамъ-же.
- 77) Зап. Общ. т. III, стр. 284 и 285.
- 78) Зап. Общ. т. V, 450

- 79) Тамъ-же, стр. 458 и т. IX, стр. 299—300.
- 80) Изъ 2-го тома вышеназваннаго сочиненія Пелласа, изданнаго въ Лейпцигѣ. Перевелъ съ нѣмецкаго составитель настоящаго очерка.
- 81) Зап. Общ. т. II, стр. 752. Изъ дѣла же мѣстной Думы (1895 г. № 53, стр. 11) оказывается, что въ этомъ году въ Феодосіи было 315 душъ.
- 82) Зап. Общ. т. V, стр. 460.
- 83) „Древн. и нов. Феодосія“, Ю. Губнера, стр. 22 и 23.
- 84) Приведенныя здѣсь свѣдѣнія о торговлѣ въ Феодосіи заимствованы изъ не изданныхъ записокъ Ф. Лагоріо, а таможенныя цифры изъ точныхъ свѣдѣній о ввозѣ и вывозѣ товаровъ изъ Феодосіи, сообщенныхъ намъ г. управляющимъ Феодосійской таможнею М. Н. Данилевскимъ. Свѣдѣнія эти помѣщаются ниже, въ отдѣлѣ Приложеній.
- 85) Зап. Общ. т. II, стр. 199 и 200.
- 86) Свѣдѣнія о Феодосійскомъ уѣздномъ училищѣ взяты нами изъ «Краткой исторической записки», составленной бывшимъ смотрителемъ онаго училища И. Н. Ильашенко.
- 87) Изъ сообщенія М. Н. Данилевскаго.
- 88) «Путешествіе по Тавридѣ» Муравьева-Апостола, стр. 249.
- 89) Свѣдѣнія о желѣзной дорогѣ взяты изъ брошюры неизвѣстнаго подъ заглавіемъ «Былое Крыма и Феодосіи».
- 90) Городскія росписи представляютъ состояніе городскихъ средствъ и потребности города въ слѣдующемъ видѣ:

Годы	Приходъ	Р а с х о д ъ.
1851.	9088 р. 33 к.	6403 руб. Въ томъ числѣ на содержаніе учебныхъ заведеній 461 р., на ремонтъ и исправленіе городскихъ фонтановъ и водопроводовъ 300 р., на поддержаніе въ городѣ трехъ каменныхъ мостовъ 50 р. и на расходы по воинской части 137 р., остальная сумма расходовалась на содержаніе разныхъ административныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ.
1853.	6619 р. 90 к.	6571 руб. 90 коп. Въ томъ числѣ на содержаніе учебныхъ заведеній 744 р. (уѣздн. учил.); на ремонтъ и исправленіе городскихъ фонтановъ и водопроводовъ 200 р.; на поддержаніе трехъ мостовъ 25 р.; на иллюминированіе города 111 р. и на расходы по воинской части 91 р. 60 к.

Годы	Приходь	Р а с х о д ь.
1857.	11025 р. 65 к.	10149 руб. 88 коп. Въ томъ числѣ: фонтаны и водопроводы 300 р., пять каменныхъ мостовъ 50 р. иллюминированіе 21 р., воинская часть 348 р. 50 к., учебныя заведенія 745 руб.
1861.	10511 р. 14 к.	10511 руб. 14 коп. Фонтаны и водопроводы 400 р., пять каменныхъ мостовъ 50 р., иллюминированіе 40 р. 33 к., воинская часть 75 р. 40 к. и учебныя заведенія 980 руб.
1865	7906 р. 50 к.	7906 руб. 50 коп. Фонтаны и водопроводы 200 р., иллюминированіе города 15 р., воинская часть 95 р. и учебныя заведенія 980 р.
1867.	8753 руб.	16136 руб. 50 коп.
1869.	14246 руб.	14114 руб. 47 коп.

91) Армянское средн. учебн. заведеніе, бывшее въ здании, гдѣ теперь помѣщается учит. институтъ.

92) Свѣдѣнія о вышеизложенной общественной дѣятельности въ Феодосіи, равно какъ и о построеніи Соборнаго въ ней храма сообщены намъ секретаремъ Феодосійской городской Думы, П. О. Головлевымъ.

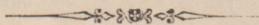
93) Зап. Общ. т. VIII, стр. 363 и 364.

94) Указатель Феодосійскаго музея древностей. Изданіе 3-е Одесса 1880 г., стр. 1—5.

94) «Историческая записка» Феодосійской женской гимназіи. Составилъ секретарь Педагогическаго Совѣта Д. Мышкинъ Феод. 1881 г.

95) Это будетъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ о городскомъ бюджетѣ. Въ 1872 г. изъ 21,544 р. всего городского дохода израсходовано на учебную часть 980 р. а въ 1873 г. изъ 33,442 р.—7,930 р., въ 1874 г. изъ 41,388 р.—9,280 р. и т. д. Сообщилъ секретарь Думы П. О. Головлевъ.

96) См. брошюру инженера-технолога М. И. Алтухова «О результатахъ изслѣдованія мѣстности, окружающей Феодосію, съ цѣлю опредѣленія системы водопроводныхъ сооруженій». Феодосія. 1881 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ

Издана по Высочайшему повелению, по распоряжению
Свѣдѣнаго и Императорскаго Высшаго Училища

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Издана по Высочайшему повелению

Свѣдѣнаго и Императорскаго Высшаго Училища

1897

1898

1899

ПРИЛОЖЕНИЕ

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

Надписи на каменныхъ плитахъ, найденныхъ въ Теодосіи и хранящихся въ мѣстномъ Музеѣ.

*(Помощаемъ здѣсь болѣе интересныя, вмѣстѣ съ переводомъ профессора
В. Н. Юргевичъ и др. См. Зап. Од. Общ. Ист. и Др. т. V стр 160
и 165 и т. IX, стр. 401—402).*

1) Мраморная толстая плита длиною въ 2½ арш. и въ 1¼ арш. шириною, съ 5 гербами и надписью. Надпись эту, чрезвычайно неразборчивую, читали профессоръ Юргевичъ и Генуэзскій палеографъ Ремондини, изъ коихъ первый возстановилъ текстъ ея съ плиты, а второй — съ фотографическаго снимка съ нея (что оказалось болѣе удобнымъ). Помощаемъ здѣсь чтеніе и переводъ того и другого:

Профессора Юргевича:

Annis mille. Dei trecentesimo
quadragesimo sexto lulii octava luce
patente Magni pontificis gracia da
ta crucis in augmentum hec turris
hedi ficata inniciu sumpsit, fundata
prestite. Ihesu amovisti stragen
cunctis laudenque super in presule
auxisti per mirum tunc consulem
qui agebat nomine mundi. Nunc
quam Christus suo ere erigebat
protegat. hanc Deus, cujus vocabulo
tuta senper erit, laudenque suam
continuo (am) puta.
т. е. :Лѣта Господня 1346 въ 8 день
Юля, послѣ дарованія милости Кли-

Палеографа Ремондини:

Annis mille dei trecentis otto quad-
reni
mense Maii fuit. octava luce pa-
tente
Magni ponti ficis Clementis gracia
data
crucis in augmentum hec turris
hedificata
inniciu sumpsit. Fundata prestite.
Ihesu
e (est) malis in stragen. cunctis
laudenque superni
presulem ermirium tu (n) c consulem
e(ss)e patebat
nomine Mondinun. quen Xps (chris-

ментомъ папою для возвеличенія креста, эта выстроенная башня получила свое начало, основанная правителемъ. Иисусе, ты удалилъ бѣдствіе отъ всѣхъ и увеличилъ сверхъ того славу папстыря, чрезъ дивнаго въ то время консула, дѣйствовавшаго во имя міра. Теперь эту башню, которую на свои деньги воздвигалъ Христосъ да охраняетъ Господь. Называясь его именемъ, она будетъ всегда безопасна, и славу ея считай вѣчною».

tus) veere regebat
protegat hanc deus. cuius vocabulo
tuta
senper. erit laudenque. suam con-
tinua puta.

«Въ лѣтахъ господнихъ 1348, въ восьмой день мѣсяца. Мая, когда дарована была милость Климентомъ папою для возвеличенія Креста была построена эта башня. Начало свое получила основанная подъ кровительствомъ Иисуса. Она всѣмъ злымъ на погибель, а Всевышнему во славу. Консуломъ былъ тогда Ермиро по имени Мондини, которымъ по истинѣ руководилъ Христосъ. Да охраняетъ Богъ эту башню, подъ именемъ котораго она будетъ всегда безопасна; ты же сейчасъ прославляй Его».

Имя крестное Mondini употребляется какъ сокращеніе имени Raimondini.

2) Мраморная толстая плита, длиною и шириною въ аршинъ, съ изображенными на ней тремя фигурами, которыхъ видно только нижняя половина, съ надписью внизу:

Hoc opus fuit (*fact*) um tempore
nobilis Domini Gotifredi de Zoalio, Consulis
Januensis in (*Caf*) a, Anno Domini 1351, die
primo mens(is Jan)uarii.

«Это строеніе построено во время правленія благороднаго господина Готифредо ди-Зоали, консула генуэзскаго въ Кафѣ, лѣта Господня 1351, въ 1-й день Генваря мѣсяца».

3) (*Baptista*) de Franchis ho(n)
orabilis consul Caffé et no
biles et egregii Domini Antonius
Spinula et Andreas Pavan (*us*)

Provisores et Masarii hoc
opus construi fecerunt
1412, die prima Marcii.

„(Баттиста) де-Фравки почтенный консуль Каффы и благородные и отличные поспода Антонио Спивола и Андреа Павано, чиновники попечительнаго комитета о городѣ и главные казначеи, выстроили это строение въ 1412-мъ году, въ 1-й день Марта“.

4) † (*Hunc pon*)tem et murum a proxima turri ad mare us(*que ad occidentem* Gaspar judex (*sumptu proprio*) ornari fabricar(*ique fecit*) tempore consulatus Magnifici Domini Callocii de Guizulfis. 1467, die prima Septembris.

„†Этотъ мостъ и стѣну отъ ближайшей башни (св. Константина) возлѣ моря, къ западу, Гаспаро судья собственнымъ иждивениемъ украсить и выстроить приказалъ, во время консульства высокодостойнаго господина Калочеро де-Гвизольфи, 1467, въ первый день Сентября“.

5) Надгробный камень длиною въ $1\frac{1}{2}$ арш., шириною въ одинъ арш., съ надписью:

Hic iacet nobilis juvenis
Lafranchus Zacharia
Domini Angeli. 1523, die
prima Novembris.

„Здѣсь похонута благородный юноша Лафранки Захарія (сынъ) господина Анджело. 1523, перваго Ноября“.

Н. Н. Мурзакевичъ замѣтилъ, уже, что эта надпись свидѣтельствуетъ о пребываніи Генуэзцевъ въ Кафѣ по взятіи ея Турками.

II.

Списокъ Консуловъ Кафы

(въ которомъ профессоромъ Юревичемъ показано время избранія мно-
гихъ консуловъ, вступленія въ должность и конецъ правленія. См. Зап.
Общ. т. V, стр. 820—822).

Годы.

1263. Де-Франи.
1289. Паолино Дорія
1297. Альберто Маллоне.
1316. Коррадо де Роксіо.
1332. Пасквале Джудиче.
1339. Петрано дель Орто.
1342. Джіованни ди Софія.
1343. Дондедео де Джюсти. У Мурзакевича въ 1342 г.; въ-
роятно управлялъ съ 1342 по 1343.
1352. Готтифредо ди Зоали. На надписи въ 1351 (смотри
въ Прилож. Ген. надп. № 2); у Мурзакевича 1353.
1354. Леонардо Монтальдо. У Мурзакевича въ 1357 г.; у
последняго ошибка, потому что въ 1357 г. былъ
консуломъ Джустиніано, прославившійся своимъ без-
корыстіемъ.
1355. Доменико ди Вивальди.
1357. Джероламо Джустиніано.
1365. Бартоломео де Якопо.
1370. Джульяно де Кастро
1373. Симоне Гримальдо. У Мурзакевича Аймоне де Гри-
мальди; былъ консуломъ съ 10 Сент. 1373 г. по 11
Октябрю 1374.
1374. Эльяно де Камилля. У Мурзакевича въ 1357; управ.
слѣдов. съ 11 Окт. 1374 по Октябрю или Ноябрь 1375.
1376. Антоніотто Скварчіафико.
1380. Джіанноне дель Боско. У Мурзакевича показанъ ко-
нецъ правленія 10 Марта 1381.
1381 Янунсіо де Мари. Съ 11 марта 1381 по 10 Марта
1382 у Мурзакевича.

1382. Бартоломео де Якопо вторично. См. Atto del 1382, Manuale 2 въ секретномъ архивѣ св. Георгія. Избранъ былъ въ 1382, 7-го Марта и въ томъ же году вступилъ въ должность, потому, что въ 1383 былъ уже другой консуль. У Мурзакевича показанъ подъ этимъ годомъ Пьетро Кацано или Гацано, котораго находимъ подъ 1385 у Канале.
1383. Мельядуче Каттанео.
1384. Джіакомо Спинола.
1385. Пьетро Гацано.
1386. Бенедетто Гримальди. У Мурзакевича въ 1385 г.; былъ слѣдов. консуломъ съ 1385—86,
1387. Джіованни дель Инноченти
1391. Никколо Джустиніани Банка.
1393. Эльяно Чентуріони Беккиньони. У Мурзакевича въ 1392; правилъ слѣдов. съ 1392—93.
1399. Антоніо де Марини.
1404. Константино Леркари.
1409. Джіакомо Дорія. Окончилъ должность 9-го Іюля, 1410 у Мурзакевича.
1410. Джіорджіо Адорно. Съ 9 Іюля 1410 по 24 Окт. 1411 у Мурзакевича.
1411. Доменико Спинола. У Мурзакевича Антоніо.
1412. Баттиста де Франки.
1413. Паоло Леркари.
1415. Джіорджіо Адорно. Вторично; онъ принялъ эту должность отказавшись отъ должности Дожа. У Мурзакевича показанъ подъ этимъ годомъ Баттиста де-Франки.
1418. Джіакомо Адорно. У Мурзакевича Леонардо Каттанео; изъ этого видно, что Джіакомо былъ консуломъ съ 1417 по 1418, а Леонардо съ 1418 по 1419.
1419. Леонардо Каттанео.
1420. Доменико ди Вивальди.
- Квиликко Джентиле.

1421. Манфредо Саули. Съ 8-го Юля 1420 по 7-е Юля 1421 у Мурзакевича
1422. Джероламо Джустиніани Монелія. Съ 9 Окт. 1422 у Мурзакевича.
- Антоніо Маруффо. Этотъ былъ, какъ оказывается изъ сравненія чиселъ, консуломъ послѣ Манфредо Саули, т. е. съ 7 Юля 1421 по 9 Окт. 1422.
1423. Антоніо Каванна прежде Винченцо. Былъ консуломъ послѣ Джероламо, но вѣроятно или онъ или Джероламо оставилъ должность или умеръ до срока, потому что въ книгахъ Кафскаго казначейства показанъ 1423—1424 консулъ Федерико Спинола.
1423. Федерико Спинола ди Луколи. Былъ консуломъ съ Окт. 1423 по Окт. 1424, когда вступилъ въ должность его преемникъ Пьетро Фіески.
1424. Баттиста Джустиніани.
1425. Пьетро Фіески. У Мурзакевича П. Фіески именуется графъ де-Лаванья; вступилъ въ должность 8 Октяб. 1424, конч. 7 Окт. 1425.
1426. Пьетро Бонденаро.
- Франческо ди Вивальди. Съ Окт. 1425 у Мурзакевича, слѣд. долженствовалъ быть помѣщенъ прежде Бонденаро, который какъ оказывается, былъ консуломъ съ конца 1426 до конца 1427, и ему наслѣдовалъ Габріеле Джустиніани.
1428. Габріеле Джустиніани пр. Реканато.
1429. Луиджи Сальваго.
1434. Ботіаста де-Форнари.
1438. Паоло Имперіяле.
1441. Теодоро Фіески. У Мурзакевича съ 14-го Марта 1441 по 13-е Марта 1442.
1446. Джіовани Навоне. Съ 13-го Юня 1446.
1447. Антоніотто де-Франки пр. торторино.
1448. Антоніо Марія Фіески. Умеръ въ должности (Мурзакевичъ); на его мѣсто избранъ Спинола, не показанный Мурзакевичемъ.

1448. Джіованни Спинола.
1449. Теодоро Фіески пр. Теодоро. Вступилъ въ 1448.
1450. Джіованни Джустиніани Лонго. Вступилъ въ 1449.
1453. Борруеле де-Гримальди.
1454. Деметріо де-Вивальди. Съ 24 Генв. 1453 у Мурзакевича.
1455. Томасо де-Домокульта. Съ 25 Апр. 1455 по 9 Окт. 1456 у Мурзакевича.
1456. Антоніо Леркаро. Съ 10 Дек. 1456 по 9 Дек. 1457 у Мурзакевича.
- Паоло Радджи пр. Антоніо. Сообразивъ предыдущія числа находимъ промежутокъ съ 9 Окт. 1456 по 10 Дек. того же года; въ это время былъ вѣрно консуломъ Радджи, слѣдов. его нужно помѣстить преже Ларкаро.
1457. Дамьяно де-Леоне. Съ 10 Дек. 1457 по 29 Авг. 1458 у Мурзакевича.
- Антоніо Леркари.
1458. Бартоломео Джентиле. Съ 30 Авг. 1458 у Мурзакевича.
1459. Мартино Джюстиніани. По 29 Авг. 1460 у Мурзакевича.
1460. Азелино Скварчіафико.
1461. Лука Сальваго пр. Непителли.
1462. Раффаеле Леркари.
1463. Герардо Ломеллини. Съ 1 Генв. 1463 по 3 Нояб. 1464 у Мурзакевича
1464. Бальдассаре Дорія. Съ Дек. 1463 по 3 Нояб. 1464 у Мурзакевича.
- Раффаеле ди-Монтероссо. Въ списокъ Мурзакевича не помѣщенъ. Кажется былъ консуломъ только нѣскольکو дней съ 3 по 12 Нояб. 1464, ср. время правленія слѣдующаго консула.
1465. Грегоріо де-Реза. Съ Нояб. 1464 по 11 Декаб. 1465, у Мурзакевича. Въ опредѣленіи попечителей Банка св. Георгія состояв. въ Дек. 1466 этотъ консулъ названъ Грег. ди-Рочіа.
- Антоніо делла-Кабелла.

1466. Алаоне Дорія. Вмѣсто его у Мурзакевича Джіованни Ренціо делла-Кабелла, по 4 Генв. 1466. Алаоне былъ только избранъ въ Генуѣ въ Маѣ 1467 г.
1467. Калочеро де-Гвизольфи. (См. въ прилож. надп. № 4).
1468. Джентиле де-Камилла. Съ 1 Февр. 1468 по 29 Февр. 1469.
1469. Карло Чиконья. Съ 1 Марта 1469, по 31 Марта 1470 у Мурзакевича.
1470. Раффаеле Адорно. У Мурзакевича Алаоне Дорія, съ 1 Апр. 1470, избранъ 4 Мая 1467.
- Джіованни Ренцо делла-Кабелла.
1471. Оберто Скварчіафико.
1471. Филиппо Кьяввоя.
1472. Эрасто Джустиніани.
1473. Джіофредо Леркари.
1474. Батиста Джустиніани Оливеріо. Показанъ у Мурзакевича подъ 1473 г. ошибочно.
1475. Антоніотто делла-Кабелла. У Мурзакевича показанъ въ этомъ году ошибочно Оберто Скварчіафико, который былъ въ это время только совѣтникомъ вмѣстѣ съ Франческо ди-Фіеско и погибъ повѣшенный кровомъ за подбородокъ, послѣ взятія Кафы Турками.
- Джуліано Джентиле пр. Фаламоника.
- Галеаццо де-Леванто.

III.

Свѣдѣнія о движеніи судоходства и торговли по Феодосійскому порту за періодъ времени съ 1800 по 1883 годъ.

(Сообщены управляющимъ Феодосійской таможеню М. Н. Дамилевскимъ).

Привозные товары были слѣдующіе: бумага хлопчатая сырецъ, бумага приденная бѣлая и цвѣтная; бумажныя ткани Турецкаго происхожденія, безовсякой примѣси, какъ то: борла всякая, киндякъ, басма или выбойка Турецкая, кумачъ, чемберъ и т. п. грубыя бумажныя издѣлія, а также Турецкія полотенца и кушаки, чемберовыя платки, фески и простая ткань маниджъ-аладжа; бумажныя ткани, смѣшанныя съ шелкомъ какъ-то: шамъ-аладжа и маниджъ-аладжа; шелкъ; вина виноградныя; масло деревянное; фрукты сухіе, изюмъ и винныя ягоды; нардекъ (сокъ изъ гранатовыхъ яблокъ) и бекмезъ (густо вываренный виноградный сокъ); орѣхи, маслины, рожки, кофе; пшено сарачинское; трава кена (растительное вещество, которымъ Татарки красятъ ногти и волосы) и Турецкій табакъ.

Въ какихъ годахъ.	Число пришедшихъ кораблей.	Стоимость привозимыхъ товаровъ.	Пошлины съ привозныхъ товаровъ.
А С С И Г Н А Ц И Я М И.			
		РУБ. КОП.	РУБ. КОП.
въ 1800 году	21	37141 20	5841 64 $\frac{3}{4}$
— 1801 «	12	20472 75	1874 23
— 1802 «	36	35116 41 $\frac{3}{4}$	3832 59 $\frac{1}{2}$
— 1803 «	54	273241 51	23196 18
— 1804 «	64	172368 95 $\frac{1}{2}$	15093 71 $\frac{1}{4}$

			РУБ. КОП.	РУБ. КОП.
въ 1805 году	56	195767 90	24723 2¼
— 1806 «	42	86738 50	13071 37½
— 1807 «	6	24216 —	5574 26
— 1808 «	98	214660 —	22087 47¼
— 1809 «	26	121417 —	8202 39
— 1810 «	67	649060 30	36787 53½
— 1811 «	160	975765 85	95703 76
— 1812 «	225	449671 55	63490 68½
— 1813 «	249	1512081 90½	291572 71¼
— 1814 «	115	1651187 72	462685 64¼
— 1815 «	68	713955 95	91601 53¼
— 1816 «	58	1111826 80	104835 33¼
— 1817 «	193	3592782 2½	175052 22
— 1818 «	144	1887259 70	166512 42¼
— 1819 «	161	3998895 79½	508249 93¼
— 1820 «	140	2262065 79½	344976 68¼
— 1821 «	71	1803585 80	317992 92
— 1822 «	43	701247 56¼	131169 49
— 1823 «	60	644691 61¼	70743 30¼
— 1824 «	19	535712 42½	119106 62
— 1825 «	22	287296 95	51960 31½
— 1826 «	51	560765 32¼	132477 60½
— 1827 «	94	1002387 34½	157462 95¼
— 1828 «	15	135228 95½	22854 20½
— 1829 «	23	321033 20	54410 52
— 1830 «	126	1538151 2	166982 61¼
— 1831 «	62	1701581 22	200014 98½
— 1832 «	85	1295970 28	108715 85½
— 1833 «	60	653007 11	73786 72
— 1834 «	58	1219138 51	27975 28
— 1835 «	26	221313 —	37521 81

			РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.		
ВЪ	1836	ГОДУ	29	563169	22	61890	77
—	1837	"	37	580258	41	61360	55
—	1838	"	76	673535	55	85190	59
—	1839	"	89	695129	—	110339	71

С Е Р Е Б Р О М Ъ.

				РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.	
—	1840	"	37	253777	10	32252	26 ^{3/7}
—	1841	"	38	129492	69	19887	93 ^{6/7}
—	1842	"	33	132290	75	24280	91
—	1843	"	26	91034	5	15598	87
—	1844	"	32	113139	25	17197	½
—	1845	"	31	103008	—	14637	—
—	1846	"	88	119367	—	19263	86
—	1847	"	291	185620	27	31916	13
—	1848	"	99	138021	25	23955	54
—	1849	"	52	143542	80	25980	19
—	1850	"	81	120223	—	26680	86½
—	1851	"	56	94832	—	20215	94
—	1852	"	97	133986	15	21031	13
—	1853	"	95	135686	—	20713	1
—	1854	"	19	26702	—	3678	9
—	1855	ПО ВОЕННЫМЪ ОБСТОЯТ.			ТОРГОВЛИ НЕ		ПРОИЗВОДИЛОСЬ	
—	1856	"	51	36533	50	9248	44 ^{3/4}
—	1857	"	29	342294	80	63862	93
—	1858	"	71	80509	60	12984	86
—	1859	"	94	268223	68	58938	22
—	1860	"	159	113729	27	20164	91
—	1861	"	64	52617	35	12451	38½
—	1862	"	28	71841	—	13804	66
—	1863	"	20	36296	95	8269	26½
—	1864	"	42	37965	29	5583	72

		РУБ. КОП.	РУБ. КОП.
въ 1865 году	45	26571 35	6287 60
— 1866	„ 58	43895 20	8727 83
— 1867	„ 53	36766 18	7224 45
— 1868	„ 43	48985 64	4005 84
— 1869	„ 16	39044 71	5545 29
— 1870	„ 25	48452 21½	7838 93
— 1871	„ 31	83967 36	12890 81
— 1872	„ 33	115882 10	19148 99
— 1873	„ 11	38310 55	5954 72
— 1874	„ 34	59041 56	7308 44
— 1875	„ 47	96424 35	11222 31
— 1876	„ 28	35440 42	7151 49
— 1877	„ НЕ БЫЛО	14738 —	215 45
			Въ золотой валютѣ
— 1878	„ 32	12149 31	1127 68
— 1879	„ 22	42152 60	934 66
— 1880	„ 13	23818 85	1831 83
— 1881	„ 11	5680 92	1420 30
— 1882	„ 15	3851 20	769 41

Отпускные товары были слѣдующіе: пшеница, рожь, ячмень, овесъ; масло коровье; икра рыба, соль; войлоки, бурки овечьи, шерсть овечья, верблюжья и козья; желѣзо полосное, издѣлія изъ желѣза; кожи невыдѣланныя.

Въ какихъ годахъ	Число отшедшихъ кораблей	Стоимость отпускныхъ товаровъ	Пошлинъ съ отпускныхъ товаровъ
А С С И Г Н А Ц И Я М И.			
		РУБ. КОП.	РУБ. КОП.
въ 1880 году	21	23688 85	483 55
— 1801	„ 12	22091 60	571 80
— 1802	„ 35	89160 50	2985 51

			РУБ. КОП.	РУБ. КОП.
ВЪ 1803	ГОДУ	54	161929 50	3796 45¼
— 1804	"	56	101321 66	3413 39¼
— 1805	"	59	129266 90	3336 71½
— 1806	"	40	58754 —	1845 5¼
— 1807	"	6	6279 —	261 4
— 1808	"	99	141997 —	3620 97
— 1809	"	27	121058 25	2945 31
— 1810	"	67	507019 65	8815 4¼
— 1811	"	150	824608 20	13865 12
— 1812	"	191	686033 —	10030 91¼
— 1813	"	279	848334 76	12488 62
— 1814	"	123	905335 64	17132 30
— 1815	"	72	770302 25	13838 44¾
— 1816	"	53	1102820 60	30401 79¾
— 1817	"	186	4047586 50	65580 58¾
— 1818	"	155	1780953 22½	39187 18½
— 1819	"	163	2662992 35¼	81507 44
— 1820	"	130	2237429 20	67928 81¼
— 1821	"	67	974679 40	21670 37
— 1822	"	54	541614 25	12160 4
— 1823	"	58	773838 37½	16798 26
— 1824	"	24	418583 95	23702 96
— 1825	"	22	109860 50	6647 48
— 1826	"	48	450855 37½	12312 3
— 1827	"	94	478329 20	13813 20
— 1828	"	16	75026 75	1978 39¼
— 1829	"	25	322323 22½	6182 70
— 1830	"	100	1806823 70	28209 18
— 1381	"	45	923482 29	17240 3
— 1832	"	63	1529613 79	27453 25
— 1833	"	39	516484 26	16824 5

		РУБ. КОП.	РУБ. КОП.
ВЪ 1834 ГОДУ	51	541545 29	20554 62½
— 1835 «	20	274210 —	5151 12
— 1836 «	23	445110 4	6765 53
— 1837 «	31	581729 30	12019 65
— 1838 «	73	1281243 70	22113 13
— 1839 «	51	955108 40	14703 67
С Е Р Е Б Р О М Ъ .			
		РУБ. КОП.	РУБ. КОП.
— 1840 «	30	180935 50	3040 —
— 1841 «	24	159178 2	2318 44
— 1842 «	18	114708 50	2188 65
— 1843 «	18	96042 50	2816 97
— 1844 «	25	93354 —	2080 82
— 1845 «	16	51124 —	1870 40
— 1846 «	29	118472 —	1860 35
— 1847 «	38	284557 —	3393 75
— 1848 «	22	65527 7	1024 2
— 1849 «	14	47790 50	1689 1
— 1850 «	25	130261 —	2136 22
— 1851 «	12	44933 50	302 9
— 1852 «	14	57236 90	494 1
— 1853 «	28	109347 —	1665 81
— 1854 «	27	100236 —	1346 51
— 1855	ПО ВОЕННЫМЪ ОБСТОЯТ. ТОРГОВЛИ НЕ ПРОИЗВОДИЛОСЬ.		
— 1856 «	25	25620 90	31 70
— 1857 «	30	81914 50	369 47
— 1858 «	41	73420 80	725 31
— 1859 «	39	93978 88	582 46
— 1860 «	168	369048 75	3485 58
— 1861 «	56	187050 10	1727 55
— 1862 «	22	96817 —	1201 2

			РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.
ВЪ 1863	году	17	102061	95	1499	—
— 1864	«	50	98225	—	151	50
— 1865	«	43	368446	—	—	—
— 1866	«	47	507811	32	—	—
— 1867	«	45	588921	90	—	—
— 1868	«	48	665449	45	—	—
— 1869	«	24	319298	60	—	—
— 1870	«	20	487806	30	277	80
— 1871	«	39	819487	50	—	—
— 1872	«	12	173880	55	445	50
— 1873	«	10	566187	—	24	20
— 1874	«	30	821080	—	—	—
— 1875	«	50	1323040	—	41	40
— 1876	«	15	658074	50	—	—
— 1877	«	не было	658	—	—	—
— 1878	«	36	1741393	—	892	10
— 1879	«	34	1741926	—	—	—
— 1880	«	13	717466	—	—	—
— 1881	«	17	1489683	—	—	—
— 1882	«	Г1	1590811	50	—	—

52178

